СВЕТЛЯЧОК

4 класс

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

СВЕТЛЯЧОК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Универсальная хрестоматия составлена в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта нового поколения и может быть использована со всеми основными учебниками по литературному чтению, рекомендованными Министерством образования и науки РФ.

Книга включает в себя произведения устного народного творчества, сказки русских и зарубежных писателей, стихотворения и прозу отечественных классиков. Кроме того, в хрестоматии имеются краткие биографические сведения и интересные факты из жизни любимых детских писателей.

Хрестоматия формирует и закрепляет навыки работы с текстом, способствует улучшению техники чтения, литературному и творческому развитию учащихся. Издание предназначено для подготовки к урокам чтения.

- Универсальная хрестоматия: 4 класс
  - Древнерусская литература и Устное народное творчество
    - Русские народные сказки
      - Пётр I и мужик
      - Бой на Калиновом мосту
      - Петух и жерновки
      - Сказка о молодильных яблоках и живой воде
      - Хитрая наука
  - Русская литература XIX века
    - Проза
      - Александра Осиповна Ишимова (1804–1881)
        -
        - История России в рассказах для детей (Славяне. До 862 года христианского летосчисления)
        - Начало Русского государства и первые государи русские (802–944 годы)
      - Антон Павлович Чехов (1860–1904)
        -
        - Каштанка
          - Глава первая. Дурное поведение

- Глава вторая. Таинственный незнакомец
- Глава третья. Новое, очень приятное знакомство
- Глава четвёртая. Чудеса в решете
- Глава пятая. Талант! Талант!
- Глава шестая. Беспокойная ночь
- Глава седьмая. Неудачный дебют
- Мальчики

- Поэзия
  - Пётр Павлович Ершов (1815–1869)
    -
    - Конёк-Горбунок
    - Кто он?[33] (отрывок)
  - Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)
    -
    - Песня
  - Иван Андреевич Крылов (1769–1844)
    -
    - Мышь и Крыса
    - Осёл и Соловей
    - Осёл и Мужик
  - Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)
    -
    - Утёс
    - Молитва
    - «Москва, Москва!.. люблю тебя как сын…»
    - Нищий
  - Иван Саввич Никитин (1824–1861)
    -
    - «В синем небе плывут над полями…»
    - Музыка леса
  - Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)
    -
    - Птичка
    - Няне
    - Туча
    - Сказка о золотом петушке
  - Иван Захарович Суриков (1841–1880)

- Весна (отрывок)
- В ночном
- Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873)
  - «Ещё земли печален вид…»
  - «Как неожиданно и ярко…»
- Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892)
  - «Уж верба вся пушистая…»
  - «Учись у них – у дуба, у берёзы…»

Русская литература XX века

Проза

- Виктор Юзефович Драгунский (1913–1972)
  - Главные реки
  - Двадцать лет под кроватью
  - Что любит Мишка
- Борис Степанович Житков (1882–1938)
  - Беспризорная кошка
- Лев Абрамович Кассиль (1905–1970)
  - У классной доски
- Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912)
  - Медведко
- Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968)
  - Сказки Пушкина
  - Заячьи лапы
- Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954)
  - Ужасная встреча
  - Как я научил своих собак горох есть
  - Глоток молока
- Корней Иванович Чуковский (1882–1969)
  - Приключения белой мышки
    - 1. Кот
    - 2. Клетка
    - 3. Старая крыса

- 4. Выдумка старой крысы
- 5. Опасная краска
- 6. Жёлтая мышка и доктор

- Поэзия
  - Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942)
    -
    - Золотая рыбка
    - У чудищ
    - Росинка
    - К зиме
    - Осень
    - От птицы к птице
  - Александр Александрович Блок (1880–1921)
    -
    - Россия
    - Рождество
  - Сергей Александрович Есенин (1895–1925)
    -
    - С добрым утром
    - Лебёдушка (отрывок)
  - Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958)
    -
    - Лебедь в зоопарке
    - Детство
  - Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930)
    -
    - Тучкины штучки
    - Хорошее отношение к лошадям
  - Игорь Северянин (1887–1941)
    -
    - В июле
    - Запевка
    - Что шепчет парк
  - Саша Чёрный (1880–1932)
    -
    - Зелёные стихи
  - Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)
    -
    - «Бежит тропинка с бугорка…»
    - Наши царства

- За книгами
- «Красною кистью…»
- «Август – астры…»

- Зарубежная литература
  - Мифы Древней Греции
    - Дедал и Икар
  - Библейские сказания
    - Жизнь первых людей в раю
    - Первый грех. Обещание спасителя. Изгнание из рая
  - Эзоп (IV век до н. э.)
    -
    - Ворона и кувшин
    - Мальчик-вор и его мать
  - Ганс Христиан Андерсен (1805–1875)
    -
    - Оле-Лукойе
      -
      - Понедельник
      - Вторник
      - Среда
      - Четверг
      - Пятница
      - Суббота
      - Воскресенье
  - Эрих Рудольф Распе (1737–1794)
    -
    - Приключения Барона Мюнхгаузена
      - Самый правдивый человек на земле
      - Конь на крыше
      - Сырный остров
      - Необыкновенный олень
      - Удивительная охота
      - Куропатки на шомполе
      - Лисица на иголке

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37

Универсальная хрестоматия: 4 класс

Древнерусская литература и Устное народное творчество

Русские народные сказки

Пётр I и мужик

Наехал царь Пётр на мужика в лесу. Мужик дрова рубит.

Царь и говорит: «Божья помощь, мужик!»

Мужик и говорит: «И то мне нужна божья помощь».

Царь спрашивает: «А велика ли у тебя семья?»

– У меня семьи два сына да две дочери.

– Ну не велико твоё семейство. Куда ж ты деньги кладёшь?

– А я деньги на три части кладу: во-первых – долг плачу, в-других – в долг даю, в-третьих – в воду мечу.

Царь подумал и не знает, что это значит, что старик и долг платит, и в долг даёт, и в воду мечет.

А старик говорит: «Долг плачу – отца-мать кормлю; в долг даю – сыновей кормлю; а в воду мечу – дочерей рощу».

Царь и говорит: «Умная твоя голова, старичок. Теперь выведи меня из лесу в поле, я дороги не найду».

Мужик говорит: «Найдёшь и сам дорогу: иди прямо, потом сверни вправо, а потом влево, потом опять вправо».

Царь и говорит: «Я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня».

– Мне, сударь, водить некогда: нам в крестьянстве день дорого стоит.

– Ну, дорого стоит, так я заплачу.

– А заплатишь – пойдём.

Сели они на одноколку[1], поехали.

Стал дорогой царь мужика спрашивать: «Далече ли ты, мужичок, бывал?»

– Кое-где бывал.

– А видал ли царя?

– Царя не видал, а надо бы посмотреть.

– Так вот, как выедем в поле – и увидишь царя.

– А как я его узнаю?

– Все без шапок будут, один царь в шапке.

Вот приехали они в поле. Увидал народ царя – все поснимали шапки. Мужик пялит глаза, а не видит царя.

Вот он и спрашивает: «А где же царь?»

Говорит ему Пётр Алексеевич: «Видишь, только мы двое в шапках – кто-нибудь из нас да царь».

Бой на Калиновом мосту

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златопёрый ёрш плавает, коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златопёрого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первою ж тонею попался златопёрый ёрш. Вынули его, принесли во дворец; как увидала царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златопёрого с рук на руки.

– На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала.

У царицы родился Иван-царевич, у кухарки – Иван, кухаркин сын, у коровы – Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто – кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит бельё переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и говорят:

– Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван, кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами её повёртывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

– Ну, братцы, – говорит Иван-царевич, – давайте силу пробовать; кому быть большим братом.

– Ладно, – отвечал Иван Быкович, – бери палку и бей нас по

плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана, кухаркина сына, да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван, кухаркин сын, ударил – вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил – вбил обоих братьев по самую шею.

– Давайте, – говорит царевич, – ещё силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит – тот будет больший брат.

– Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил – палка через четверть часа назад упала, Иван, кухаркин сын, бросил – палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил – только через час воротилась.

– Ну, Иван Быкович, будь ты большой брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

– Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? – сказал Иван-царевич, уперся в него руками, возился, возился – нет, не берёт сила.

Попробовал Иван, кухаркин сын, – камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

– Мелко же вы плаваете! Постойте, я попробую.

Подошёл к камню да как двинет его ногою – камень ажно загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырских, по стенам висит сбруя ратная: есть на чём добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

– Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царём простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зелёным лугам и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо – повёртывается.

– Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку – на печке лежит Баба-яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок.

– Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

– Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы. Я добренько скажу.

Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко:

– Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

– Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живёт.

– Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покатили.

Братья переночевали у Бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в неё – пустёхонька, и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович:

– Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожною; давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жеребий – доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую – Ивану, кухаркину сыну, а третью – Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновалися, на дубах орлы закричали – выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт[2] ощетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, пёсья шерсть, ощетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, ещё не родился, а коли родился – так на войну не сгодился; я его на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

– Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они – поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

– Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

– Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать

станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище – рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

– Ну что, не видал ли чего?

– Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван, кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновалися, на дубах орлы раскричалися – выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился. Чудо-юдо коня по бёдрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился – так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

– Погоди – не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Ещё неведомо – чья возьмёт!

Как махнёт богатырь своим острым мечом раз-два, так и снёс у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил – по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище – рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван, кухаркин сын.

– Что, брат, не видал ли за ночь чего?

– Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повёл братьев под калиновый мост, показал им на мёртвые головы и стал стыдить:

– Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

– Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если

половина миски набежит – ладно дело, если полна миска набежит – всё ничего, а если через край польёт – тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помочь[3] мне.

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновалися, на дубах орлы раскричалися – выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива – золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся; чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился. Чудо-юдо коня по бёдрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился – так на войну не сгодился, я только дуну – его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович.

– Погоди – не хвались, прежде богу помолись!

– А, ты здесь! Зачем пришёл?

– На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

– Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

– Я пришёл с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы.

Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем – и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

– Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают; а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трёх раз.

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильней прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем – и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся он ещё сильнее и срубил чуду-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем – головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру

землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по брёвнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули – кровь из миски через край льётся, а богатырский конь громко ржёт да с цепей рвётся. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помочь спешат.

– А! – говорит чудо-юдо, – ты обманом живёшь; у тебя помочь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсёк чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал всё в реку Смородину.

Прибегают братья.

– Эх вы, сони! – говорит Иван Быкович. – Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился.

Поутру ранёшенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зёрнышков и стала сказывать:

– Воробышек-воробей! Ты прилетел зёрнышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьёв моих извёл.

– Не горюй, матушка! Мы ему за всё отплатим, – говорят чудо-юдовы жёны.

– Вот я, – говорит меньшая, – напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвёт – тот сейчас лопнет.

– А я, – говорит середняя, – напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмётся – того я утоплю.

– А я, – говорит старшая, – сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет – тот огнём сгорит.

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой.

Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь – стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван, кухаркин сын, пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперёд заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест – только кровь брызжет!

То же сделал он и с колодезем, и с золотою кроваткою.

Сгибли чудо-юдовы жёны.

Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу:

– Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню.

Иван Быкович вынул червонец и подаёт старухе; она не берётся за деньги, а берёт его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись – нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу – старому старику.

– На тебе, – говорит, – нашего погубителя!

Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать:

– Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы чёрные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?

Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул:

– Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?

– Твоя воля, что хочешь, то и делай, я на всё готов.

– Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужика мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу – золотые кудри, я хочу на ней жениться.

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому чёрту, жениться, разве мне, молодцу!»

А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась.

– Вот тебе, Ванюша, дубинка, – говорит старик, – ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: «Выйди, корабль! Выйди, корабль! Выйди, корабль!» Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую.

Иван Быкович пришёл к дубу, ударяет в него дубинкою бессчётное число раз и приказывает:

– Всё, что есть, выходи.

Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул:

– Все за мной! – и поехал в путь-дорогу.

Отъехав немного, оглянулся назад – и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят. Подъезжает к нему старичок в лодке:

– Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи.

– А ты что умеешь?

– Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал:

– Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад.

Подъезжает в лодке другой старичок:

– Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

– А ты что умеешь?

– Умею, батюшка, вино-пиво пить.

– Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

– Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.

– Говори: что умеешь?

– Я, батюшка, умею в бане париться.

– Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял на корабль и этого; а тут ещё лодка подъехала; говорит четвёртый старичок:

– Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

– Да ты кто такой?

– Я, батюшка, звездочёт.

– Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем.

Принял четвёртого, просится пятый старичок.

– Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?

– Я, батюшка, умею ершом плавать.

– Ну милости просим!

Вот поехали они за царицей – золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчётное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива, удивляется и спрашивает:

– Что б это значило?

– Это всё для тебя наготовлено.

– Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить.

Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать:

– Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть разумеет?

Отзываются Объедайло да Опивайло:

– Мы, батюшка! Наше дело ребячье.

– А ну, принимайтесь за работу!

Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваями, а целыми возами. Всё приел и ну кричать:

– Мало хлеба, давайте ещё!

Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, всё выпил и бочки проглотил.

– Мало, – кричит. – Подавайте ещё!

Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина недостало.

А царица – золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять вёрст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидал, что от бани огнём пышет, и говорит:

– Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!

Тут ему опять вспомнилось:

– Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?

Подбежал старик:

– Я, батюшка! Моё дело ребячье.

Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул – вся баня остыла, а в углах снег лежит.

– Ох, батюшки, замёрз, топите ещё три года! – кричит старик что есть мочи.

Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замёрзла, а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу – золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжко – ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на небо.

– Ну, – говорит Иван Быкович, – совсем пропала! – Потом вспомнил: – Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочёт?

– Я, батюшка! Моё дело ребячье, – отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездою, полетел на небо и стал считать звёзды; одну нашёл лишнюю и ну толкать её! Сорвалась звёздочка со своего места, быстро покатилась по небу, упала на корабль и обернулась царицею – золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска,

ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» – думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать:

– Ты, что ль, горазд ершом плавать?

– Я, батюшка, моё дело ребячье! – Ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай её под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею – золотые кудри.

Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею – золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы чёрные. Глянул на царицу и говорит:

– Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу.

– Нет, погоди, – отвечает Иван Быкович, – не подумавши сказал!

– А что?

– Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жёрдочка; кто по жёрдочке пройдёт, тот за себя и царицу возьмёт!

– Ладно, Ванюша! Ступай ты наперёд.

Иван Быкович пошёл по жердочке, а царица – золотые кудри про себя говорит:

– Легче пуху лебединого пройди!

Иван Быкович прошёл – и жёрдочка не погнулась; а старый старик пошёл – только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу – золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется:

– Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!

На том пиру и я был, мёд-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

Петух и жерновки

Жил да был себе старик со старухою, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один жёлудь в подполье. Пустил жёлудь

росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит: «Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растёт выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать». Старик прорубил пол; деревцо росло, росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял; дерево всё растёт да растёт и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез-лез и взобрался на небо. Ходил, ходил по небу, увидал: сидит кочеток[4] золотой гребенёк, масляна головка, и стоят жерновцы[5]. Вот старик-от долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит: «Как нам, старуха, быть, что нам есть?» – «Постой, – молвила старуха, – я попробую жерновцы». Взяла жерновцы и стала молоть; ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернёт – всё блин да пирог!.. И накормила старика.

Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату. «Нет ли, – спрашивает, – чего-нибудь поесть?» Старуха говорит: «Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?» Взяла жерновцы и намолола: нападали блинки да пирожки. Приезжий поел и говорит: «Продай мне, бабушка, твои жерновцы». – «Нет, – говорит старушка, – продать нельзя». Он взял да и украл у ней жерновцы. Как уведали старик со старушкою, что украдены жерновцы, стали горе горевать. «Постой, – говорит кочеток золотой гребенёк, – я полечу, догоню!» Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Как услыхал барин, сейчас приказывает: «Эй, малый! Возьми, брось его в воду». Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду!» – и выпил всю воду. Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Барин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь – прямо в огонь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду!» – и залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Гости услыхали это и побёгли из дому, а хозяин побёг догонять их; кочеток золотой гребенёк схватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

Сказка о молодильных яблоках и живой воде

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Фёдором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал. Слыхал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко – помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу – будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовёт на пир князей и бояр и говорит им:

– Кто бы, ребятушки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привёз бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответу нет. Выходит царевич Фёдор и говорит:

– Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Идёт Фёдор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженого, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлёстанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою – не ради красы, а ради крепости… Отправился Фёдор-царевич в дорожку. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился…

Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечеру – красна солнышка до закату. И доезжает до росстаней[6], до трёх дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана:

«Направо поедешь – себя спасать, коня потерять.

Налево поедешь – коня спасать, себя потерять.

Прямо поедешь – женату быть».

Поразмыслил Фёдор-царевич: «Давай поеду, где женату быть».

И повернул на ту дорожку, где женату быть.

Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

– Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

– Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперёд двигаться.

– Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе

любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лёг Фёдор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую…

Долго ли, коротко ли, царь опять собирает пир, зовёт князей и бояр и говорит им:

– Вот, ребятушки, кто бы выбрался из охотников привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответа нет. Выходит второй сын, Василий-царевич:

– Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идёт Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженого, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлёстанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился… Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь – себя спасать, коня потерять.

Налево поедешь – коня спасать, себя потерять.

Прямо поедешь – женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женату быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откушать хлеба-соли и лечь почивать:

– Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого…

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лёг к стенке, она опять повернула кровать, он и полетел в подполье.

А там спрашивают:

– Кто летит?

– Василий-царевич. А кто сидит?

– Фёдор-царевич.

– Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли, третий раз царь собирает пир, зовёт князей и бояр:

– Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответа нет. Выходит Иван-царевич и говорит:

– Дай мне, батюшка, благословеньице с буйной головы до резвых ног ехать в тридесятое царство – поискать тебе молодильных яблок и живой воды, да поискать ещё моих братцев.

Дал ему царь благословеньице. Пошёл Иван-царевич в конюший двор – выбрать себе коня по разуму. На которого коня не взглянет, тот дрожит, на которого руку положит, тот с ног валится…

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идёт, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка.

– Здравствуй, дитятко Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

– Как же мне, бабушка, не печалиться – не могу найти коня по разуму.

– Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять – будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич – не шелохнётся. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздой неузданной, оседлал седельцем неезженым, наложил двенадцать подпруг с подпругою – не ради красы, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился… Доехал он до росстаней и поразмыслил:

«Направо ехать – коня потерять. Куда мне без коня-то? Прямо ехать – женату быть. Не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать – коня спасти. Эта дорога – самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти – себя потерять.

Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зелёным лугам, по каменным горам, ехал день до вечеру – красна солнышка до закату – и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашёл он в неё, а там сидит Баба-яга старых лет. Шёлковый кудель[7] мечет, а нитки через грядки бросает.

– Фу, фу, – говорит, – русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл!

А Иван-царевич ей:

– Ах ты, Баба-яга, костяная нога, не поймавши птицу – теребишь, не узнавши молодца – хулишь! Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постель собрала. Я бы улёгся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать – чей да откуда.

Вот Баба-яга это дело всё справила – Ивана-царевича накормила, напоила и на постель уложила. Села к изголовью и стала спрашивать:

– Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

– Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять озёр, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

– Ну, дитя моё милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки – у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро…

– А ты, бабушка, дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум.

– Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезёт он тебя до моей середней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встаёт ранёшенько, умывается белёшенько. Благодарит Бабу-ягу за ночлег и едет на её коне.

Вдруг он и говорит коню:

– Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

– В кою пору ты говорил, я уже двести вёрст проскакал…

Едет Иван-царевич близко ли, далёко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно – конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся. Кони-то были одностадные.

Услышала это Баба-яга – ещё старее той – и говорит:

– Фу, фу, русского духу слыхом мне не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл!

А Иван-царевич ей:

– Ах ты, Баба-яга, костяная нога, встречай гостя по платью,

провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила…

Баба-яга это дело справила – коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постель уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

– Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке…

– Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

– А ты, бабушка, дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум.

– Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня знает, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встаёт ранёшенько, умывается белёшенько. Благодарит Бабу-ягу за ночлег и едет на её коне. А этот конь ещё бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

– Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

– В кою пору ты говорил, я уже триста вёрст проскакал.

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера – красна солнышка до закату. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо Баба-яга, старых лет, ещё старее той. Поглядела – конь её сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный…

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят – ночлег нужен каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга всё дело справила – коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

– Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к средней, а средняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

– Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица

Синеглазка, моя племянница, – сильная и могучая богатырка. Вокруг её царства – стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража – тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моём добром коне. Доедешь до стены – и бей коня по бокам плетью нехлёстанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесёт.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на её доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озёра хвостом заметает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, едет и доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит – тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьёт его плетью нехлёстанной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит – стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. И захотелось ему самому увидать сильную, могучую богатырку, девицу Сине-глазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят по одну сторону шесть полениц – девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посредине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал её и вышел…

Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

– Не послушался ты, Иван-царевич, вошёл в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить.

– Ах ты, конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об неё одной подковой – на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девица Синеглазка проснулась и увидала пропажу:

– Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девица

Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей Бабы-яги, а у неё уж конь выведенный, готовый. Он – со своего коня да на этого и опять вперёд поскакал. Иван-то царевич за дверь, а девица Синеглазка – в дверь и спрашивает у Бабы-яги:

– Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

– Нет, дитятко.

– Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

– Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

– Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

– Что ты, дитятко, живо справлю…

Пошла Баба-яга доить корову – доит, не торопится. Поела девица Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до средней Бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он – за дверь, а девица Синеглазка – в дверь:

– Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

– Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

– Да ты долго печь будешь.

– Что ты, дитятко, живо справлю…

Напекла Баба-яга блинков – печёт, не торопится. Девица Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей Бабы-яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнал. Он – за дверь, девица Синеглазка – в дверь и спрашивает у Бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

– Нет, дитятко, а ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

– Да ты долго топить будешь.

– Что ты, дитятко, живо справлю…

Истопила Баба-яга баньку, всё изготовила. Девица Синеглазка попарилась, окатилась и опять погнала. Конь её с горки на горку поскакивает, реки, озёра хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой – девицей Синеглазкой – ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка наскакивает и кричит ему:

– Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

– Что ж, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскакивали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копья долгомерные,

сабельки острые. И съезжались три раза: палицы поломали, копья-сабли исщербили – не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

Боролись с утра до вечера – красна солнышка до закату. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девица Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный – пороть ему белу грудь, Иван-царевич и говорит ей:

– Не губи меня, девица Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними с сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девица Синеглазка подняла Ивана-царевича с сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатёр в чистом поле, на широком раздолье, на зелёных лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они обручились и перстнями обменялись. Девица Синеглазка ему говорит:

– Я поеду домой – и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай… Через три года жди в своём царстве.

Сели они на коней и разъехались… Долго ли, коротко ли, – не скоро дело делается, скоро сказка сказывается, – доезжает Иван-царевич до росстаней, до трёх дорог, где плита-камень, и думает:

«Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушал он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть… И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьёвы кони откликнулись. Кони-то были одностадные…

Иван-царевич взошёл на крыльцо, стукнул кольцом – маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица:

– Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откушать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьёт, сколько под стол льёт. Повела его прекрасная девица в спальню:

– Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич столкнул её на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

– Кто там живой?

А из ямы отвечают:

– Фёдор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул – они лицом черны, землёй уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой – стали они

опять прежними.

Сели они на коней и поехали… Долго ли, коротко ли, доехали до росстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

– Покараульте моего коня, а я лягу отдохну.

Лёг он на шёлковую траву и богатырским сном заснул. Фёдор-царевич и говорит Василию-царевичу:

– Вернёмся мы без живой воды, без молодильных яблок – будет нам мало чести, нас отец пошлёт гусей пасти…

Василий-царевич отвечает:

– Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмём и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опамятовался и видит: только небо и вода и под старым дубом у моря птенцы пищат – бьёт их непогода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов накрыл, а сам укрылся под дубом.

Унялась погода, летит большая птица Нагай. Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

– Детушки мои милые, не убила ли вас погода-ненастье?

– Не кричи, мать, нас сберёг русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

– Для чего ты сюда попал, милый человек?

– Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

– Ты моих детей сберёг, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

– Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

– Достань мне два чана – пудов по двенадцати – мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклал, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой – на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подаёт да подаёт… Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя

мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

– Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три кусочка вырыгнула:

– Приставь их на место.

Иван-царевич приставил – мясо приросло к костям.

– Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошёл путём-дорогой на родную сторону.

Пришёл он в столицу и узнаёт, что Фёдор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошёл Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой голи и давай гулять по кабакам.

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается – прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах раскинула шатёр белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посылает в столицу царю сказать:

– Царь, отдай царевича. Не отдашь – всё царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посылает старшего – Фёдора-царевича. Идёт Фёдор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

– Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

– Нет, детушки, это ваш дяденька.

– А что прикажешь с ним делать?

– А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Фёдора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унёс.

А Синеглазка опять посылает к царю.

– Отдай царевича!

Пуще испугался царь и посылает среднего – Василия-царевича. Он подходит к шатру. Выбегают два мальчика:

– Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

– Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били,

били, Василий-царевич едва ноги унёс. А Синеглазка в третий раз посылает к царю:

– Ступайте, ищите третьего сынка, Ивана-царевича! Не найдёте – всё царство потопчу, пожгу!

Царь ещё пуще испугался, посылает за Фёдором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всём повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идёт к Синеглазке, и с ним идёт голь кабацкая. Они под ногами сукна рвут и в стороны мечут.

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

– Матушка, матушка, к нам какой-то пьяница идёт с голью кабацкой!

А Синеглазка им:

– Возьмите его за белые руки, ведите в шатёр. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатёр. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нём сменила и спать уложила. А голи кабацкой по стаканчику поднесла, и они домой отпра-вились.

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир – честным пирком да за свадебку. Фёдору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора – ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде…

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в её девичье царство.

Тут и сказке конец.

Хитрая наука

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, а по смерти на помин души, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам – авось возьмёт кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег.

Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повёл сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда:

– Что, старичок, пригорюнился?

– Как мне не пригорюниться! – сказал дед. – Вот водил, водил сына, никто не берёт без денег в науку, а денег нетути!

– Ну так отдай его мне, – говорит встречный, – я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь – придёшь вовремя да узнаешь своего сына – возьмёшь его назад; а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живёт и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошёл домой. Пришёл домой в радости, рассказал обо всём бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошёл в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сравняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить и как его узнавать.

– У хозяина моего не я один в науке; есть, – говорит, – ещё одиннадцать работников, навсегда при нём остались – оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нём двенадцатым. Завтра, как придёшь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями – перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на того голубя, что повыше всех.

После выведет он к тебе двенадцать жеребцов – все одной масти, гривы на одну сторону и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев – рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одёжей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на меня.

Рассказал всё это, распростился с отцом и пошёл из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

Поутру дед встал, собрался и пошёл за сыном. Приходит к колдуну.

– Ну, старик, – говорит колдун, – выучил твоего сына всем хитростям. Только, если не признаешь его, оставаться ему при

мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей – перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны, и говорит:

– Узнавай, старик, своего сына!

Как узнавать-то, ишь все ровны! Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

– Кажись, это мой!

– Узнал, узнал, дедушка! – сказывает колдун. В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов – все, как один, и гривы на одну сторону.

Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

– Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

– Нет ещё, погоди маленько.

Да как увидал, что один жеребец топнул правою ногою, сейчас показал на него:

– Кажись, это мой!

– Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев – рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошёл мимо молодцев – ничего не заприметил, в другой прошёл – тож ничего, а как проходил в третий раз – увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

– Кажись, это мой!

– Узнал, узнал, дедушка!

Вот делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

– Батюшка, – говорит сын, – я сейчас сделаюсь собачкою; барин станет покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою.

Барин увидал, что старик ведёт собачку, зачал её торговать: не так ему собачка показалася, как ошейник хорош. Барин даёт за неё сто рублёв, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублёв.

Только стал было дед снимать ошейник – куда! – барин и слышать про то не хочет, упира-ется.

– Я ошейника не продавал, – говорит дед, – я продал одну собачку.

А барин:

– Нет, врёшь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник.

Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал её с ошей-ником.

Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошёл домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг – откуда ни возьмись – бежит навстречу заяц.

– Что, – думает барин, – али выпустить собачку за зайцем да посмотреть её прыти?

Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую – и убежала в лес.

Ждал, ждал её барин, не дождался и поехал ни при чём.

А собачка оборотилась добрым молодцем.

Дед идёт дорогою, идёт широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал? А сын уж нагнал его.

– Эх, батюшка! – говорит. – Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

– Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь.

Ударился оземь, сделался птичкою, старик посадил её в клетку и понёс продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалася!

Пришёл и колдун, тотчас признал деда и догадался, что у него за птица в клетке сидит. Тот даёт дорого, другой даёт дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдаёт; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берёт!

Взял одну птичку, завернул в платок и понёс домой.

– Ну, дочка, – говорит дома, – я купил нашего шельмеца!

– Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет – улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

– Батюшка! Я обернусь нынче лошадью; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадью; повёл её дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, всё барышники: тот даёт дорого, другой даёт дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдаёт.

– Да как же я поведу лошадь-то? – спрашивает колдун. – Дай

хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Продал лошадь – продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привёл коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают.

– Ну, дочка, – сказывает опять колдун, – вот когда купил, так купил нашего шельмеца.

– Где же он?

– На конюшне стоит.

Дочь побежала смотреть; жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел вёрсты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

– Батюшка, – говорит, – прости! Грех меня попутал, конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит!

Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним щукою.

Ёрш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы бельё моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги.

Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком.

– Отдай, – пристаёт к ней, – моё золотое кольцо.

– Бери! – говорит девица и бросила кольцо наземь.

Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зёрнами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал – одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб!

Тем сказке конец, а мне водочки корец.

Русская литература XIX века

Проза

Александра Осиповна Ишимова (1804–1881)

Александра Осиповна Ишимова родилась в 1804 году в Костроме. На следующий год отца перевели на службу в Санкт-Петербург. До семи лет девочку ничему не учили, даже азбуке, давая ей полную свободу. А в восемь лет Александру отдали в пансион. За четыре месяца обучения она выучилась читать по-русски, по-французски и по-немецки. В 1818 году Александра окончила пансион и готовилась поступать в Екатерининский институт, но из-за интриг богатого и влиятельного помещика её отец был выслан из Петербурга в Вологду, затем – в Усть-Сысольск и Никольск. Семья на годы осталась без средств к существованию. В 1825 году отца планируют выслать в Соловецкий монастырь.

В 1825 году Александра Ишимова приезжает в Санкт-Петербург и отправляется к царю вымолить прощение для отца. Встреча состоялась, и дела семьи наладились. Вскоре Ишимова открывает частную школу, занимается литературными переводами. В это время она завязывает знакомство с Вяземским, Жуковским, Пушкиным и другими писателями.

С августа 1834 года Александра Осиповна работает над «Историей России в рассказах для детей» – главной книгой писательницы, принёсшей ей всероссийскую славу. В 1838 году Александре Ишимовой была присуждена Демидовская премия.

Ишимова издавала два ежемесячных журнала для детей младшего и среднего возраста: «Звёздочка» и «Лучи» (первый журнал «для девиц»). Она много переводила с французского и английского языков: в частности, именно ей принадлежат первые переводы на русский язык приключенческих романов Фенимора Купера.

История России в рассказах для детей (Славяне. До 862 года христианского летосчисления)

Милые дети! Вы любите слушать чудесные рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, вас веселят сказки о добрых и злых волшебницах. Но, верно, для вас ещё приятнее будет слышать не сказку, а быль, т. е. сущую правду? Послушайте же, я расскажу вам о делах ваших предков.

В старину в отечестве нашем, России, не было таких

прекрасных городов, как Петербург и Москва. На тех местах, где вы любуетесь теперь красивыми строениями, где вы так весело бегаете в тени прохладных садов, некогда были непроходимые леса, топкие болота и дымные избушки; местами были и города, но вовсе не такие обширные, как в наше время. В них жили люди, красивые лицом и станом, гордые славными делами предков, честные, добрые, ласковые дома, но страшные и непримиримые на войне. Их называли славянами. Верно, и самые маленькие из вас понимают, что значит слава? Славяне старались доказать, что недаром их называли так, и отличались всеми хорошими качествами, которыми можно заслужить славу.

Они были так честны, что в обещаниях своих вместо клятв говорили только: «Если я не сдержу моего слова, да будет мне стыдно!» – и всегда исполняли обещанное, так храбры, что и отдалённые народы боялись их, так ласковы и гостеприимны, что наказывали того хозяина, у которого гость был чем-нибудь оскорблён. Жаль только, что они не знали истинного Бога и молились не ему, а разным идолам. Идол – значит статуя, сделанная из дерева или какого-нибудь металла и представляющая человека или зверя.

Славяне разделялись на разные племена. У северных, или новгородских, славян не было и государя, что бывает у многих необразованных народов: они почитали начальником своим того, кто более всех отличался на войне. По этому вы видите, как они любили войну и всё соединённое с ней. На поле, где сражались они и потом торжествовали победу или славную смерть погибших товарищей, можно было всего лучше видеть истинный характер славян. Жаль, что до нас не дошли песни, которые обыкновенно пелись в это время певцами. Мы хорошо узнали бы тогда их самих, потому что в песнях народных выражается народ. Но я могу предложить вам здесь несколько строк, из которых вы всё-таки получите понятие о славянах. Это отрывок из «Песни барда над гробом славян-победителей» Жуковского:

Ударь во звонкий щит!
стекитесь, ополченны!
Умолкла брань —
враги утихли расточенны!
Лишь пар над пеплом сел густой;
Лишь волк, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущий,
бежит на лов обильный;
Зажжём костер дубов;
изройте ров могильный;

Сложите на щиты поверженных во прах.
Да холм вещает здесь векам о бранных днях,
Да камень здесь хранит могущих след священной!»
Гремит… раздался гул в дубраве пробужденной!
Стеклись вождей и ратных сонм;
Глухой полнощи тьма кругом;
Пред ними вещий бард,
венчанный сединою,
И падших страшный ряд,
простёртых на щитах.
Объяты думою, с поникнутой главою;
На грозных лицах кровь и прах;
Оперлись на мечи; средь них костёр пылает,
И с свистом горный ветр их кудри воздымает.
И се! воздвигся холм, и камень водружён;
И дуб, краса полей, воспитанный веками,
Склонил главу на дёрн, потоком орошён;
И се! могущими перстами
Певец ударил по струнам —
Одушевленны забряцали!
Воспел – дубравы застенали,
И гул помчался по горам…

Эта картина из жизни древних славян представлена прекрасно и верно.

Но эта самая воинственность, охраняя землю их, была причиной и большого зла для неё. Вы слышали уже, что, не имея государей, они почитали начальником своим того, кто более других отличался на войне, а так как они все были храбры, то иногда случалось, что таких начальников было много. Каждый из них хотел приказывать по-своему; народ не знал, кого слушать, и оттого были у них беспрестанные споры и несогласия. А ведь вы знаете, как несносны ссоры! И вам в ваших маленьких делах, верно, случалось уже испытать, какие неприятные последствия имеют они.

Славяне также видели, что во время несогласий их все дела шли у них дурно, и они даже переставали побеждать своих неприятелей. Долго не знали они, что делать, наконец придумали средство привести всё в порядок.

На берегах Балтийского моря, не очень далеко от отечества нашего, жил народ по имени варяги-русь, происходивший от великих завоевателей в Европе – норманнов. Эти варяги-русь считались народом умным: у них давно уже были добрые

государи, которые заботились о них так, как заботится добрый отец о детях, были и законы, по которым эти государи управляли, и оттого варяги жили счастливо и им удавалось даже иногда побеждать славян.

Вот старики славянские, видя счастье варягов и желая такого же своей родине, уговорили всех славян отправить послов к этому храброму и предприимчивому народу – просить у него князей управлять ими. Послы сказали варяжским князьям: «Земля наша велика и богата, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами».

Начало Русского государства и первые государи русские (802–944 годы)

Варяги-русь были рады такой чести, и три брата из князей их – Рюрик, Синеус и Трувор – тотчас поехали к славянам. Рюрик сделался государем в Нове-городе, самом старинном из городов славянских, Трувор – в Изборске, Синеус – в земле, лежащей около Белого озера. От этих-то варяго-рус-ских князей славяне начали называться русскими, а земля их Русью или Россией. Синеус и Трувор скоро умерли, и Рюрик сделался один великим князем русским и основателем Русского государства. Он княжил счастливо два года с братьями и пятнадцать лет один.

Есть стихи, написанные одним из лучших поэтов наших, Державиным, на победы, одержанные русскими в Италии, во времена позднейшие, и в этих стихах есть изображение Рюрика. Так как всякое поэтическое описание гораздо живее действует на ум и долго остаётся в нём, нежели сделанное прозой, то я уверена, что вы навсегда оставите в памяти черты, в которых великий поэт представил первого государя России:

Но кто там белых волн туманом
Покрыт по персям, по плечам,
В стальном доспехе светит рдяном
Подобно синя моря льдам?
Кто, на копьё склонясь главою,
Событье слушает времен? —
Не тот ли, древле что войною
Потряс парижских твёрдость стен?
Так, он пленяется певцами,
Поющими его дела,
Смотря, как блещет битв лучами
Сквозь тьму времен его хвала.
Так, он! – Се Рюрик торжествует

В Валкале звук своих побед
И перстом долу показует
На росса, что по нём идет.

После Рюрика остался маленький сын его Игорь, который ещё не мог быть государем, и для того Рюрик просил своего родственника и товарища – Олега управлять государством, пока не вырастет Игорь. Олег был храбр и умён, победил много соседних народов и так увеличил Россию, что при нём она простиралась почти до гор Карпатских, которые лежат в Венгрии. Но Олег не совсем заслуживал похвалы. Вы увидите это сами.

Вместе с Рюриком приехали к славянам многие варяги, которые ещё на родине служили ему и, любя доброго начальника, не хотели расстаться с ним. Рюрик за это усердие дарил некоторым из них деревни и селения славянские: от этого появились у нас помещики, т. е. такие бояре, которые владели людьми и землями. Но не все помещики были довольны своими поместьями: иным казалось веселее искать счастья на войне, нежели сидеть дома. Надобно сказать, что тогда люди очень любили войну. Это потому, что, будучи язычниками, они почитали непременным долгом мстить за обиды, а обижали они друг друга очень часто. К тому же они мало учились и не понимали приятностей мира, который доставляет нам возможность предаться занятиям тихим, сладостным для сердца и полезным для ума. Они думали только о том, чтобы сражаться и побеждать своих врагов.

Двое из таких смелых воинов, Аскольд и Дир, отправились с товарищами к югу от Новгорода и на прекрасных берегах реки Днепр увидели маленький городок, который им очень понравился. Этот городок был Киев. Они, недолго думая, завладели им и сделались государями киевскими. Это государство можно назвать Южным, потому что оно лежало к югу от Новгородского.

Олег, управляя Новгородом после смерти Рюрика, слышал, что все приезжавшие из Киева хвалили новое княжество, и вздумал завоевать его. Но он знал, что князья киевские и народ их храбры, что они будут сражаться с такою же смелостью, как и его воины, и потому решил употребить хитрость. Подойдя к Киеву, он оставил войско сзади, приплыл к киевскому берегу в небольшой лодке только с Игорем и несколькими воинами и послал сказать государям киевским, что с ними желают видеться купцы варяжские из Новгорода, их друзья и земляки. Аскольд и Дир были очень рады таким гостям и тотчас отправились на

лодку. Но только они вошли туда, воины Олега окружили их, а сам Олег, подняв на руках маленького Игоря, сказал: «Вы не князья, но я князь, и вот сын Рюрика!» В эту самую минуту воины бросились на обоих князей киевских и убили их. Вот одно дурное дело Олега, а впрочем, он был хорошим опекуном маленького воспитанника своего, старался о пользе народа русского, соединил оба новых государства варягов в одно, сделал столицей Киев и так прославился своей храбростью, что даже греки в Константинополе боялись его и имени русского. Олег вёл с ними войну, подходил к самым стенам славной столицы их, в знак победы повесил свой щит на воротах её, собрал дань с греков, и, когда он возвратился в Киев, народ назвал его вещим – это значит почти то же, что всеведущим.

Славные дела его кратко и прекрасно описал Языков в стихотворении «Олег». Он представил, как наследовавший ему государь, молодой Игорь, вместе с народом справлял торжественную тризну, или поминки, по нём, и на этой тризне был, по обыкновению славян, певец, долженствовавший воспеть дела умершего. Но прочтите стихи Языкова с того самого места, как певец, или, как звали его славяне, баян, приходит в середину народа, торжествовавшего память знаменитого князя своего:

Вдруг, – словно мятеж усмиряется шумный
И чинно дорогу даёт,
Когда поседелый в добре и разумный
Боярин на вече идёт, —
Толпы расступились – и стал среди схода
С гуслями в руках славянин.
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают, он людям знаком
Красой вдохновенного гласа…
Он стал среди схода – молчанье кругом,
И звучная песнь раздалася!
Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы,
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далёкий поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги под грохотом вод
По высям днепровского брега;

Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил,
И прыгали челны чрез волны!
Как после, водима любимым вождём,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и сёлам с мечом и огнём
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!
Умолк он – и радостным криком похвал
Народ отозвался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мёд наливал искрометный
И с ласковым словом ему подавал.
И, вновь наполняемый мёдом,
Из рук молодого владыки славян
С конца до конца меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Олег управлял государством 33 года: добрый Игорь не хотел напоминать ему, что сам уже может княжить, и сделался государем русским только тогда, как умер Олег.

Игорь, как и все русские князья, был храбр, но не так счастлив, как Олег: при нём явились в первый раз в Россию печенеги – народ, который потом всегда был страшным врагом наших предков.

Печенеги поселились между реками Дон и Днепр, на лугах, где паслись стада их. Они не строили домов, но делали подвижные шатры или шалаши. Когда стада не находили более корма на лугах, они переносили шалаши на другое место и оставались там, пока была трава. Они сами и лошади их бегали очень скоро, по рекам же умели плавать почти как рыбы. Это помогало им нападать на соседей своих, уводить в плен бедных жителей и избавляться от наказания. Злые печенеги даже нанимались на службу к таким народам, которые вели с кем-нибудь войну, тогда-то злодействовали сколько им хотелось.

Игорь, хотя и наложил на них дань, т. е. заставил каждого платить в казну свою, не мог прогнать их подалее от границ своего государства.

Ещё несчастнее был поход его к древлянскому народу, который жил там, где теперь Волынская губерния. Древляне также были славянского племени, их покорил Олег. Игорь ездил к ним для того, чтобы взять более дани, нежели сколько они всегда платили. Древлянам показалось это так обидно, что они забыли всё почтение, какое должно иметь к государю своему, и совершили ужасный грех: убили Игоря.

Так погиб этот несчастный государь. Он княжил 32 года, но не отличался никакими особенно примечательными делами.

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

Антон Павлович Чехов родился в городе Таганроге в январе 1860 года. Все братья и сёстры Чехова были исключительно одарёнными, высокообразованными людьми. Отец – Павел Егорович Чехов – был весьма интересной личностью. Он имел в Таганроге бакалейную лавку, но занимался торговлей без особого рвения, больше уделяя внимание посещению церковных служб, пению и общественным делам. Дети воспитывались в строгости, часто применялись и телесные наказания, бездельничать никому не дозволялось. Помимо учёбы в гимназии, сыновьям Павла Егоровича приходилось иногда замещать отца в лавке, конечно в ущерб занятиям. По вечерам пели хором. Отец прекрасно играл на скрипке, пел.

Мать Чехова в ранней молодости была отдана в таганрогский частный пансион благородных девиц, где обучалась танцам и хорошим манерам, очень любила театр. Антон Павлович Чехов впоследствии говорил, что «талант в нас со стороны отца, а душа – со стороны матери».

В 1876 году семья переезжает в Москву. В 1879 году Чехов поступает на медицинский факультет Московского университета.

В 1880 году в журнале «Стрекоза» появляется его первое печатное произведение. С этого времени начинается непрерывная литературная деятельность Антона Павловича Чехова.

В поисках новых впечатлений в 1890 году Чехов отправляется в Сибирь, чтобы затем посетить остров Сахалин. Дорога оказалась очень длинной: из Ярославля по Волге до Казани, затем по Каме до Перми, оттуда по железной дороге до Тюмени, а затем через всю Сибирь на тарантасе[8] и по рекам. На Сахалине Чехов пробыл более трёх месяцев, затем через Индийский океан, Средиземное и Чёрное моря, посетив Японию, Гонконг, Сингапур, Цейлон, Константинополь, прибыв в порт Одессы, он на поезде возвращается в Москву. Жизнь в Москве после такого путешествия кажется Чехову неинтересной, и он отправляется в

Петербург, а затем уезжает в Западную Европу.

В 1892 году Чехов покупает имение в селе Мелихово Серпуховского уезда Московской губернии. Давняя мечта жить в деревне, быть землевладельцем осуществилась. В Мелихове Чехову приходит идея создания общественной библиотеки в родном Таганроге. Писатель жертвует туда более двух тысяч томов собственных книг. Впоследствии Чехов постоянно отсылает в библиотеку закупаемые им книги, причём в больших количествах.

Последние годы живёт в Ялте. Слабое здоровье, подорванное поездкой на Сахалин, ухудшается настолько, что в мае 1904 года Чехов покидает Ялту и вместе с женой едет в Баденвейлер, знаменитый курорт на юге Германии.

15 июля ночью Чехов почувствовал себя особенно плохо. Приехавшему на вызов доктору он сказал твёрдо: «Я умираю».

Каштанка

Глава первая. Дурное поведение

Молодая рыжая собака – помесь такса с дворняжкой – очень похожая мордой на лисицу, бегала взад и вперёд по тротуару и беспокойно оглядывалась по сторонам. Изредка она останавливалась и, плача, приподнимая то одну озябшую лапу, то другую, старалась дать себе отчёт: как это могло случиться, что она заблудилась?

Она отлично помнила, как она провела день и как в конце концов попала на этот незнакомый тротуар.

День начался с того, что её хозяин, столяр Лука Александрыч, надел шапку, взял под мышку какую-то деревянную штуку, завёрнутую в красный платок, и крикнул:

– Каштанка, пойдём!

Услыхав своё имя, помесь такса с дворняжкой вышла из-под верстака, где она спала на стружках, сладко потянулась и побежала за хозяином. Заказчики Луки Александрыча жили ужасно далеко, так что, прежде чем дойти до каждого из них, столяр должен был по нескольку раз заходить в трактир и подкрепляться. Каштанка помнила, что по дороге она вела себя крайне неприлично. От радости, что её взяли гулять, она прыгала, бросалась с лаем на вагоны конно-железки, забегала во дворы и гонялась за собаками. Столяр то и дело терял её из виду, останавливался и сердито кричал на неё. Раз даже он с выражением алчности на лице забрал в кулак её лисье ухо,

потрепал и проговорил с расстановкой:

– Чтоб… ты… из… дох… ла, холера!

Побывав у заказчиков, Лука Александрыч зашёл на минутку к сестре, у которой пил и закусывал; от сестры пошёл он к знакомому переплётчику, от переплётчика в трактир, из трактира к куму и т. д. Одним словом, когда Каштанка попала на незнакомый тротуар, то уже вечерело и столяр был пьян, как сапожник. Он размахивал руками и, глубоко вздыхая, бормотал:

– Во гресех роди мя мати во утробе моей! Ох, грехи, грехи! Теперь вот мы по улице идём и на фонарики глядим, а как помрём – в гиене огненной гореть будем…

Или же он впадал в добродушный тон, подзывал к себе Каштанку и говорил ей:

– Ты, Каштанка, насекомое существо и больше ничего. Супротив человека ты всё равно, что плотник супротив столяра…

Когда он разговаривал с ней таким образом, вдруг загремела музыка. Каштанка оглянулась и увидела, что по улице прямо на неё шёл полк солдат. Не вынося музыки, которая расстраивала ей нервы, она заметалась и завыла. К великому её удивлению, столяр, вместо того, чтобы испугаться, завизжать и залаять, широко улыбнулся, вытянулся во фрунт и всей пятернёй сделал под козырёк. Видя, что хозяин не протестует, Каштанка ещё громче завыла и, не помня себя, бросилась через дорогу на другой тротуар.

Когда она опомнилась, музыка уже не играла и полка не было. Она перебежала дорогу к тому месту, где оставила хозяина, но, увы! столяра уже там не было. Она бросилась вперёд, потом назад, ещё раз перебежала дорогу, но столяр точно сквозь землю провалился… Каштанка стала обнюхивать тротуар, надеясь найти хозяина по запаху его следов, но раньше какой-то негодяй прошёл в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи мешались с острою каучуковою вонью, так что ничего нельзя было разобрать.

Каштанка бегала взад и вперёд и не находила хозяина, а между тем становилось темно. По обе стороны улицы зажглись фонари и в окнах домов показались огни. Шёл крупный, пушистый снег и красил в белое мостовую, лошадиные спины, шапки извозчиков, и чем больше темнел воздух, тем белее становились предметы. Мимо Каштанки, заслоняя ей поле зрения и толкая её ногами, безостановочно взад и вперёд проходили незнакомые заказчики. (Всё человечество Каштанка делила на две очень неравные части: на хозяев и на заказчиков; между теми и другими была существенная разница: первые имели право бить её, а вторых она сама имела право хватать за икры.) Заказчики

куда-то спешили и не обращали на неё никакого внимания.

Когда стало совсем темно, Каштанкою овладели отчаяние и ужас. Она прижалась к какому-то подъезду и стала горько плакать. Целодневное путешествие с Лукой Александрычем утомило её, уши и лапы её озябли, и к тому же ещё она была ужасно голодна. За весь день ей приходилось жевать только два раза; покушала у переплётчика немножко клейстеру да в одном из трактиров около прилавка нашла колбасную кожицу – вот и всё. Если бы она была человеком, то, наверное, подумала бы:

– Нет, так жить невозможно! Нужно застрелиться!

Глава вторая. Таинственный незнакомец

Но она ни о чём не думала и только плакала. Когда мягкий, пушистый снег совсем облепил её спину и голову и она от изнеможения погрузилась в тяжёлую дремоту, вдруг подъездная дверь щёлкнула, запищала и ударила её по боку. Она вскочила. Из отворённой двери вышел какой-то человек, принадлежащий к разряду заказчиков. Так как Каштанка взвизгнула и попала ему под ноги, то он не мог не обратить на неё внимания. Он нагнулся к ней и спросил:

– Псина, ты откуда? Я тебя ушиб? О, бедная, бедная… Ну, не сердись, не сердись… Виноват.

Каштанка поглядела на незнакомца сквозь снежинки, нависшие на ресницы, и увидела перед собой коротенького и толстенького человечка с бритым пухлым лицом, в цилиндре и в шубе нараспашку.

– Что же ты скулишь? – продолжал он, сбивая пальцем с её спины снег. – Где твой хозяин? Должно быть, ты потерялась? Ах, бедный пёсик! Что же мы теперь будем делать?

Уловив в голосе незнакомца тёплую, душевную нотку, Каштанка лизнула ему руку и заскулила ещё жалостнее.

– А ты хорошая, смешная! – сказал незнакомец. – Совсем лисица! Ну, что ж, делать нечего, пойдём со мной! Может быть, ты и сгодишься на что-нибудь… Ну, фюйть!

Он чмокнул губами и сделал Каштанке знак рукой, который мог означать только одно: «Пойдём!» Каштанка пошла.

Не больше как через полчаса она уже сидела на полу в большой, светлой комнате и, склонив голову набок, с умилением и с любопытством глядела на незнакомца, который сидел за столом и обедал. Он ел и бросал ей кусочки… Сначала он дал ей хлеба и зелёную корочку сыра, потом кусочек мяса, полпирожка, куриных костей, а она с голодухи всё это съела так быстро, что не

успела разобрать вкуса. И чем больше она ела, тем сильнее чувствовался голод.

– Однако плохо же кормят тебя твои хозяева! – говорил незнакомец, глядя, с какою свирепою жадностью она глотала неразжёванные куски. – И какая ты тощая! Кожа да кости…

Каштанка съела много, но не наелась, а только опьянела от еды. После обеда она разлеглась среди комнаты, протянула ноги и, чувствуя во всём теле приятную истому, завиляла хвостом. Пока её новый хозяин, развалившись в кресле, курил сигару, она виляла хвостом и решала вопрос: где лучше – у незнакомца или у столяра? У незнакомца обстановка бедная и некрасивая; кроме кресел, дивана, лампы и ковров, у него нет ничего, и комната кажется пустою; у столяра же вся квартира битком набита вещами; у него есть стол, верстак, куча стружек, рубанки, стамески, пилы, клетка с чижиком, лохань… У незнакомца не пахнет ничем, у столяра же в квартире всегда стоит туман и великолепно пахнет клеем, лаком и стружками. Зато у незнакомца есть одно очень важное преимущество – он даёт много есть и, надо отдать ему полную справедливость, когда Каштанка сидела перед столом и умильно глядела на него, он ни разу не ударил её, не затопал ногами и ни разу не крикнул: «Пошла вон, треклятая!»

Выкурив сигару, новый хозяин вышел и через минуту вернулся, держа в руках маленький матрасик.

– Эй ты, пёс, поди сюда! – сказал он, кладя матрасик в углу около дивана. – Ложись здесь. Спи!

Затем он потушил лампу и вышел. Каштанка разлеглась на матрасике и закрыла глаза; с улицы послышался лай, и она хотела ответить на него, но вдруг неожиданно ею овладела грусть. Она вспомнила Луку Александрыча, его сына Федюшку, уютное местечко под верстаком… Вспомнила она, что в длинные зимние вечера, когда столяр строгал или читал вслух газету, Федюшка обыкновенно играл с нею… Он вытаскивал её за задние лапы из-под верстака и выделывал с нею такие фокусы, что у неё зеленело в глазах и болело во всех суставах. Он заставлял её ходить на задних лапах, изображал из неё колокол, то есть сильно дёргал её за хвост, отчего она визжала и лаяла, давал ей нюхать табаку… Особенно мучителен был следующий фокус: Федюшка привязывал на ниточку кусочек мяса и давал его Каштанке, потом же, когда она проглатывала, он с громким смехом вытаскивал его обратно из её желудка. И чем ярче были воспоминания, тем громче и тоскливее скулила Каштанка.

Но скоро утомление и теплота взяли верх над грустью… Она стала засыпать. В её воображении забегали собаки; пробежал,

между прочим, и мохнатый старый пудель, которого она видела сегодня на улице, с бельмом на глазу и с клочьями шерсти около носа. Федюшка, с долотом в руке, погнался за пуделем, потом вдруг сам покрылся мохнатой шерстью, весело залаял и очутился около Каштанки. Каштанка и он добродушно понюхали друг другу носы и побежали на улицу…

Глава третья. Новое, очень приятное знакомство

Когда Каштанка проснулась, было уже светло и с улицы доносился шум, какой бывает только днём. В комнате не было ни души. Каштанка потянулась, зевнула и, сердитая, угрюмая, прошлась по комнате. Она обнюхала углы и мебель, заглянула в переднюю и не нашла ничего интересного. Кроме двери, которая вела в переднюю, была ещё одна дверь. Подумав, Каштанка поцарапала её обеими лапами, отворила и вошла в следующую комнату. Тут на кровати, укрывшись байковым одеялом, спал заказчик, в котором она узнала вчерашнего незнакомца.

– Рррр… – заворчала она, но, вспомнив про вчерашний обед, завиляла хвостом и стала нюхать.

Она понюхала одежду и сапоги незнакомца и нашла, что они очень пахнут лошадью. Из спальни вела куда-то ещё одна дверь, тоже затворённая. Каштанка поцарапала эту дверь, налегла на неё грудью, отворила и тотчас же почувствовала странный, очень подозрительный запах. Предчувствуя неприятную встречу, ворча и оглядываясь, Каштанка вошла в маленькую комнатку с грязными обоями и в страхе попятилась назад. Она увидела нечто неожиданное и страшное. Пригнув к земле шею и голову, растопырив крылья и шипя, прямо на неё шёл серый гусь. Несколько в стороне от него, на матрасике, лежал белый кот; увидев Каштанку, он вскочил, выгнул спину в дугу, задрал хвост, взъерошил шерсть и тоже зашипел. Собака испугалась не на шутку, но, не желая выдавать своего страха, громко залаяла и бросилась к коту… Кот ещё сильнее выгнул спину, зашипел и ударил Каштанку лапой по голове. Каштанка отскочила, присела на все четыре лапы и, протягивая к коту морду, залилась громким, визгливым лаем; в это время гусь подошёл сзади и больно долбанул её клювом в спину. Каштанка вскочила и бросилась на гуся…

– Это что такое? – послышался громкий, сердитый голос, и в комнату вошёл незнакомец в халате и с сигарой в зубах. – Что это значит? На место!

Он подошёл к коту, щёлкнул его по выгнутой спине и сказал:

– Фёдор Тимофеич, это что значит? Драку подняли? Ах ты, старая каналья! Ложись!

И, обратившись к гусю, он крикнул:

– Иван Иваныч, на место!

Кот покорно лёг на свой матрасик и закрыл глаза. Судя по выражению его морды и усов, он сам был недоволен, что погорячился и вступил в драку. Каштанка обиженно заскулила, а гусь вытянул шею и заговорил о чём-то быстро, горячо и отчётливо, но крайне непонятно.

– Ладно, ладно! – сказал хозяин, зевая. – Надо жить мирно и дружно. – Он погладил Каштанку и продолжал: – А ты, рыжик, не бойся… Это хорошая публика, не обидит. Постой, как же мы тебя звать будем? Без имени нельзя, брат.

Незнакомец подумал и сказал:

– Вот что… Ты будешь – Тётка… Понимаешь? Тётка!

И, повторив несколько раз слово «Тётка», он вышел. Каштанка села и стала наблюдать. Кот неподвижно сидел на матрасике и делал вид, что спит. Гусь, вытягивая шею и топчась на одном месте, продолжал говорить о чём-то быстро и горячо. По-видимому, это был очень умный гусь; после каждой длинной тирады он всякий раз удивлённо пятился назад и делал вид, что восхищается своею речью… Послушав его и ответив ему «рррр…», Каштанка принялась обнюхивать углы. В одном из углов стояло маленькое корытце, в котором она увидела мочёный горох и размокшие ржаные корки. Она попробовала горох – невкусно, попробовала корки – и стала есть. Гусь нисколько не обиделся, что незнакомая собака поедает его корм, а, напротив, заговорил ещё горячее и, чтобы показать своё доверие, сам подошёл к корытцу и съел несколько горошинок.

Глава четвёртая. Чудеса в решете

Немного погодя опять вошёл незнакомец и принёс с собой какую-то странную вещь, похожую на ворота и на букву П. На перекладине этого деревянного, грубо сколоченного П висел колокол и был привязан пистолет; от языка колокола и от курка пистолета тянулись верёвочки. Незнакомец поставил П посреди комнаты, долго что-то развязывал и завязывал, потом посмотрел на гуся и сказал:

– Иван Иваныч, пожалуйте!

Гусь подошёл к нему и остановился в ожидательной позе.

– Ну-с, – сказал незнакомец, – начнём с самого начала. Прежде всего поклонись и сделай реверанс! Живо!

Иван Иваныч вытянул шею, закивал во все стороны и шаркнул лапкой.

– Так, молодец… Теперь умри!

Гусь лёг на спину и задрал вверх лапы. Проделав ещё несколько подобных неважных фокусов, незнакомец вдруг схватил себя за голову, изобразил на своём лице ужас и закричал:

– Караул! Пожар! Горим!

Иван Иваныч подбежал к П, взял в клюв верёвку и зазвонил в колокол.

Незнакомец остался очень доволен. Он погладил гуся по шее и сказал:

– Молодец, Иван Иваныч! Теперь представь, что ты ювелир и торгуешь золотом и брильянтами. Представь теперь, что ты приходишь к себе в магазин и застаёшь в нём воров. Как бы ты поступил в данном случае?

Гусь взял в клюв другую верёвочку и потянул, отчего тотчас же раздался оглушительный выстрел. Каштанке очень понравился звон, а от выстрела она пришла в такой восторг, что забегала вокруг П и залаяла.

– Тётка, на место! – крикнул ей незнакомец. – Молчать!

Работа Ивана Иваныча не кончилась стрельбой. Целый час потом незнакомец гонял его вокруг себя на корде и хлопал бичом, причём гусь должен был прыгать через барьер и сквозь обруч, становиться на дыбы, то есть садиться на хвост и махать лапками. Каштанка не отрывала глаз от Ивана Иваныча, завывала от восторга и несколько раз принималась бегать за ним со звонким лаем. Утомив гуся и себя, незнакомец вытер со лба пот и крикнул:

– Марья, позови-ка сюда Хавронью Ивановну!

Через минуту послышалось хрюканье… Каштанка заворчала, приняла очень храбрый вид и на всякий случай подошла поближе к незнакомцу. Отворилась дверь, в комнату поглядела какая-то старуха и, сказав что-то, впустила чёрную, очень некрасивую свинью. Не обращая никакого внимания на ворчанье Каштанки, свинья подняла вверх свой пятачок и весело захрюкала. По-видимому, ей было очень приятно видеть своего хозяина, кота и Ивана Иваныча. Когда она подошла к коту и слегка толкнула его под живот своим пятачком и потом о чём-то заговорила с гусем, в её движениях, в голосе и в дрожании хвостика чувствовалось много добродушия. Каштанка сразу поняла, что ворчать и лаять на таких субъектов – бесполезно.

Хозяин убрал П и крикнул:

– Фёдор Тимофеич, пожалуйте!

Кот поднялся, лениво потянулся и нехотя, точно делая

одолжение, подошёл к свинье.

– Ну-с, начнём с египетской пирамиды, – начал хозяин.

Он долго объяснял что-то, потом скомандовал: «Раз… два… три!» Иван Иваныч при слове «три» взмахнул крыльями и вскочил на спину свиньи… Когда он, балансируя крыльями и шеей, укрепился на щетинистой спине, Фёдор Тимофеич вяло и лениво, с явным пренебрежением и с таким видом, как будто он презирает и ставит ни в грош своё искусство, полез на спину свиньи, потом нехотя взобрался на гуся и стал на задние лапы. Получилось то, что незнакомец называл египетской пирамидой. Каштанка взвизгнула от восторга, но в это время старик кот зевнул и, потеряв равновесие, свалился с гуся. Иван Иваныч пошатнулся и тоже свалился. Незнакомец закричал, замахал руками и стал опять что-то объяснять. Провозившись целый час с пирамидой, неутомимый хозяин принялся учить Ивана Иваныча ездить верхом на коте, потом стал учить кота курить и т. п.

Ученье кончилось тем, что незнакомец вытер со лба пот и вышел. Фёдор Тимофеич брезгливо фыркнул, лёг на матрасик и закрыл глаза, Иван Иваныч направился к корытцу, а свинья была уведена старухой. Благодаря массе новых впечатлений день прошёл для Каштанки незаметно, а вечером она со своим матрасиком была уже водворена в комнатке с грязными обоями и ночевала в обществе Фёдора Тимофеича и гуся.

Глава пятая. Талант! Талант!

Прошёл месяц.

Каштанка уже привыкла к тому, что её каждый вечер кормили вкусным обедом и звали Тёткой. Привыкла она и к незнакомцу, и к своим новым сожителям. Жизнь потекла как по маслу.

Все дни начинались одинаково. Обыкновенно раньше всех просыпался Иван Иваныч и тотчас же подходил к Тётке или к коту, выгибал шею и начинал говорить о чём-то горячо и убедительно, но по-прежнему непонятно. Иной раз он поднимал вверх голову и произносил длинные монологи. В первые дни знакомства Каштанка думала, что он говорит много потому, что очень умён, но прошло немного времени, и она потеряла к нему всякое уважение; когда он подходил к ней со своими длинными речами, она уж не виляла хвостом, а третировала его, как надоедливого болтуна, который не даёт никому спать, и без всякой церемонии отвечала ему: «рррр»…

Фёдор же Тимофеич был иного рода господин. Этот, проснувшись, не издавал никакого звука, не шевелился и даже не

открывал глаз. Он охотно бы не просыпался, потому что, как видно было, он недолюбливал жизни. Ничто его не интересовало, ко всему он относился вяло и небрежно, всё презирал и даже, поедая свой вкусный обед, брезгливо фыркал.

Проснувшись, Каштанка начинала ходить по комнатам и обнюхивать углы. Только ей и коту позволялось ходить по всей квартире; гусь же не имел права переступать порог комнатки с грязными обоями, а Хавронья Ивановна жила где-то на дворе в сарайчике и появлялась только во время ученья. Хозяин просыпался поздно и, напившись чаю, тотчас же принимался за свои фокусы. Каждый день в комнатку вносились П, бич, обручи, и каждый день проделывалось почти одно и то же. Ученье продолжалось часа три-четыре, так что иной раз Фёдор Тимофеич от утомления пошатывался, как пьяный, Иван Иваныч раскрывал клюв и тяжело дышал, а хозяин становился красным и никак не мог стереть со лба пот.

Ученье и обед делали дни очень интересными, вечера же проходили скучновато. Обыкновенно вечерами хозяин уезжал куда-то и увозил с собою гуся и кота. Оставшись одна, Тётка ложилась на матрасик и начинала грустить… Грусть подкрадывалась к ней как-то незаметно и овладевала ею постепенно, как потёмки комнатой. Начиналось с того, что у собаки пропадала всякая охота лаять, есть, бегать по комнатам и даже глядеть, затем в воображении её появлялись какие-то две неясные фигуры, не то собаки, не то люди, с физиономиями симпатичными, милыми, но непонятными; при появлении их Тётка виляла хвостом, и ей казалось, что она их где-то когда-то видела и любила… А засыпая, она всякий раз чувствовала, что от этих фигурок пахнет клеем, стружками и лаком.

Когда она совсем уже свыклась с новой жизнью и из тощей, костлявой дворняжки обратилась в сытого, выхоленного пса, однажды перед ученьем хозяин погладил её и сказал:

– Пора нам, Тётка, делом заняться. Довольно тебе бить баклуши[9]. Я хочу из тебя артистку сделать… Ты хочешь быть артисткой?

И он стал учить её разным наукам. В первый урок она училась стоять и ходить на задних лапах, что ей ужасно нравилось. Во второй урок она должна была прыгать на задних лапах и хватать сахар, который высоко над её головой держал учитель. Затем в следующие уроки она плясала, бегала на корде, выла под музыку, звонила и стреляла, а через месяц уже могла с успехом заменять Фёдора Тимофеича в «египетской пирамиде». Училась она очень охотно и была довольна своими успехами; беганье с высунутым языком на корде, прыганье в обруч и езда

верхом на старом Фёдоре Тимофеиче доставляли ей величайшее наслаждение. Всякий удавшийся фокус она сопровождала звонким, восторженным лаем, а учитель удивлялся, приходил тоже в восторг и потирал руки.

– Талант! Талант! – говорил он. – Несомненный талант! Ты положительно будешь иметь успех!

И Тётка так привыкла к слову «талант», что всякий раз, когда хозяин произносил его, вскакивала и оглядывалась, как будто оно было её кличкой.

Глава шестая. Беспокойная ночь

Тётке приснился собачий сон, будто за нею гонится дворник с метлой, и она проснулась от страха.

В комнатке было тихо, темно и очень душно. Кусались блохи. Тётка раньше никогда не боялась потёмок, но теперь почему-то ей стало жутко и захотелось лаять. В соседней комнате громко вздохнул хозяин, потом, немного погодя, в своём сарайчике хрюкнула свинья, и опять всё смолкло. Когда думаешь об еде, то на душе становится легче, и Тётка стала думать о том, как она сегодня украла у Фёдора Тимофеича куриную лапку и спрятала её в гостиной между шкапом и стеной, где очень много паутины и пыли. Не мешало бы теперь пойти и посмотреть: цела эта лапка или нет? Очень может быть, что хозяин нашёл её и скушал. Но раньше утра нельзя выходить из комнатки – такое правило. Тётка закрыла глаза, чтобы поскорее уснуть, так как она знала по опыту, что чем скорее уснёшь, тем скорее наступит утро. Но вдруг недалеко от неё раздался странный крик, который заставил её вздрогнуть и вскочить на все четыре лапы. Это крикнул Иван Иваныч, и крик его был не болтливый и убедительный, как обыкновенно, а какой-то дикий, пронзительный и неестественный, похожий на скрип отворяемых ворот. Ничего не разглядев в потёмках и не поняв, Тётка почувствовала ещё больший страх и проворчала:

– Рррр…

Прошло немного времени, сколько его требуется на то, чтобы обглодать хорошую кость; крик не повторялся. Тётка мало-помалу успокоилась и задремала. Ей приснились две большие чёрные собаки с клочьями прошлогодней шерсти на бёдрах и на боках; они из большой лохани с жадностью ели помои, от которых шёл белый пар и очень вкусный запах; изредка они оглядывались на Тётку, скалили зубы и ворчали: «А тебе мы не дадим!» Но из дому выбежал мужик в шубе и прогнал их кнутом; тогда Тётка подошла

к лохани и стала кушать, но, как только мужик ушёл за ворота, обе чёрные собаки с рёвом бросились на неё, и вдруг опять раздался пронзительный крик.

– К-ге! К-ге-ге! – крикнул Иван Иваныч.

Тётка проснулась, вскочила и, не сходя с матрасика, залилась воющим лаем. Ей уже казалось, что кричит не Иван Иваныч, а кто-то другой, посторонний. И почему-то в сарайчике опять хрюкнула свинья.

Но вот послышалось шарканье туфель, и в комнатку вошёл хозяин в халате и со свечой. Мелькающий свет запрыгал по грязным обоям и по потолку и прогнал потёмки. Тётка увидела, что в комнатке нет никого постороннего. Иван Иваныч сидел на полу и не спал. Крылья у него были растопырены и клюв раскрыт, и вообще он имел такой вид, как будто очень утомился и хотел пить. Старый Фёдор Тимофеич тоже не спал. Должно быть, и он был разбужен криком.

– Иван Иваныч, что с тобой? – спросил хозяин у гуся. – Что ты кричишь! Ты болен?

Гусь молчал. Хозяин потрогал его за шею, погладил по спине и сказал:

– Ты чудак. И сам не спишь, и другим не даёшь.

Когда хозяин вышел и унёс с собою свет, опять наступили потёмки. Тётке было страшно. Гусь не кричал, но ей опять стало чудиться, что в потёмках стоит кто-то чужой. Страшнее всего было то, что этого чужого нельзя было укусить, так как он был невидим и не имел формы. И почему-то она думала, что в эту ночь должно непременно произойти что-то очень худое. Фёдор Тимофеич тоже был непокоен. Тётка слышала, как он возился на своём матрасике, зевал и встряхивал головой.

Где-то на улице застучали в ворота, и в сарайчике хрюкнула свинья. Тётка заскулила, протянула передние лапы и положила на них голову. В стуке ворот, в хрюканье не спавшей почему-то свиньи, в потёмках и в тишине почудилось ей что-то такое же тоскливое и страшное, как в крике Ивана Иваныча. Всё было в тревоге и в беспокойстве, но отчего? Кто этот чужой, которого не было видно? Вот около Тётки на мгновение вспыхнули две тусклые зелёные искорки. Это в первый раз за всё время знакомства подошёл к ней Фёдор Тимофеич. Что ему нужно было? Тётка лизнула ему лапу и, не спрашивая, зачем он пришёл, завыла тихо и на разные голоса.

– К-ге! – крикнул Иван Иваныч. – К-ге-ге!

Опять отворилась дверь, и вошёл хозяин со свечой. Гусь сидел в прежней позе, с разинутым клювом и растопырив крылья. Глаза у него были закрыты.

– Иван Иваныч! – позвал хозяин.

Гусь не шевельнулся. Хозяин сел перед ним на полу, минуту глядел на него молча и сказал:

– Иван Иваныч! Что же это такое? Умираешь ты, что ли? Ах, я теперь вспомнил, вспомнил! – вскрикнул он и схватил себя за голову. – Я знаю, отчего это! Это оттого, что сегодня на тебя наступила лошадь! Боже мой, боже мой!

Тётка не понимала, что говорит хозяин, но по его лицу видела, что и он ждёт чего-то ужасного. Она протянула морду к тёмному окну, в которое, как казалось ей, глядел кто-то чужой, и завыла.

– Он умирает, Тётка! – сказал хозяин и всплеснул руками. – Да, да, умирает! К вам в комнату пришла смерть. Что нам делать?

Бледный, встревоженный хозяин, вздыхая и покачивая головой, вернулся к себе в спальню. Тётке жутко было оставаться в потёмках, и она пошла за ним. Он сел на кровать и несколько раз повторил:

– Боже мой, что же делать?

Тётка ходила около его ног и, не понимая, отчего это у неё такая тоска и отчего все так беспокоятся, и стараясь понять, следила за каждым его движением. Фёдор Тимофеич, редко покидавший свой матрасик, тоже вошёл в спальню хозяина и стал тереться около его ног. Он встряхивал головой, как будто хотел вытряхнуть из неё тяжёлые мысли, и подозрительно заглядывал под кровать.

Хозяин взял блюдечко, налил в него из рукомойника воды и опять пошёл к гусю.

– Пей, Иван Иваныч! – сказал он нежно, ставя перед ним блюдечко. – Пей, голубчик.

Но Иван Иваныч не шевелился и не открывал глаз. Хозяин пригнул его голову к блюдечку и окунул клюв в воду, но гусь не пил, ещё шире растопырил крылья, и голова его так и осталась лежать в блюдечке.

– Нет, ничего уже нельзя сделать! – вздохнул хозяин. – Всё кончено. Пропал Иван Иваныч!

И по его щекам поползли вниз блестящие капельки, какие бывают на окнах во время дождя. Не понимая, в чём дело, Тётка и Фёдор Тимофеич жались к нему и с ужасом смотрели на гуся.

– Бедный Иван Иваныч! – говорил хозяин, печально вздыхая. – А я-то мечтал, что весной повезу тебя на дачу и буду гулять с тобой по зелёной травке. Милое животное, хороший мой товарищ, тебя уже нет! Как же я теперь буду обходиться без тебя?

Тётке казалось, что и с нею случится то же самое, то есть что и она тоже вот так, неизвестно отчего, закроет глаза, протянет

лапы, оскалит рот, и все на неё будут смотреть с ужасом. По-видимому, такие же мысли бродили и в голове Фёдора Тимофеича. Никогда раньше старый кот не был так угрюм и мрачен, как теперь.

Начинался рассвет, и в комнатке уже не было того невидимого чужого, который пугал так Тётку. Когда совсем рассвело, пришёл дворник, взял гуся за лапы и унёс его куда-то. А немного погодя явилась старуха и вынесла корытце.

Тётка пошла в гостиную и посмотрела за шкап: хозяин не скушал куриной лапки, она лежала на своём месте, в пыли и паутине. Но Тётке было скучно, грустно и хотелось плакать. Она даже не понюхала лапки, а пошла под диван, села там и начала скулить тихо, тонким голоском:

– Ску-ску-ску…

Глава седьмая. Неудачный дебют

В один прекрасный вечер хозяин вошёл в комнатку с грязными обоями и, потирая руки, сказал:

– Ну-с…

Что-то он хотел ещё сказать, но не сказал и вышел. Тётка, отлично изучившая во время уроков его лицо и интонацию, догадалась, что он был взволнован, озабочен и, кажется, сердит. Немного погодя он вернулся и сказал:

– Сегодня я возьму с собой Тётку и Фёдора Тимофеича. В египетской пирамиде ты, Тётка, заменишь сегодня покойного Ивана Иваныча. Чёрт знает что! Ничего не готово, не выучено, репетиций было мало! Осрамимся, провалимся!

Затем он опять вышел и через минуту вернулся в шубе и в цилиндре. Подойдя к коту, он взял его за передние лапы, поднял и спрятал его на груди под шубу, причём Фёдор Тимофеич казался очень равнодушным и даже не потрудился открыть глаз. Для него, по-видимому, было решительно всё равно: лежать ли, или быть поднятым за ноги, валяться ли на матрасике, или покоиться на груди хозяина под шубой…

– Тётка, пойдём, – сказал хозяин.

Ничего не понимая и виляя хвостом, Тётка пошла за ним. Через минуту она уже сидела в санях около ног хозяина и слушала, как он, пожимаясь от холода и волнения, бормотал:

– Осрамимся! Провалимся!

Сани остановились около большого странного дома, похожего на опрокинутый супник. Длинный подъезд этого дома с тремя стеклянными дверями был освещён дюжиной ярких фонарей.

Двери со звоном отворялись и, как рты, глотали людей, которые сновали у подъезда. Людей было много, часто к подъезду подбегали и лошади, но собак не было видно.

Хозяин взял на руки Тётку и сунул её на грудь, под шубу, где находился Фёдор Тимофеич. Тут было темно и душно, но тепло. На мгновение вспыхнули две тусклые зелёные искорки – это открыл глаза кот, обеспокоенный холодными, жёсткими лапами соседки. Тётка лизнула его ухо и, желая усесться возможно удобнее, беспокойно задвигалась, смяла его под себя холодными лапами и нечаянно высунула из-под шубы голову, но тотчас же сердито заворчала и нырнула под шубу. Ей показалось, что она увидела громадную, плохо освещённую комнату, полную чудовищ; из-за перегородок и решёток, которые тянулись по обе стороны комнаты, выглядывали страшные рожи: лошадиные, рогатые, длинноухие, и какая-то одна толстая, громадная рожа с хвостом вместо носа и с двумя длинными обглоданными костями, торчащими изо рта.

Кот сипло замяукал под лапами Тётки, но в это время шуба распахнулась, хозяин сказал «гоп!», и Фёдор Тимофеич с Тёткою прыгнули на пол. Они уже были в маленькой комнате с серыми дощатыми стенами; тут, кроме небольшого столика с зеркалом, табурета и тряпья, развешанного по углам, не было никакой другой мебели, и, вместо лампы или свечи, горел яркий веерообразный огонёк, приделанный к трубочке, вбитой в стену. Фёдор Тимофеич облизал свою шубу, помятую Тёткой, пошёл под табурет и лёг. Хозяин, всё ещё волнуясь и потирая руки, стал раздеваться… Он разделся так, как обыкновенно раздевался у себя дома, готовясь лечь под байковое одеяло, то есть снял всё, кроме белья, потом сел на табурет и, глядя в зеркало, начал выделывать над собой удивительные штуки. Прежде всего он надел на голову парик с пробором и с двумя вихрами, похожими на рога, потом густо намазал лицо чем-то белым и сверх белой краски нарисовал ещё брови, усы и румяны. Затеи его этим не кончились. Опачкавши лицо и шею, он стал облачаться в какой-то необыкновенный, ни с чем не сообразный костюм, какого Тётка никогда не видала раньше ни в домах, ни на улице. Представьте вы себе широчайшие панталоны, сшитые из ситца с крупными цветами, какой употребляется в мещанских домах для занавесок и обивки мебели, панталоны, которые застёгиваются у самых подмышек; одна панталона сшита из коричневого ситца, другая из светло-жёлтого. Утонувши в них, хозяин надел ещё ситцевую курточку с большим зубчатым воротником и с золотой звездой на спине, разноцветные чулки и зелёные башмаки…

У Тётки запестрило в глазах и в душе. От белолицей

мешковатой фигуры пахло хозяином, голос у неё был тоже знакомый, хозяйский, но бывали минуты, когда Тётку мучили сомнения, и тогда она готова была бежать от пёстрой фигуры и лаять. Новое место, веерообразный огонёк, запах, метаморфоза, случившаяся с хозяином, – всё это вселяло в неё неопределённый страх и предчувствие, что она непременно встретится с каким-нибудь ужасом вроде толстой рожи с хвостом вместо носа. А тут ещё где-то за стеной далеко играла ненавистная музыка и слышался временами непонятный рев. Одно только и успокаивало её – это невозмутимость Фёдора Тимофеича. Он преспокойно дремал под табуретом и не открывал глаз, даже когда двигался табурет.

Какой-то человек во фраке и в белой жилетке заглянул в комнатку и сказал:

– Сейчас выход мисс Арабеллы. После неё – вы.

Хозяин ничего не ответил. Он вытащил из-под стола небольшой чемодан, сел и стал ждать. По губам и по рукам его было заметно, что он волновался, и Тётка слышала, как дрожало его дыхание.

– М-г Жорж, пожалуйте! – крикнул кто-то за дверью.

Хозяин встал и три раза перекрестился, потом достал из-под табурета кота и сунул его в чемодан.

– Иди, Тётка! – сказал он тихо.

Тётка, ничего не понимая, подошла к его рукам; он поцеловал её в голову и положил рядом с Фёдором Тимофеичем. Засим наступили потёмки… Тётка топталась по коту, царапала стенки чемодана и от ужаса не могла произнести ни звука, а чемодан покачивался, как на волнах, и дрожал…

– А вот и я! – громко крикнул хозяин. – А вот и я!

Тётка почувствовала, что после этого крика чемодан ударился о что-то твёрдое и перестал качаться. Послышался громкий густой рёв: по ком-то хлопали, и этот кто-то, вероятно рожа с хвостом вместо носа, ревел и хохотал так громко, что задрожали замочки у чемодана. В ответ на рёв раздался пронзительный, визгливый смех хозяина, каким он никогда не смеялся дома.

– Га! – крикнул он, стараясь перекричать рёв. – Почтеннейшая публика! Я сейчас только с вокзала! У меня издохла бабушка и оставила мне наследство! В чемодане что-то очень тяжёлое – очевидно, золото… Га-а! И вдруг здесь миллион! Сейчас мы откроем и посмотрим…

В чемодане щёлкнул замок. Яркий свет ударил Тётку по глазам; она прыгнула вон из чемодана и, оглушённая рёвом, быстро, во всю прыть забегала вокруг своего хозяина и залилась

звонким лаем.

– Га! – закричал хозяин. – Дядюшка Фёдор Тимофеич! Дорогая тётушка! Милые родственники, чёрт бы вас взял!

Он упал животом на песок, схватил кота и Тётку и принялся обнимать их. Тётка, пока он тискал её в своих объятиях, мельком оглядела тот мир, в который занесла её судьба, и, поражённая его грандиозностью, на минуту застыла от удивления и восторга, потом вырвалась из объятий хозяина и от остроты впечатления, как волчок, закружилась на одном месте. Новый мир был велик и полон яркого света; куда ни взглянешь, всюду, от пола до потолка, видны были одни только лица, лица, лица и больше ничего.

– Тётушка, прошу вас сесть! – крикнул хозяин.

Помня, что это значит, Тётка вскочила на стул и села. Она поглядела на хозяина. Глаза его, как всегда, глядели серьёзно и ласково, но лицо, в особенности рот и зубы, были изуродованы широкой неподвижной улыбкой. Сам он хохотал, прыгал, подёргивал плечами и делал вид, что ему очень весело в присутствии тысячей лиц. Тётка поверила его весёлости, вдруг почувствовала всем своим телом, что на неё смотрят эти тысячи лиц, подняла вверх свою лисью морду и радостно завыла.

– Вы, Тётушка, посидите, – сказал ей хозяин, – а мы с дядюшкой попляшем камаринского.

Фёдор Тимофеич в ожидании, когда его заставят делать глупости, стоял и равнодушно поглядывал по сторонам. Плясал он вяло, небрежно, угрюмо, и видно было по его движениям, по хвосту и по усам, что он глубоко презирал и толпу, и яркий свет, и хозяина, и себя… Протанцевав свою порцию, он зевнул и сел.

– Ну-с, Тётушка, – сказал хозяин, – сначала мы с вами споём, а потом попляшем. Хорошо?

Он вынул из кармана дудочку и заиграл. Тётка, не вынося музыки, беспокойно задвигалась на стуле и завыла. Со всех сторон послышались рёв и аплодисменты. Хозяин поклонился и, когда всё стихло, продолжал играть… Во время исполнения одной очень высокой ноты где-то наверху среди публики кто-то громко ахнул.

– Тятька! – крикнул детский голос. – А ведь это Каштанка!

– Каштанка и есть! – подтвердил пьяненький дребезжащий тенорок. – Каштанка! Федюшка, это, накажи бог, Каштанка! Фюйть!

Кто-то на галерее свистнул, и два голоса, один – детский, другой – мужской, громко позвали:

– Каштанка! Каштанка!

Тётка вздрогнула и посмотрела туда, где кричали. Два лица:

одно волосатое, пьяное и ухмыляющееся, другое – пухлое, краснощёкое и испуганное – ударили её по глазам, как раньше ударил яркий свет… Она вспомнила, упала со стула и забилась на песке, потом вскочила и с радостным визгом бросилась к этим лицам. Раздался оглушительный рёв, пронизанный насквозь свистками и пронзительным детским криком:

– Каштанка! Каштанка!

Тётка прыгнула через барьер, потом через чьё-то плечо, очутилась в ложе; чтобы попасть в следующий ярус, нужно было перескочить высокую стену; Тетка прыгнула, но не допрыгнула и поползла назад по стене. Затем она переходила с рук на руки, лизала чьи-то руки и лица, подвигалась всё выше и выше и наконец попала на галёрку…

Спустя полчаса Каштанка шла уже по улице за людьми, от которых пахло клеем и лаком. Лука Александрыч покачивался и инстинктивно, наученный опытом, старался держаться подальше от канавы.

– В бездне греховней валяюся во утробе моей… – бормотал он. – А ты, Каштанка, – недоумение. Супротив человека ты всё равно, что плотник супротив столяра.

Рядом с ним шагал Федюшка в отцовском картузе. Каштанка глядела им обоим в спины, и ей казалось, что она давно уже идёт за ними и радуется, что жизнь её не обрывалась ни на минуту.

Вспоминала она комнатку с грязными обоями, гуся, Фёдора Тимофеича, вкусные обеды, ученье, цирк, но всё это представлялось ей теперь, как длинный, перепутанный, тяжёлый сон…

Мальчики

– Володя приехал! – крикнул кто-то на дворе.

– Володечка приехали! – завопила Наталья, вбегая в столовую. – Ах, боже мой!

Вся семья Королёвых, с часу на час поджидавшая своего Володю, бросилась к окнам. У подъезда стояли широкие розвальни, и от тройки белых лошадей шёл густой туман. Сани были пусты, потому что Володя уже стоял в сенях и красными, озябшими пальцами развязывал башлык. Его гимназическое пальто, фуражка, калоши и волосы на висках были покрыты инеем, и весь он от головы до ног издавал такой вкусный морозный запах, что, глядя на него, хотелось озябнуть и сказать: «Бррр!» Мать и тётка бросились обнимать и целовать его, Наталья повалилась к его ногам и начала стаскивать с него валенки, сёстры подняли визг, двери скрипели и хлопали, а отец Володи в

одной жилетке и с ножницами в руках вбежал в переднюю и закричал ис-пуганно:

– А мы тебя ещё вчера ждали! Хорошо доехал? Благополучно? Господи боже мой, да дайте же ему с отцом поздороваться! Что я, не отец, что ли?

– Гав! Гав! – ревел басом Милорд, огромный чёрный пёс, стуча хвостом по стенам и по мебели.

Всё смешалось в один сплошной радостный звук, продолжавшийся минуты две. Когда первый порыв радости прошёл, Королёвы заметили, что кроме Володи в передней находился ещё один маленький человек, укутанный в платки, шали и башлыки и покрытый инеем; он неподвижно стоял в углу в тени, бросаемой большою лисьей шубой.

– Володечка, а это кто же? – спросила шёпотом мать.

– Ах! – спохватился Володя. – Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевицын, ученик второго класса… Я привёз его с собой погостить у нас.

– Очень приятно, милости просим! – сказал радостно отец. – Извините, я по-домашнему, без сюртука… Пожалуйте! Наталья, помоги господину Черепицыну раздеться! Господи боже мой, да прогоните эту собаку! Это наказание!

Немного погодя Володя и его друг Чечевицын, ошеломлённые шумной встречей и всё ещё розовые от холода, сидели за столом и пили чай. Зимнее солнышко, проникая сквозь снег и узоры на окнах, дрожало на самоваре и купало свои чистые лучи в полоскательной чашке. В комнате было тепло, и мальчики чувствовали, как в их озябших телах, не желая уступать друг другу, щекотались тепло и мороз.

– Ну, вот скоро и Рождество! – говорил нараспев отец, крутя из тёмно-рыжего табаку папиросу. – А давно ли было лето и мать плакала, тебя провожаючи? Ан ты и приехал… Время, брат, идёт быстро! Ахнуть не успеешь, как старость придёт. Господин Чибисов, кушайте, прошу вас, не стесняйтесь! У нас попросту.

Три сестры Володи, Катя, Соня и Маша – самой старшей из них было одиннадцать лет, – сидели за столом и не отрывали глаз от нового знакомого. Чечевицын был такого же возраста и роста, как Володя, но не так пухл и бел, а худ, смугл, покрыт веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькие, губы толстые, вообще был он очень некрасив, и если б на нём не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за кухаркина сына. Он был угрюм, всё время молчал и ни разу не улыбнулся. Девочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и учёный человек. Он о чём-то всё время думал и так был занят своими мыслями, что когда его

спрашивали о чём-нибудь, то он вздрагивал, встряхивал головой и просил повторить вопрос.

Девочки заметили, что Володя, всегда весёлый и разговорчивый, на этот раз говорил мало, вовсе не улыбался и как будто даже не рад был тому, что приехал домой. Пока сидели за чаем, он обратился к сёстрам только раз, да и то с какими-то странными словами. Он указал пальцем на самовар и сказал:

– А в Калифорнии вместо чаю пьют джин.

Он тоже был занят какими-то мыслями, и, судя по тем взглядам, какими он изредка обменивался с другом своим Чечевицыным, мысли у мальчиков были общие.

После чаю все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для ёлки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок падал с неба; папаша тоже восхищался и изредка бросал ножницы на пол, сердясь на них за то, что они тупы. Мамаша вбегала в детскую с очень озабоченным лицом и спрашивала:

– Кто взял мои ножницы? Опять ты, Иван Николаич, взял мои ножницы?

– Господи боже мой, даже ножниц не дают! – отвечал плачущим голосом Иван Николаич и, откинувшись на спинку стула, принимал позу оскорблённого человека, но через минуту опять восхищался.

В предыдущие свои приезды Володя тоже занимался приготовлением для ёлки или бегал на двор поглядеть, как кучер и пастух делали снеговую гору, но теперь он и Чечевицын не обратили никакого внимания на разноцветную бумагу и ни разу даже не побывали в конюшне, а сели у окна и стали о чём-то шептаться; потом они оба вместе раскрыли географический атлас и стали рассматривать какую-то карту.

– Сначала в Пермь… – тихо говорил Чечевицын, – оттуда в Тюмень… потом Томск… потом… потом… в Камчатку… Отсюда самоеды[10] перевезут на лодках через Берингов пролив… Вот тебе и Америка… Тут много пушных зверей.

– А Калифорния? – спросил Володя.

– Калифорния ниже… Лишь бы в Америку попасть, а Калифорния не за горами. Добывать же себе пропитание можно охотой и грабежом.

Чечевицын весь день сторонился девочек и глядел на них исподлобья. После вечернего чая случилось, что его минут на пять оставили одного с девочками. Неловко было молчать. Он

сурово кашлянул, потёр правой ладонью левую руку, поглядел угрюмо на Катю и спросил:

– Вы читали Майн Рида?

– Нет, не читала… Послушайте, вы умеете на коньках кататься?

Погружённый в свои мысли, Чечевицын ничего не ответил на этот вопрос, а только сильно надул щёки и сделал такой вздох, как будто ему было очень жарко. Он ещё раз поднял глаза на Катю и сказал:

– Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

– А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты.

– А что это такое?

– Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

– Господин Чечевицын.

– Нет. Я Монтигомо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых.

Маша, самая маленькая девочка, поглядела на него, потом на окно, за которым уже наступал вечер, и сказала в раздумье:

– А у нас чечевицу вчера готовили.

Совершенно непонятные слова Чечевицына и то, что он постоянно шептался с Володей, и то, что Володя не играл, а всё думал о чём-то, – всё это было загадочно и странно. И обе старшие девочки, Катя и Соня, стали зорко следить за мальчиками. Вечером, когда мальчики ложились спать, девочки подкрались к двери и подслушали их разговор. О, что они узнали! Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги было уже всё готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придётся пройти пешком несколько тысяч вёрст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации. Володя и Чечевицын говорили и в увлечении перебивали друг друга. Себя Чечевицын называл при этом так: «Монтигомо Ястребиный Коготь», а Володю – «бледнолицый брат мой».

– Ты смотри же, не говори маме, – сказала Катя Соне, отправляясь с ней спать. – Володя привезёт нам из Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь маме, то его не пустят.

Накануне Сочельника Чечевицын целый день рассматривал

карту Азии и что-то записывал, а Володя, томный, пухлый, как укушенный пчелой, угрюмо ходил по комнатам и ничего не ел. И раз даже в детской он остановился перед иконой, перекрестился и сказал:

– Господи, прости меня грешного! Господи, сохрани мою бедную, несчастную маму!

К вечеру он расплакался. Идя спать, он долго обнимал отца, мать и сестёр. Катя и Соня понимали, в чём тут дело, а младшая, Маша, ничего не понимала, решительно ничего, и только при взгляде на Чечевицына задумывалась и говорила со вздохом:

– Когда пост, няня говорит, надо кушать горох и чечевицу.

Рано утром в Сочельник Катя и Соня тихо поднялись с постелей и пошли посмотреть, как мальчики будут бежать в Америку. Подкрались к двери.

– Так ты не поедешь? – сердито спрашивал Чечевицын. – Говори: не поедешь?

– Господи! – тихо плакал Володя. – Как же я поеду? Мне маму жалко.

– Бледнолицый брат мой, я прошу тебя, поедем! Ты же уверял, что поедешь, сам меня сманил, а как ехать, так вот и струсил.

– Я… я не струсил, а мне… мне маму жалко.

– Ты говори: поедешь или нет?

– Я поеду, только… только погоди. Мне хочется дома пожить.

– В таком случае я сам поеду! – решил Чечевицын. – И без тебя обойдусь. А ещё тоже хотел охотиться на тигров, сражаться! Когда так, отдай же мои пистоны!

Володя заплакал так горько, что сёстры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

– Так ты не поедешь? – ещё раз спросил Чечевицын.

– По… поеду.

– Так одевайся!

И Чечевицын, чтобы уговорить Володю, хвалил Америку, рычал, как тигр, изображал пароход, бранился, обещал отдать Володе всю слоновую кость и все львиные и тигровые шкуры.

И этот худенький смуглый мальчик со щетинистыми волосами и веснушками казался девочкам необыкновенным, замечательным. Это был герой, решительный, неустрашимый человек, и рычал он так, что, стоя за дверями, в самом деле можно было подумать, что это тигр или лев.

Когда девочки вернулись к себе и одевались, Катя с глазами, полными слёз, сказала:

– Ах, мне так страшно!

До двух часов, когда сели обедать, всё было тихо, но за

обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома. Послали в людскую, в конюшню, во флигель к приказчику – там их не было. Послали в деревню – и там не нашли. И чай потом тоже пили без мальчиков, а когда садились ужинать, мамаша очень беспокоилась, даже плакала. А ночью опять ходили в деревню, искали, ходили с фонарями на реку. Боже, какая поднялась суматоха!

На другой день приезжал урядник, писали в столовой какую-то бумагу. Мамаша плакала.

Но вот у крыльца остановились розвальни, и от тройки белых лошадей валил пар.

– Володя приехал! – крикнул кто-то на дворе.

– Володечка приехали! – завопила Наталья, вбегая в столовую.

И Милорд залаял басом: «Гав! гав!» Оказалось, что мальчиков задержали в городе, в Гостином дворе (там они ходили и всё спрашивали, где продаётся порох). Володя как вошёл в переднюю, так и зарыдал и бросился матери на шею. Девочки, дрожа, с ужасом думали о том, что теперь будет, слышали, как папаша повёл Володю и Чечевицына к себе в кабинет и долго там говорил с ними; и мамаша тоже говорила и плакала.

– Разве так можно? – убеждал папаша. – Не дай бог, узнают в гимназии, вас исключат. А вам стыдно, господин Чечевицын! Нехорошо-с! Вы зачинщик, и, надеюсь, вы будете наказаны вашими родителями. Разве так можно! Вы где ночевали?

– На вокзале! – гордо ответил Чечевицын.

Володя потом лежал, и ему к голове прикладывали полотенце, смоченное в уксусе. Послали куда-то телеграмму, и на другой день приехала дама, мать Чечевицына, и увезла своего сына домой.

Когда уезжал Чечевицын, то лицо у него было суровое, надменное, и, прощаясь с девочками, он не сказал ни одного слова; только взял у Кати тетрадку и написал в знак памяти:

«Монтигомо Ястребиный Коготь».

Поэзия

Пётр Павлович Ершов (1815–1869)

Пётр Павлович Ершов родился в 1815 году в селе Безруково Тобольской губернии. Семья часто переезжала по делам, связанным со службой отца. В 1824 году родители отправили Петра и его брата Николая в Тобольск учиться. Мальчики жили у родственников матери. В 1830 году Петр с отличием окончил гимназию и поступил на философско-юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы Ершов сближается с профессором русской словесности Петром Плетнёвым, знакомится с Василием Жуковским, Александром Пушкиным… Плетнёв во время одной из лекций с университетской кафедры прочитал отрывок из «Конька-Горбунка» и представил изумлённым слушателям автора чудесной сказки – их сокурсника Петра Ершова, сидевшего в аудитории. Плетнёв показал сказку Пушкину. И Пушкину сказка понра-вилась

После университета Ершов уезжает в родной Тобольск, мечтая об исследовании тогда ещё мало изученной Сибири. Вернувшись на родину летом 1836 года, работал учителем Тобольской гимназии, затем инспектором и директором гимназии и дирекции училищ Тобольской губернии. Был инициатором создания любительского гимназического театра. В театре занимался режиссурой. Написал для театра несколько пьес.

Умер Пётр Ершов в августе 1869 года в Тобольске.

Конёк-Горбунок

Часть первая

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу

Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращалися домой.
В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.
Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.

Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник[11].
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;

На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнова смеркаться;
Средний брат пошёл сбираться:
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз, —
До животиков промёрз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;
Всю я ночку проскакал;
Слишком было несподручно…
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:

«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему сбираться;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша.
Я куплю тебе лубков[12],
Дам гороху и бобов».
Тут Иван с печи слезает,
Малахай[13] свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.
Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом;
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.

Вдруг о полночь конь заржал…
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча[14]!»
И, минуту улуча,
К кобылице подбегает,

За волнистый хвост хватает
И прыгнул к ней на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью[15] бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьётся кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, – ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпущай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку[16].
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет,
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом напоит.

Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».
«Ладно», – думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Пресню».
Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаяся вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать, —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похожденье,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже све́тил, —
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бородою и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то – что те плошки!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал,

Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его как в жомах[17].
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертёнку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали[18],
Не смогли – захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слёз не посмеяться,
Хоть смеяться – так оно
Старикам уж и грешно.
Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, —
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, —
Ведь за ними не бежать…
Станем сказку продолжать.
Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? – Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» —
Говорит себе Данило…
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:

«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшися три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом[19] горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть!
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? —
Старший среднему сказал. —
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу[20]
Отведём-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулися домой,

Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку
И про чудную зверушку.
Время катит чередом,
Час за часом, день за днём.
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдёт ли царь Салтан
Басурманить христиан.
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.
Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискочкой, словно пан,
Боком входит в балаган.
Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас чёрт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!
Чтоб ему на том свету́
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»
Тут конёк ему заржал.

«Не тужи, Иван, – сказал, —
Велика беда, не спорю,
Но могу помочь я горю.
Ты на чёрта не клепли:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пущусь да побегу,
Так и беса настигу».
Тут конёк пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в загреби берёт,
Что есть мочушки ревёт.
Горбунок-конёк встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.
Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись.
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша,
Что переться – дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот[21].
Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли́ неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю ночь —

Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы вершили,
Наконец вот так решили:
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик неможет[22],
Работать уже не может;
А ведь надо ж мыкать век, —
Сам ты умный человек!» —
«Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, – продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.
Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.

Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.
Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засве́тил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
«Эх, как тёмно! – он сказал. —
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Всё бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь…
Да постой-ка… мне сдаётся,
Что дымок там светлый вьётся…

Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побега́й-ка, брат Ванюша!
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь знает, что горит!
Коль станичники пристали,
Поминай его, как звали!»
Всё пустяк для дурака.
Он садится на конька,
Бьёт в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил…
Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. —
Что за бес такой под ним!»
Огонёк горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнём.
Светит поле словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван.
«Что, – сказал он, – за шайтан[23]!
Шапок с пять найдётся свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо-огонёк!»
Говорит ему конёк:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесёт оно с собою». —
«Говори ты! Как не так!» —
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,

Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;
Раздувал его я с час —
Нет ведь, чёрт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.
Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.
В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатый,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте.
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому[24],
Ни давёжа, ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
«Эй, честны́е господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»

Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.
Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит – давка от народу.
Нет ни выходу ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй! вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! прочь с дороги!» —
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.
Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой…
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
«Чуден, – молвил, – божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.
Приезжает во дворец.
«Ты помилуй, царь-отец! —
Городничий восклицает
И всем телом упадает. —

Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»
Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно». —
«Как умею, расскажу:
Городничим я служу;
Верой-правдой исправляю
Эту должность…» – «Знаю, знаю!» —
«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю – тьма народу!
Ну, ни выходу ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал.
Так и сталось, царь-надёжа!
И поехал я – и что же?
Предо мною конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты».
Царь не мог тут усидеть.
«Надо ко́ней поглядеть, —
Говорит он, – да не худо
И завесть такое чудо.
Гей, повозку мне!» И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царём стрельцов отряд.
Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура!» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг…
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовёт,
По спине их тихо бьёт,
Треплет шею их крутую,
Гладит гриву золотую,

И, довольно засмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин – тоже я». —
«Ну, я пару покупаю!
Продаёшь ты?» – «Нет, меняю». —
«Что в промен берёшь добра?» —
«Два-пять шапок серебра». —
«То есть, это будет десять».
Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!
Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.
Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не даётся;
Делать нечего, придётся
Во дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» – «Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,

Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдаёт;
То есть, я из огорода
Стану царский воевода.
Чу́дно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»
Тут он кликнул скакунов
И пошёл вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конёк его – горбатко —
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.
Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендовой[25]
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать
Да Ивана поминать.
Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь во службе царской,
При конюшне государской;
Как в суседки[26] он попал,
Как перо своё проспал,
Как хитро́ поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,
Как он ездил за кольцом,
Как был на́ небе послом,
Как он в солнцевом селенье
Ки́ту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился;

Словом: наша речь о том,
Как он сделался царём.

Часть вторая

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещего каурка[27].
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с златой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Чёрный зверь в дубраве рыщет,
Это присказка, а вот —
Сказка чередом пойдёт.
Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.
Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!
Вот неделей через пять

Начал спальник примечать…
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшней надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился,
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случа́я
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те двину, неумойка!»
Так неделей через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит;
Но при всём том два коня
Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Чёлки собраны в пучок,
Шерсть – ну, лоснится, как шёлк;
В стойлах – свежая пшеница,
Словно тут же и родится,
И в чанах больших сыта́
Будто только налита.
«Что за притча тут такая? —
Спальник думает вздыхая. —
Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник-домовой?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить, —
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший государской —
Басурманин, ворожей,
Чернокнижник и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божию не ходит,
Католицкий держит крест

И постами мясо ест».
В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мёртв лежит,
Сам молитвы всё творит.
Ждёт суседки… Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрыпели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно её кладёт
И из шапки той берёт
В три завёрнутый тряпицы
Царский клад – перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,
Что овёс с него свалился.
Но суседке невдомек!
Он кладёт перо в сусек,
Чистить ко́ней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетёт,
Разны песенки поёт.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,
Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут деет домовой.
Что за бес! Нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы,
Сапоги как ал сафьян, —
Ну, точнёхонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей на домового…

«Э! так вот что! – наконец
Проворчал себе хитрец, —
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
Что ему беда такая
Угрожает, всё плетёт
Гривы в косы да поёт.
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал дополна
Белоярова пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы
Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо – и лёг
У коней близ задних ног.
Только начало зориться,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан[28],
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,
Пальцы в шапку запустил,
Хвать перо – и след простыл.
Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить». —
«Говори, не прибавляя, —
Царь сказал ему зевая. —
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос.
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец скрывает,

Но не злато, не сребро —
Жароптицево перо…» —
«Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел такой богатый…
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!..» —
«Да и то ль ещё он знает! —
Спальник тихо продолжает
Изогнувшися. – Добро!
Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похваляется достать».
И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем таловым,
Ко кровати подошёл,
Подал клад – и снова в пол.
Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклав его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив своё веленье
Быстрым взмахом кулака:
«Гей! позвать мне дурака!»
И посыльные дворяна
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругоредь растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлися без проказ.
Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют

И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С полчаса над ним возились,
Но его не добудились.
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.
«Что за челядь тут такая? —
Говорит Иван вставая. —
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана».
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать». —
«Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся
И тотчас к нему явлюся», —
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.
Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал к нему со гневом,
Приподнявшися: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро —
Жароптицево перо?
Что я – царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!
Я те шапки ровно не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты – ажно ты пророк?
Ну, да что, сади в острог,
Прикажи сейчас хоть в палки —
Нет пера, да и шабалки!..» —

«Отвечай же! запорю!..» —
«Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.
«Что? Ты смел ещё переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?» Тут Иван
Задрожал, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? —
Молвил царь. – Постой-ка, брат!..» —
«Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю, —
Царь Ивану говорит. —
Я, помилуй бог, сердит!
И с сердцов иной порою
Чуб сниму и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать её старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил! —
Закричал он утираясь. —
О пере не запираюсь,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведёшь».
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою! —
Закричал он. – Но смотри!
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,

То, клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правёж – в решетку – на́ кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.
Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
Но, как слёзы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк,
У его вертяся ног. —
Не утайся предо мною,
Всё скажи, что за душою.
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! – сказал. —
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашёл перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
«Не бери, Иван, – беда!
Много, много непокою
Принесёт оно с собою».
Вот теперя ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это – службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта

Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Вот Иван к царю идёт,
Говорит ему открыто:
«Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ даёт,
Чтоб посыльные дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.
На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток —
Доставать тоё Жар-птицу.
Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора
Вся из чистого сребра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жа́ры-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.

Что за поле! Зелень тут
Словно камень-изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на океане,
Возвышается гора
Вся из чистого сребра.
Солнце летними лучами
Красит всю её зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.
Вот конёк по косогору
Поднялся на эту гору,
Версту, дру́гу пробежал,
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнётся,
И тебе стеречь придётся.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да, смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы
Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.
Ты, которая поближе,
И схвати её, смотри же!
А поймаешь птицу-жар,
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюся». —
«Ну, а если обожгуся? —
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан. —
Рукавички взять придётся:
Чай, плутовка больно жгётся».
Тут конёк из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой, —
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряней, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать, —
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то – сущий смех!
Чай, таких у куриц нету.
А уж сколько, парень, свету,
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь,
Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшену с вином подполз, —
Хвать одну из птиц за хвост.
«Ой, Конёчек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружочек!
Я ведь птицу-то поймал», —
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился! —
Говорит ему конёк. —
Ну, скорей её в мешок!
Да завязывай тужее;
А мешок привесь на шею.
Надо нам в обратный путь». —
«Нет, дай птиц-то мне пугнуть!
Говорит Иван. – Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперёк.
Ярким пламенем сверкая,

Встрепенулася вся стая,
Кру́гом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулися назад.

Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» —
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
«Разумеется, достал», —
Наш Иван царю сказал.
«Где ж она?» – «Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить».
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол:
«Ну-ка, бабушка, пошёл!»
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь двор рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!
Эй, решёточных сзывайте!
Заливайте! Заливайте!» —
«Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, —
Молвил ловчий, сам со смеху
Надрываяся. – Потеху
Я привёз те, осударь!»
Говорит Ивану царь:
«Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой —
Будь же царский стремянной!»

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться.
Я те снова подведу,
Мой дружочек, под беду!»
Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора;
Попивали мёд из жбана
Да читали Еруслана.
«Эх! – один слуга сказал, —
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки – вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!»
Тут все в голос: «Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!» —
«Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о бобре,
А вторая о царе;
Третья… дай бог память… точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвёртой: князь Бобыл;
В пятой… в пятой… эх, забыл!
В пятой сказке говорится…
Так в уме вот и вертится…» —
«Ну, да брось её!» – «Постой!» —
«О красотке, что ль, какой?» —
«Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу севодни я?» —
«Царь-девицу! – все кричали. —
О царях мы уж слыхали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей».

И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:
«У далёких немских стран
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли
Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идёт,
Что девица там живёт;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шлюпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нём;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет…»
Спальник тут с полатей скок —
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился;
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!» —
«Говори, да правду только,
И не ври, смотри, нисколько!» —
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы севодни в кухне были,
За твоё здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся твоей брадой,

Что он знает эту птицу, —
Так он назвал Царь-девицу, —
И её, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей, позвать мне стремяннова!» —
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал.
А посыльные дворяна
Побежали по Ивана;
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.
Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь молвить, Царь-девицу…» —
«Что ты, что ты, бог с тобой! —
Начал царский стремянной. —
Чай, с просонков я, толкую,
Штуку выкинул такую.
Да хитри себе как хошь,
А меня не проведёшь».
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. – Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой!
Ты поплатишься со мной!
На правёж – в решетку – на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк. —
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! – сказал. —

Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это – службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты к царю теперь поди
И скажи: «Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки[29],
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И властей для прохлажденья».
Вот Иван к царю идёт
И такую речь ведёт:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И властей для прохлажденья». —
«Вот давно бы так, чем нет», —
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.
На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И властей для прохлажденья;
Всё в мешок дорожный склал
И верёвкой завязал,

Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся;
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.
Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нём-то круглый год
Та красавица живёт;
Два раза́ она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окияну,
На котором белый вал
Одинёшенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конёк ему вещает:
«Ну, раскидывай шатёр,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохлажденья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает..
То царевна подплывает.
Пусть в шатёр она войдёт,
Пусть покушает, попьёт;
Вот, как в гусли заиграет, —
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатёр вбегай,
Ту царевну сохватай,
И держи её сильнее,
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз;
И поедем… Да, смотри же,
Ты гляди за ней поближе;
Если ж ты её проспишь,
Так беды не избежишь».

Тут конёк из глаз сокрылся,
За шатёр Иван забился
И давай диру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.
Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслями в шатёр
И садится за прибор.
«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, —
Рассуждает стремянной, —
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
Тьфу ты! словно у цыплёнка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму».
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак
И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.
Запад тихо догорал.
Вдруг конёк над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды,
Не меня ведь вздёрнут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
И, рыдаючи, просил,
Чтоб конёк его простил:
«Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж спать не стану». —
«Ну, уж бог тебя простит! —
Горбунок ему кричит. —
Всё поправим, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру

Приплывёт опять девица
Мёду сладкого напиться.
Если ж снова ты заснёшь,
Головы уж не снесёшь».
Тут конёк опять сокрылся;
А Иван сбирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколоться,
Если вновь ему вздремнётся.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на берег бросает,
Входит с гуслями в шатёр
И садится за прибор…
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелося поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! —
Говорит Иван вставая. —
Ты в друго́рядь не уйдёшь
И меня не проведёшь».
Тут в шатёр Иван вбегает,
Косу длинную хватает…
«Ой, беги, конёк, беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конёк к нему явился.
«Ай, хозяин, отличился!
Ну, садись же поскорей
Да держи её плотней!»
Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает,
За белы́ руки берёт,
Во дворец её ведёт
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица,
Согласися быть царица!
Я тебя едва узрел —

Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня —
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Всё для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнём жить припевая».
А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.
Царь нисколько не сердился,
Но сильней ещё влюбился;
На колен пред нею стал,
Ручки нежно пожимал
И балясы начал снова:
«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?
Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!»
Говорит ему царевна:
«Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна». —
«Гей! Позвать ко мне Ивана!» —
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.
Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
Поезжай на окиян;
В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего». —
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги;
Ты опять на окиян!» —
Говорит царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться! —
Царь со гневом закричал

И ногами застучал. —
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! По пути, —
Говорит ему царица, —
Заезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?
Не забудь же!» – «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:
«Месяц – мать мне,
Солнце – брат». —
«Да, смотри, в три дня назад!» —
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» —
Говорит ему конёк.
«Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,
Так и шлёт на окиян, —
Говорит коньку Иван. —
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться

Солнцу, Месяцу, притом
И спрошать кое об чём…»
Тут конёк: «Сказать по дружбе,
Это – службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты теперя спать поди;
А назавтра, утром рано,
Мы поедем к окияну».
На другой день наш Иван,
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся
И поехал в дальний путь…
Дайте, братцы, отдохнуть!

Часть третья

Та-ра-рали, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдёт у них тут пир,
Что на весь крещёный мир!»
Это присказка ведётся,
Сказка по́слее начнётся.
Как у наших у ворот
Муха песенку поёт:
«Что дадите мне за вестку?
Бьёт свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
«Не ходи ты по зарям!

Не кажися молодцам!»
Это присказка велася,
Вот и сказка началася.
Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Вёрст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит конёк Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну —
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить;
Он учнёт тебя просить,
Чтоб ты в Солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещай,
Да, смотри ж, не забывай!»
Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит.
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.
Вот конёк бежит по ки́ту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:

«Путь-дорога, господа!
Вы откуда, и куда?» —
«Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, —
Говорит киту конёк, —
К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые». —
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале быть,
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?» —
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу…
Я и сам те услужу!..» —
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько воздыхает.
«Ладно-ладно, Рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
Тут конёк под ним забился,
Прыг на берег – и пустился,
Только видно, как песок
Вьётся вихорем у ног.

Едут близко ли, далёко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конёк туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землёю,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.
Тут Иван с землёй простился
И на небе очутился
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.

«Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво, —
Говорит коньку Иван.
Средь лазоревых полян, —
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,
Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница…
Чай, небесная светлица…
Что-то больно высока!» —
Так спросил Иван конька.
«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы, —
Горбунок ему кричит, —
По ночам здесь Солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».
Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод;
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд —
Православный русский крест.

Вот конёк во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идёт
И такую речь ведёт:
«Здравствуй, Месяц Месяцович!
Я – Иванушка Петрович,
Из далёких я сторон

И привёз тебе поклон». —
«Сядь, Иванушка Петрович, —
Молвил Месяц Месяцович, —
И поведай мне вину[30]
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край, —
Всё скажи мне, не утай». —
«Я с земли пришёл Землянской,
Из страны ведь христианской, —
Говорит, садясь, Иван, —
Переехал окиян
С порученьем от царицы —
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой:
«Ты скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?»
Так, кажися? – Мастерица
Говорить красно́ царица;
Не припомнишь всё сполна,
Что сказала мне она». —
«А какая то царица?» —
«Это, знаешь, Царь-девица». —
«Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» —
Вскрикнул Месяц Месяцович.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я её доставил
В три недели во дворец;
А не то меня, отец,
Посадить грозился на кол».
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,

Целовать и миловать.
«Ах, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцович. —
Ты принёс такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж мы как горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В тёмном облаке ходила,
Всё грустила да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала,
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:
Всё грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?» —
«Всем бы, кажется, красотка,
Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том —
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть ещё к тебе прошенье,
То о китовом прощенье…
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперёк его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты…
Он, бедняк, меня прошал,

Чтобы я тебя спрошал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несёт мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».

Тут Иванушка поднялся,
С светлым месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щёки целовал.
«Ну, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцович. —
Благодарствую тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
«Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, —
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведёт тебя к налою[31]».
Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.
На другой день наш Иван
Вновь пришёл на окиян.

Вот конёк бежит по ки́ту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, моё прошенье?

Получу ль когда прощенье?» —
«Погоди ты, Рыба-кит!» —
Тут конёк ему кричит.
Вот в село он прибегает,
Мужиков к себе сзывает,
Чёрной гривкою трясёт
И такую речь ведёт:
«Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернётся Рыба-кит…»
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,
Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Всё, что было живота,
И оставили кита.
Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шёл Мамай войной!
Тут конёк на хвост вбегает,
К перьям близко прилегает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо Рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без божия веленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет бог с тебя невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
И, окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился – и вмиг
На далёкий берег прыг.

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.
Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причётом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов весёлый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли…»
Волны моря заклубились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо Рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плёсом волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать для вас готов!» —
«Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, —
Говорит ему Иван, —
Лучше перстень нам достань —
Перстень, знаешь, Царь-девицы,
Нашей будущей царицы». —
«Ладно, ладно! Для дружка
И серёжку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы»,—
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.

Вот он плёсом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведёт:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.
Если ж умный мой приказ
Не исполните… я вас!»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.
Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! не гневись!
Мы всё море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только Ёрш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,
Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло». —
«Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» —
Кит сердито закричал
И усами закачал.
Осетры тут поклонились,
В земский суд бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И Ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Чёрный рак указ сложил
И печати приложил.

Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб, от имени царя,
Обежали все моря
И того Ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И Ерша искать пустились.
Ищут час они в морях,
Ищут час они в реках,
Все озёра исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли Ерша сыскать
И вернулися назад,
Чуть не плача от печали…
Вдруг дельфины услыхали
Где-то в маленьком пруде
Крик неслыханный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, —
Глядь: в пруде, под камышом,
Ёрш дерётся с Карасём.
«Смирно! черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» —
Закричали им гонцы.
«Ну, а вам какое дело? —
Ёрш кричит дельфинам смело. —
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!» —
«Ох ты, вечная гуляка
И крикун и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться да кричать.
Дома – нет ведь, не сидится!..
Ну да что с тобой рядиться, —
Вот тебе царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас».
Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ёрш ну рваться и кричать:

«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.
Распроклятый тот Карась
Поносил меня вчерась
При честном при всём собранье
Неподобной разной бранью…»
Долго Ёрш ещё кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.
«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?» —
Кит со гневом закричал.
На колени Ёрш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Ну, уж бог тебя простит! —
Кит державный говорит. —
Но за то твоё прощенье
Ты исполни повеленье». —
«Рад стараться, чудо-кит!» —
На коленях Ёрш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?» – «Как не знать!
Можем разом отыскать». —
«Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»
Тут, отдав царю поклон,
Ёрш пошёл, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне —
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ёрш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собрались,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего —
«У-у-у!» да «О-о-о!»
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селёдки!
Вам кнута бы вместо водки!» —
Крикнул Ёрш со всех сердцов
И нырнул по осетров.
Осетры тут приплывают
И без крика подымают
Крепко ввязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребятушки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает…»
Осетры к царю плывут,
Ёрш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины),
Чай, додраться с Карасём, —
Я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.
Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждёт кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок.
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,
Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! —
Говорит себе Иван. —

Обещался до зарницы
Вынесть перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И…» Тут море закипело:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твоё благодеянье
Я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь я,
Позови опять меня;
Твоего благодеянья
Не забыть мне… До свиданья!»
Тут Кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.
Горбунок-конёк проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.
«Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выплатил исправно!
Ну, спасибо, Рыба-кит! —
Горбунок-конёк кричит. —
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число.
Чай, старик уж умирает».
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы радостью поднять,
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал;
Тяжесть страшная такая!»
Тут конёк, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камушек какой,

И взмахнул к себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далёк».
Стал четвёртый день зориться.
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит.
«Что кольцо моё?» – кричит.
Тут Иван с конька слезает
И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит».
Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
Сундучок отнесть в светлицу,
Сам пошёл по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найдён, —
Сладкогласно молвил он, —
И теперь, примолвить снова,
Нет препятства никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружочек,
Свой увидеть перстенёчек?
Он в дворце моём лежит».
Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя ещё венчаться». —
«Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой;
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты… то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжалься, матушка царица!»
Говорит ему девица:
«Но взгляни-ка, ты ведь сед;
Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внуку взял!»
Царь со гневом закричал:

«Пусть-ка только засмеются —
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!
Весь их род искореню!» —
«Пусть не станут и смеяться,
Всё не можно нам венчаться, —
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?» —
Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да я удал! —
Царь царице отвечал. —
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему девица:
«А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал
И, нахмуряся, сказал:
«Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!» —
«Не пойду я за седова, —
Царь-девица молвит снова. —
Стань, как прежде, молодец,
Я тотчас же под венец». —
«Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо бог один творит».
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить

До краёв водой студёной,
А второй – водой варёной,
А последний – молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться, —
Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,
А потом ещё в студёной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»
Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
«Что, опять на окиян? —
Говорит царю Иван. —
Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне всё сбилось.
Не поеду ни за что!» —
«Нет, Иванушка, не то.
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краёв водой студёной,
А второй – водой варёной,
А последний – молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться
Пробы ради искупаться
В этих трёх больших котлах,
В молоке и в двух водах». —
«Вишь, откуда подъезжает! —
Речь Иван тут начинает. —
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросёнок,
Не индюшка, не цыплёнок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить, мудрить
Да Ивана проводить!»

Царь, затрясши бородою:
«Что? рядиться мне с тобою! —
Закричал он. – Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, —
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, болесть[32] злая!»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк. —
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! – сказал. —
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Искупаться мне в котлах,
В молоке и в двух водах:
Как в одной воде студёной,
А в другой воде варёной,
Молоко, слышь, кипяток».
Говорит ему конёк:
«Вот уж служба так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.
Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею…
Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай: завтра на заре,
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать

Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследни с ним проститься».
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёной.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись».

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Эй, хозяин, полно спать!
Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошёл к царю во двор.
Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялися порой.
Вот и двери растворились;
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удальца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» —
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату.
Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них – и зачесался.

«Что же ты, Ванюша, стал? —
Царь опять ему вскричал. —
Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать.
Я впоследни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.
Вот конёк хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул.
На конька Иван взглянул
И в котёл тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.
«Эко диво! – все кричали. —
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы льзя похорошеть!»
Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котёл – и там сварился!
Царь-девица тут встаёт,
Знак к молчанью подаёт,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если люба, то признайте
Володетелем всего
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

«Люба, люба! – все кричат. —
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана
Признаём царя Ивана!»
Царь царицу тут берёт,
В церковь божию ведёт,
И с невестой молодою
Он обходит вкруг налою.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским выставляют,
И, напившися, народ
Что есть мочушки дерёт:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

Кто он? [33] (отрывок)

Он силён – как буря Алтая,
Он мягок – как влага речная,
Он твёрд – как гранит вековой,
Он вьётся ручьём серебристым,
Он брызжет фонтаном огнистым,
Он льётся кипучей рекой.
Он гибок – как трость молодая,
Он крепок – как сталь вороная,
Он звучен – как яростный гром,
Он рыщет медведем косматым,
Он скачет оленем рогатым,
Он реет под тучи орлом…

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Жуковский Василий Андреевич родился в Тульской губернии. Из тульского пансиона был отчислен за неуспеваемость. Но в 1797 году 14-летний Жуковский поступил в московский благородный университетский пансион, который окончил с серебряной медалью. В 1812 году Жуковский вступил в московское ополчение и участвовал в боях. В конце 1812 года Жуковский получает награду за Бородино – боевой орден Святой Анны 2-й степени. В это же время он публикует поэму «Певец во стане русских воинов», которая прославила имя Жуковского по всей России больше, чем все его предыдущие труды.

В июле 1824 года Жуковский назначается воспитателем 6-летнего наследника российского престола, великого князя Александра Николаевича. Жуковский был прекрасным преподавателем и воспитателем. В дальнейшем он много раз, навлекая неудовольствие Николая I, через молодого наследника Александра добивался улучшения тяжёлого положения декабристов, сосланных в Сибирь.

По просьбе семьи Гончаровых пытался не допустить дуэли между Пушкиным и Дантесом. Вечером 27 января 1837 года Жуковский получает известие о дуэли и смертельном ранении Пушкина и до кончины поэта почти неотлучно находится в его квартире. После смерти Пушкина становится опекуном детей поэта и, по словам современников, «ангелом-хранителем» семьи.

Умер в Светлое Христово воскресенье в Баден-Бадене. Тело было перевезено в Россию и погребено в Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры.

Песня

Розы расцветают,
Сердце, отдохни;
Скоро засияют
Благодатны дни.
Всё с зимой ненастной
Грустное пройдёт;
Сердце будет ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцветёт.
Розы расцветают —
Сердце, уповай;
Есть, нам обещают,
Где-то лучший край.

Вечно молодая
Там весна живёт;
Там, в долине рая,
Жизнь для нас иная
Розой расцветёт.

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

Иван Андреевич Крылов родился 13 февраля 1769 года в Москве в семье бедного армейского капитана. По долгу службы семья часто меняла место своего жительства; вскоре после рождения сына переехала в Оренбург. А когда отец вышел в отставку, семья поселилась в Твери. Грамоте Крылов выучился дома, французским языком занимался в семействе состоятельных соседей. Отец очень рано умер. Мать с двумя маленькими детьми осталась без средств к существованию. Крылову с десяти лет приходится работать – его определяют переписчиком казённых бумаг. Став постарше, он любит бродить по торговым площадям, любит кулачные бои, народные забавы. Народная речь, пересыпанная прибаутками, ему особенно нравится, легко и надолго запоминается.

Когда положение становится совсем тяжёлым, семья принимает решение ехать в Петербург, хлопотать о пенсии. Здесь Крылов устраивается на работу мелким чиновником и продолжает заниматься самообразованием: он учит итальянский, английский, древнегреческий языки, играет на скрипке. Уже в это время Крылов начинает сочинять. Правда, первые произведения для большой публики прошли совершенно незамеченными.

В 1801 году в Петербурге впервые была поставлена на сцене пьеса Крылова «Пирог», которая имела успех. В это же время появляются первые переводы басен Лафонтена. В 1809 году вышел в свет первый сборник басен Крылова, принёсший ему известность. Язык его басен был таким ярким и остроумным, что многие строки стали поговорками.

С этого времени жизнь его – ряд непрерывных успехов и почестей. 16 декабря 1811 года он избран членом Российской Академии. В 1812 году Крылов стал библиотекарем только что открывшейся Публичной библиотеки, где прослужил 30 лет, выйдя в отставку в 1841 году. Крылов оказался очень хорошим собирателем книг и был окружён всеобщим почитанием.

Умер Крылов в Петербурге. В день похорон друзья и знакомые И.А. Крылова вместе с приглашением получили по экземпляру изданных им самим басен, на которых под траурною

каймою было написано: «Приношение на память об Иване Андреевиче, по его желанию».

Мышь и Крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
Вбежавши, Крысе Мышь сказала, —
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!» —
«Не радуйся, мой свет, —
Ей Крыса говорит в ответ, —
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»
Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

Осёл и Соловей

Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище!
Хотел бы очень я
Сам посудить, твоё услышав пенье,
Велико ль подлинно твоё уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защёлкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры;
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:

«Изрядно, – говорит, – сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Ещё б ты боле навострился,
Когда бы у него немножкопоучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и – полетел за тридевять полей.
Избави, бог, и нас от этаких судей.

Осёл и Мужик

Мужик на лето в огород
Наняв Осла, приставил
Ворон и воробьёв гонять нахальный род.
Осёл был самых честных правил:
Ни с хищностью, ни с кражей незнаком,
Не поживился он хозяйским ни листком
И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
Но Мужику барыш был с огорода плох.
Осёл, гоняя птиц со всех ослиных ног,
По всем грядам и вдоль и поперёк
Такую поднял скачку,
Что в огороде всё примял и притоптал.
Увидя тут, что труд его пропал,
Крестьянин на спине ослиной
Убыток выместил дубиной.
«И ништо! – все кричат, – скотине поделом!
С его ль умом
За это дело браться?»
А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;
Он, точно, виноват (с ним сделан и расчёт),
Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве. Мама умерла очень рано, и воспитанием мальчика занималась бабушка – Елизавета Алексеевна Арсеньева. Бабушка души не чаяла во внуке: старалась дать ему всё самое лучшее, для укрепления здоровья возила на Кавказ. Но всё равно мальчик чувствовал себя

очень одиноким.

В 1827 году Лермонтов вместе с бабушкой едет в Москву, где поступает в пансион. Тогда же он пишет свои первые стихи. Спустя три года Лермонтов поступает в Московский университет, однако закончить обучение не получилось – профессоры, помня его дерзкие выходки во время учёбы, срезали его на публичных экзаменах, а остаться на второй год Лермонтов не захотел.

Как вспоминали современники, Лермонтов был очень вспыльчивым и закрытым человеком, он нередко становился участником дуэлей и скандалов.

В Петербургский университет Лермонтов не попал: ему не зачли двухлетнего пребывания в Москве и предложили поступать на первый курс. По совету друзей он решил поступить в школу гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, куда и был зачислен в звании унтер-офицера.

Смерть Пушкина глубоко потрясла Лермонтова – он пишет стихотворение «На смерть поэта». Стихотворение мгновенно разошлось по Петербургу. После чего следуют арест и ссылка на Кавказ. Вернувшись, Лермонтов участвует в дуэли с сыном французского посланника. После чего опять следуют арест и ссылка. В сражениях Лермонтов отличался доблестью и отвагой. Он был представлен к награде и помилован.

Возвращаясь из отпуска, в Пятигорске он повстречал своего старого знакомого – майора Николая Мартынова. Лермонтов обидно пошутил в адрес Мартынова. Вспыхнула ссора, которая закончилась дуэлью и смертью поэта.

Утёс

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Молитва

В минуту жизни трудную

Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко…

«Москва, Москва!.. люблю тебя как сын…»

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно,
пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул – он упал!
Вселенная замолкла… Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

Нищий

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

Иван Саввич Никитин (1824–1861)

Иван Саввич Никитин родился в Воронеже в мещанской семье. Учился в духовном училище и семинарии, где у него пробудился интерес к литературе, в это же время начинает писать первые стихи. Отец, в начале довольно состоятельный торговец, рассчитывал послать сына в университет, но дела его расстроились, и Никитин вынужден был помогать отцу.

В 1844 году отец Никитина купил на улице Кирочной постоялый двор и поселился с сыном здесь. Однако пьянство и буйный характер отца привели семью к разорению, вынудившему Никитина стать содержателем постоялого двора.

Иван Никитин занимался самообразованием, изучая французский и немецкий языки, а также произведения русских и зарубежных писателей (Шекспир, Гюго, Гёте, Шиллер, Гейне и др.).

После успеха своего второго сборника открыл книжный магазин с библиотекой, который стал важным центром литературной и общественной жизни Воронежа. Но жизненные силы были на исходе, Никитин заболел чахоткой и в возрасте 37 лет скончался.

На стихи Никитина русскими композиторами создано свыше шестидесяти романсов и песен.

«В синем небе плывут над полями…»

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Тёплый вечер прозрачно-румян.
Вот уж веет прохладой ночною;
Грезит колос над узкой межою;
Месяц огненным шаром встаёт,
Красным заревом лес обдаёт.
Кротко звёзд золотое сиянье,
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме, стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

Музыка леса

Без конца поля
Развернулися,
Небеса в воде
Опрокинулись.
За крутой курган
Солнце прячется,
Облаков гряда
Развернулася.
Поднялись, растут
Горы медные,
На горах дворцы
Золочёные.
Между гор мосты
Перекинуты,
В серебро и сталь
Позакованы.
По траве, по ржи
Тени крадутся,
В лес густой бегут,
Собираются.
Лес стоит, покрыт
Краской розовой,
Провожает день
Тихой музыкой.
Разливайтеся,
Звуки чудные!
Сам не знаю я,
Что мне весело…
Всё мне кажется,
Что давным-давно
Где-то слышал я
Эту музыку.
Всё мне помнится
Сумрак вечера,
Тесной горенки
Стены тёмные.
Огонёк горел
Перед образом,
Как теперь горит
Эта звёздочка.

На груди моей
Милой матушки
Я дремал, и мне
Песни слышались.
Были песни те
Звуки райские,
Неземная жизнь
От них веяла!..
И тогда сквозь сон
Всё мне виделся
Яркий блеск и свет
В тёмной горенке.
Не от этого ль
Так мне весело
Слушать в сумерки
Леса музыку,
Что при ней одной
Детство помнится,
Безотрадный день
Забывается?

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве, в Немецкой слободе. Отец, Сергей Львович, принадлежал к старинному дворянскому роду; мать, Надежда Осиповна, урождённая Ганнибал, была внучкой Абрама Петровича Ганнибала – «арапа Петра Великого». Воспитанный французскими гувернёрами, из домашнего обучения Пушкин вынес только прекрасное знание французского и любовь к чтению. Любовь к родному языку ему привили бабушка, Мария Алексеевна Ганнибал, превосходно говорившая и писавшая по-русски (явление редкое в дворянских семьях того времени), и няня Арина Родионовна. Раннему развитию литературных склонностей Пушкина способствовали литературные вечера в доме Пушкиных, где собирались видные писатели.

В 1811 году Пушкин поступил в только что открытый Царскосельский лицей – привилегированное учебное заведение, предназначенное для подготовки по специальной программе высших государственных чиновников из детей дворянского сословия. Здесь Пушкин впервые почувствовал себя Поэтом: талант его был признан товарищами по лицею. После окончания лицея Пушкин был определён на службу в Коллегию иностранных

дел, где не работал и дня, всецело отдавшись творчеству.

В мае он был сослан на юг России за то, что «наводнил Россию возмутительными стихами». Николай I объявил Пушкину, что сам будет его цензором.

В конце 1835 года Пушкин получил разрешение на издание своего журнала, названного им «Современник». Он надеялся, что журнал будет способствовать развитию русской словесности. В журнале печатались Жуковский, Баратынский, Вяземский, Д. Давыдов, Гоголь, Тютчев, Кольцов.

Зимой 1836 года завистники и враги Пушкина из высшей петербургской аристократии пустили в ход подлую клевету на его жену. Чтобы защитить свою честь, Пушкин вызвал Дантеса на дуэль, которая состоялась 27 января 1837 года на Чёрной речке. Поэт был смертельно ранен и через два дня скончался. Опасаясь народных выступлений, царь приказал тайно вывезти тело Пушкина из Петербурга. Похоронен Пушкин на кладбище Святогорского монастыря, в пяти верстах от села Михайловское.

Птичка

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На чёрный отдалённый путь;

Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе…

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождём.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Сказка о золотом петушке

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
С молоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить.
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать[34].
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь, —

Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, – лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помоге
Обратился к мудрецу,
Звездочёту и скопцу.
Шлёт за ним гонца с поклоном.
Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, – на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенётся
И в то место обернётся».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, —
Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнётся, встрепенётся,
К той сторонке обернётся
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лёжа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:

Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!
Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробуждён:
«Царь ты наш! отец народа! —
Возглашает воевода, —
Государь! проснись! беда!»
– Что такое, господа? —
Говорит Дадон, зевая: —
А?.. Кто там?.. беда какая? —
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку, – ан на спице,
Видит, бьётся петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: «Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлёт,
Старший сын его ведёт.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей;
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлёт на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет её к востоку, —
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.

Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» – мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шёлковый шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит…
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шеломов и без лат
Оба мёртвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве…
Царь завыл: «Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатёр
Распахнулся… и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатёр свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала;
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.

И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.
Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот,
С шумом встретил их народ, —
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон…
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, – что скажешь?
Подь поближе! Что прикажешь?»
– Царь! – ответствует мудрец, —
Разочтёмся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу. —
Крайне царь был изумлён.
«Что ты? – старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
– Не хочу я ничего!

Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу, —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. – Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи! да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот – въезжает в город он…
Вдруг раздался лёгкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился… и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз, – и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрым молодцам урок.

Иван Захарович Суриков (1841–1880)

Иван Захарович Суриков родился в деревне Новосёлово Угличского уезда Ярославской губернии в семье оброчного крепостного графа Шереметева. Некоторое время Суриков жил в деревне, затем весной 1849 года вместе с матерью переехал в Москву к отцу, который работал приказчиком в мелочной лавке. Мальчик помогал отцу в работе, одновременно учился грамоте и много читал. Писать стихи Суриков начал очень рано, однако все первые поэтические опыты уничтожил.

В середине 1860-х Суриков порывает с работой в лавке отца, который к тому времени женится второй раз. Молодой поэт начинает работать переписчиком бумаг и типографским наборщиком, однако не добивается успеха и оказывается вынужденным вернуться к отцу, чтобы снова заняться торговлей.

Весна (отрывок)

Над землёю воздух душит
День от дня теплее;
Стали утром зорьки ярче,
На небе светлее.

Всходит солнце над землёю
С каждым днем всё выше,
И весь день, кружась, воркуют
Голуби на крыше.

Вот и верба нарядилась
В белые серёжки,
И у хат играют дети, —
Веселятся, крошки!..

В ночном

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далёком неба
Зорька заалела,
Но и та потухла. Топот
В поле раздаётся:
То табун коней в ночное
По лугам несётся.
Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье,
То-то детям воля!
По траве высокой кони
На просторе бродят,
Собралися дети в кучку,
Разговор заводят.
Мужички сторожевые

Улеглись под лесом
И заснули… Не шелохнет
Лес густым навесом.
Всё темней, темней и тише…
Смолкли к ночи птицы;
Только на небе сверкают
Дальние зарницы.
Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст – и снова
Всё смолкает в поле.
И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несётся ведьма
На ночные пляски;
Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпя искры,
Змей летит крылатый.
И какие-то все в белом
Тени в поле ходят…
Детям боязно – и дети
Огонёк разводят.
И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873)

Фёдор Иванович Тютчев родился в усадьбе Овстуг Орловской губернии, происходил из старинного дворянского рода. Детские годы прошли в Овстуге, юношеские – связаны с Москвой. Домашним образованием будущего поэта руководил молодой поэт-переводчик С. Раич, ставший также впоследствии учителем Михаила Лермонтова. Тютчев изучил латынь и древнеримскую поэзию и в 12 лет уже успешно переводил Горация.

В 1819 году поступил на словесное отделение Московского университета и сразу принял живое участие в его литературной жизни. Окончив университет в 1821 году со степенью кандидата словесных наук, в начале 1822 года Тютчев поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел. Через несколько месяцев был назначен чиновником при Русской дипломатической

миссии в Мюнхене. На чужбине Тютчев провёл двадцать два года, из них двадцать – в Мюнхене. Здесь он женился, здесь познакомился с философом Шеллингом и подружился с Г. Гейне, став первым переводчиком его стихов на русский язык.

Настоящее признание поэзия Тютчева впервые получила в 1836 году, когда в пушкинском «Современнике» появились его 16 стихотворений.

В 1844 году переехал с семьёй в Россию. В 1858 году он был назначен председателем Комитета иностранной цензуры, не раз выступая заступником преследуемых изданий. На этом посту, несмотря на многочисленные неприятности и столкновения с правительством, Тютчев пробыл 15 лет, вплоть до своей кончины.

Скончался Тютчев в Царском Селе. Похоронен поэт в Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря.

«Ещё земли печален вид…»

Ещё земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мёртвый в поле стебль колышет,
И елей ветви шевелит.

Ещё природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну послышала она,
И ей невольно улыбнулась…

Душа, душа, спала и ты…
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..

Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь…
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

«Как неожиданно и ярко…»

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своём минутном торжестве!

Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!

Смотри – оно уж побледнело,
Ещё минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдёт всецело,
Чем ты и дышишь и живёшь.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892)

Афанасий Афанасьевич Фет родился в селе Новосёлки Орловской губернии. Его отцом был богатый помещик А. Шеншин, мать – Каролина Шарлотта Фёт. В возрасте 14 лет мальчик был лишён всех дворянских привилегий. Вернуть утраченное положение стало навязчивой идеей.

В 1838 году Фет стал студентом историко-филологического отделения философского факультета. Здесь появились на свет его первые стихотворения.

Ради достижения своей цели – вернуть дворянское звание – в 1845 году он покинул Москву и поступил на военную службу в один из провинциальных полков на юге. Продолжал писать стихи. Только через восемь лет он получил возможность жить вблизи Петербурга. Опубликовать первые стихотворения Фету помогает Тургенев. В 1850 году в журнале «Современник», хозяином которого стал Некрасов, публикуются стихотворения Фета, которые вызывают восхищение критиков всех направлений.

В 1858 году Фет вышел в отставку, так и не получив дворянство. Он приобретает поместье в Мценском уезде, почти перестаёт писать, делается помещиком, работая в своём имении, и ничего не хочет слышать о литературе. Так продолжалось почти 20 лет. В 1873 году сбылась, наконец, его мечта, – получена дворянская грамота и фамилия отца. В конце 1870-х Фет с новой силой начал писать стихи.

«Уж верба вся пушистая…»

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад…

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

«Учись у них – у дуба, у берёзы…»

Учись у них – у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слёзы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвёт последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Её промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Русская литература XX века

Проза

Виктор Юзефович Драгунский (1913–1972)

Замечательный детский писатель Виктор Драгунский родился в 1913 году в Нью-Йорке. Незадолго до Первой мировой войны семья вернулась на родину и обосновалась в Гомеле, где и прошло детство Драгунского. Ему рано пришлось повзрослеть и начать зарабатывать на жизнь. После школы он поступил учеником токаря на завод, однако очень быстро его уволили за трудовую провинность. После этого Драгунский устроился учеником шорника на фабрику. Одновременно он поступил в «Литературно-театральные мастерские» под руководством А. Дикого учиться театральному мастерству. С этого момента начинается творческая жизнь – Драгунский играет в театре, некоторое время работает клоуном в цирке и одновременно пишет свои первые юмористические рассказы.

В 1948 году Драгунский создаёт пародийный «театр в театре» – «Синяя птичка», где профессиональные актёры с удовольствием играли в весёлых пародийных спектаклях, имевших неизменный успех.

С 1959 года Виктор Юзефович начинает писать весёлые рассказы про Дениса Кораблёва, под общим названием «Денискины рассказы». Именно они сделали Драгунского столь популярным. Вместе с Дениской и его смешным другом Мишкой мы смеёмся, переживаем и задумываемся иногда по весьма философским вопросам. Кстати, Дениской писатель назвал своего героя неспроста – так же зовут и сына Дра-гунского.

Как вспоминают знакомые писателя, у него было особое чутьё на мелочи. Он умел находить необыкновенные уголки Москвы, которые были совершенно неизвестны другим, знал, где можно увидеть что-нибудь интересное и где можно купить самые вкусные бублики. Все наблюдения Драгунского отразились в Денискиных рассказах, в которых чутко передано не искажённое, детское восприятие мира – звуки, запахи, ощущения, увиденные и почувствованные словно впервые.

Главные реки

Хотя мне уже идёт девятый год, я только вчера догадался, что уроки всё-таки надо учить. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, лень тебе или не лень, а учить уроки надо. Это закон. А

то можно в такую историю вляпаться, что своих не узнаешь. Я, например, вчера не успел уроки сделать. У нас было задано выучить кусочек из одного стихотворения Некрасова и главные реки Америки. А я, вместо того чтобы учиться, запускал во дворе змея в космос. Ну, он в космос всё-таки не залетел, потому что у него был чересчур лёгкий хвост, и он из-за этого крутился, как волчок. Это раз. А во-вторых, у меня было мало ниток, и я весь дом обыскал и собрал все нитки, какие только были; у мамы со швейной машины снял, и то оказалось мало. Змей долетел до чердака и там завис, а до космоса ещё было далеко.

И я так завозился с этим змеем и космосом, что совершенно позабыл обо всём на свете. Мне было так интересно играть, что я и думать перестал про какие-то там уроки. Совершенно вылетело из головы. А оказалось, никак нельзя было забывать про свои дела, потому что получился позор.

Я утром немножко заспался, и, когда вскочил, времени оставалось чуть-чуть… Но я читал, как ловко одеваются пожарные – у них нет ни одного лишнего движения, и мне до того это понравилось, что я пол-лета тренировался быстро одеваться. И сегодня я как вскочил и глянул на часы, то сразу понял, что одеваться надо, как на пожар. И я оделся за одну минуту сорок восемь секунд весь, как следует, только шнурки зашнуровал через две дырочки. В общем, в школу я поспел вовремя и в класс тоже успел примчаться за секунду до Раисы Ивановны. То есть она шла себе потихоньку по коридору, а я бежал из раздевалки (ребят уже не было никого). Когда я увидел Раису Ивановну издалека, я припустился во всю прыть и, не доходя до класса каких-нибудь пять шагов, обошёл Раису Ивановну и вскочил в класс. В общем, я выиграл у неё секунды полторы, и, когда она вошла, книги мои были уже в парте, а сам я сидел с Мишкой как ни в чём не бывало. Раиса Ивановна вошла, мы встали и поздоровались с ней, и громче всех поздоровался я, чтобы она видела, какой я вежливый. Но она на это не обратила никакого внимания и ещё на ходу сказала:

– Кораблёв, к доске!

У меня сразу испортилось настроение, потому что я вспомнил, что забыл приготовить уроки. И мне ужасно не хотелось вылезать из-за своей родимой парты. Я прямо к ней как будто приклеился. Но Раиса Ивановна стала меня торопить;

– Кораблёв! Что же ты? Я тебя зову или нет?

И я пошёл к доске. Раиса Ивановна сказала:

– Стихи!

Чтобы я читал стихи, какие заданы. А я их не знал. Я даже плохо знал, какие заданы-то. Поэтому я моментально подумал,

что Раиса Ивановна тоже, может быть, забыла, что задано, и не заметит, что я читаю. И я бодро завёл:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь:
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь…

– Это Пушкин, – сказала Раиса Ивановна.

– Да, – сказал я, – это Пушкин. Александр Сергеевич.

– А я что задала? – сказала она.

– Да! – сказал я.

– Что «да»? Что я задала, я тебя спрашиваю? Кораблёв!

– Что? – сказал я.

– Что «что»? Я тебя спрашиваю: что я задала?

Тут Мишка сделал наивное лицо и сказал:

– Да что он, не знает, что ли, что вы Некрасова задали? Это он не понял вопроса, Раиса Ивановна.

Вот что значит верный друг. Это Мишка таким хитрым способом ухитрился мне подсказать. А Раиса Ивановна уже рассердилась:

– Слонов! Не смей подсказывать!

– Да! – сказал я. – Ты чего, Мишка, лезешь? Без тебя, что ли, не знаю, что Раиса Ивановна задала Некрасова! Это я задумался, а ты тут лезешь, сбиваешь только.

Мишка стал красный и отвернулся от меня. А я опять остался один на один с Раисой Ивановной.

– Ну? – сказала она.

– Что? – сказал я.

– Перестань ежеминутно чтокать!

Я уже видел, что она сейчас рассердится как следует.

– Читай. Наизусть!

– Что? – сказал я.

– Стихи, конечно! – сказала она.

– Ага, понял. Стихи, значит, читать? – сказал я. – Это можно. – И громко начал: – Стихи Некрасова. Поэта. Великого поэта.

– Ну! – сказала Раиса Ивановна.

– Что? – сказал я.

– Читай сейчас же! – закричала бедная Раиса Ивановна. – Сейчас же читай, тебе говорят! Заглавие!

Пока она кричала, Мишка успел мне подсказать первое слово. Он шепнул, не разжимая рта, но я его прекрасно понял. Поэтому я смело выдвинул ногу вперёд и продекламировал:

– Мужичонка!

Все замолчали, и Раиса Ивановна тоже. Она внимательно смотрела на меня, а я смотрел на Мишку ещё внимательнее. Мишка показывал на свой большой палец и зачем-то щёлкал его по ногтю.

И я как-то сразу вспомнил заглавие и сказал:

– С ноготком!

И повторил всё вместе:

– Мужичонка с ноготком!

Все засмеялись. Раиса Ивановна сказала:

– Довольно, Кораблёв!.. Не старайся, не выйдет. Уж если не знаешь, не срамись. – Потом она добавила: – Ну, а как насчёт кругозора? Помнишь, мы вчера сговорились всем классом, что будем читать и сверх программы интересные книжки? Вчера вы решили выучить названия всех рек Америки. Ты выучил?

Конечно, я не выучил. Этот змей, будь он неладен, совсем мне всю жизнь испортил. И я хотел во всём признаться Раисе Ивановне, но вместо этого вдруг неожиданно даже для самого себя сказал:

– Конечно, выучил. А как же!

– Ну вот, исправь это ужасное впечатление, которое ты произвёл чтением стихов Некрасова. Назови мне самую большую реку Америки, и я тебя отпущу.

Вот когда мне стало худо. Даже живот заболел, честное слово. В классе была удивительная тишина. Все смотрели на меня. А я смотрел в потолок. И думал, что сейчас уже наверняка я умру. До свидания, все! И в эту секунду я увидел, что в левом последнем ряду Петька Горбушкин показывает мне какую-то длинную газетную ленту, и на ней что-то намалёвано чернилами, толсто намалёвано, наверное, он пальцем писал. И я стал вглядываться в эти буквы и наконец прочёл первую половину.

А тут Раиса Ивановна снова:

– Ну, Кораблёв? Какая же главная река в Америке?

У меня сразу же появилась уверенность, и я сказал:

– Миси-писи.

Дальше я не буду рассказывать. Хватит. И хотя Раиса Ивановна смеялась до слёз, но двойку она мне влепила будь здоров. И я теперь дал клятву, что буду учить уроки всегда. До глубокой старости.

Двадцать лет под кроватью

Никогда я не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щёки, как кинжалом,

снег вертелся со страшной быстротой. Тоскливо было и скучно, просто выть хотелось, а тут ещё папа и мама ушли в кино. И когда Мишка позвонил по телефону и позвал меня к себе, я тотчас же оделся и помчался к нему. Там было светло и тепло, и собралось много народу, пришла Алёнка, за нею Костик и Андрюшка. Мы играли во все игры, и было весело и шумно. И под конец Алёнка вдруг сказала:

– А теперь в прятки! Давайте в прятки!

И мы стали играть в прятки. Это было прекрасно, потому что мы с Мишкой всё время подстраивали так, чтобы водить выпадало маленьким: Костику или Алёнке, – а сами всё время прятались и вообще водили малышей за нос. Но все наши игры проходили только в Мишкиной комнате, и это довольно скоро нам стало надоедать, потому что комната была маленькая, тесная и мы всё время прятались за портьеру, или за шкаф, или за сундук, и в конце концов мы стали потихоньку выплёскиваться из Мишкиной комнаты и заполнили своей игрой большущий длинный коридор квартиры.

В коридоре было интереснее играть, потому что возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы. Это было гораздо лучше для нас, потому что, например, кто водит и ищет нас, тот, уж конечно, не сразу догадается, что я притаился за Марьсемённиной шубой и сам влез в валенки как раз под шубой.

И вот, когда водить выпало Костику, он отвернулся к стене и стал громко выкрикивать:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Тут все брызнули в разные стороны, кто куда, чтобы прятаться. А Костик немножко подождал и крикнул снова:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать! Опять!

Это считалось как бы вторым звонком. Мишка сейчас же залез на подоконник, Алёнка – за шкаф, а мы с Андрюшкой выскользнули в коридор. Тут Андрюшка недолго думая полез под шубу Марьи Семёновны, где я всё время прятался, и оказалось, что я остался без места! И я хотел дать Андрюшке подзатыльник, чтобы он освободил моё место, но тут Костик крикнул третье предупреждение:

– Пора не пора, я иду со двора!

И я испугался, что он меня сейчас увидит, потому что я совершенно не спрятался, и я заметался по коридору туда-сюда, как подстреленный заяц. И тут в самое нужное время я увидел раскрытую дверь и вскочил в неё.

Это была какая-то комната, и в ней на самом видном месте, у стены, стояла кровать, высокая и широкая, так что я моментально нырнул под эту кровать. Там был приятный полумрак и лежало

довольно много вещей, и я стал сейчас же их рассматривать. Во-первых, под этой кроватью было очень много туфель, разных фасонов, но все довольно старые, а ещё стоял плоский деревянный чемодан, а на чемодане стояло алюминиевое корыто вверх тормашками, и я устроился очень удобно: голову на корыто, чемодан под поясницей – очень ловко и уютно. Я рассматривал тапочки и шлёпанцы и всё время думал, как это здорово я спрятался и сколько смеху будет, когда Костик меня тут найдёт.

Я отогнул немножко кончик одеяла, которое свешивалось со всех сторон до пола и закрывало от меня всю комнату: я хотел глядеть на дверь, чтобы видеть, как Костик войдёт и как он будет меня искать. Но в это время в комнату вошёл никакой не Костик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на бабу-ягу.

Она вошла, вытирая руки о полотенце.

Я всё время потихоньку наблюдал за нею, думал, что она обрадуется, когда увидит, как Костик вытащит меня из-под кровати. А я ещё для смеху возьму какую-нибудь её туфлю в зубы, она тогда наверняка упадёт от смеха. Я был уверен, что вот ещё секунда или две промелькнут, и Костик обязательно меня обнаружит. Поэтому я сам всё время смеялся про себя, без звука.

У меня было чудесное настроение. И я всё время поглядывал на Ефросинью Петровну. А она тем временем очень спокойно подошла к двери и ни с того ни с сего плотно захлопнула её. А потом, гляжу, повернула ключик – и готово! Заперлась. Ото всех заперлась! Вместе со мной и корытом. Заперлась на два оборота.

В комнате сразу стало как-то тихо и зловеще.

Но тут я подумал, что это она заперлась не надолго, а на минутку, и сейчас отопрёт дверь, и всё пойдёт как по маслу, и опять будет смех и радость, и Костик будет просто счастлив, что вот он в таком трудном месте меня отыскал! Поэтому я хотя и оробел, но не до конца, и всё продолжал посматривать на Ефросинью Петровну, что же она будет делать дальше.

А она села на кровать, и надо мной запели и заскрежетали пружины, и я увидел её ноги. Она одну за другой скинула с себя туфли и прямо в одних чулках подошла к двери, и у меня от радости заколотилось сердце.

Я был уверен, что она сейчас отопрёт замок, но не тут-то было. Можете себе представить, она – чик! – и погасила свет. И я услышал, как опять завыли пружины над моей головой, а кругом кромешная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью. Я понял, что попал в скверную историю, что теперь я в заточении, в ловушке.

Сколько я буду тут лежать? Счастье, если час или два! А если до утра? А как утром вылезать? А если я не приду домой, папа и мама обязательно сообщат в милицию. А милиция придёт с собакой-ищейкой. По кличке Мухтар. А если в нашей милиции никаких собак нету? И если милиция меня не найдёт? А если Ефросинья Петровна проспит до самого утра, а утром пойдёт в свой любимый сквер сидеть целый день и снова запрёт меня, уходя? Тогда как? Я, конечно, поем немножко из её буфета, и когда она придёт, придётся мне лезть под кровать, потому что я съел её продукты и она отдаст меня под суд! И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность? Ведь это самый настоящий кошмар! Конечно, тут есть тот плюс, что я всю школу просижу под кроватью, но как быть с аттестатом, вот в чём вопрос. С аттестатом зрелости! Я под кроватью за двадцать лет не то что созрею, я там вполне перезрею.

Тут я не выдержал и со злости как трахнул кулаком по корыту, на котором лежала моя голова! Раздался ужасный грохот! И в этой страшной тишине при погашенном свете и в таком моём жутком положении мне этот стук показался раз в двадцать сильнее. Он просто оглушил меня.

И у меня сердце замерло от испуга. А Ефросинья Петровна надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала мирным сном, а тут пожалуйте – тах-тах из-под кровати! Она полежала маленько, отдышалась и вдруг спросила темноту слабым и испуганным голосом:

– Ка-ра-ул?!

Я хотел ей ответить: «Что вы, Ефросинья Петровна, какое там «караул»? Спите дальше, это я, Дениска!» Я всё это хотел ей ответить, но вдруг вместо ответа как чихну во всю ивановскую, да ещё с хвостиком:

– Апчхи! Чхи! Чхи! Чхи!..

Там, наверное, пыль поднялась под кроватью ото всей этой возни, но Ефросинья Петровна после моего чиханья убедилась, что под кроватью происходит что-то неладное. Здорово перепугалась и закричала уже не с вопросом, а совершенно утвердительно:

– Караул!

И я, непонятно почему, вдруг опять чихнул изо всех сил, с каким-то даже подвыванием чихнул, вот так:

– Апчхи-уу!

Ефросинья Петровна как услышала этот вой, так закричала ещё тише и слабей:

– Грабят!..

И, видно, сама подумала, что если грабят, так это ерунда, не

страшно. А вот если… И тут она довольно громко завопила:

– Режут!

Вот какое враньё! Кто её режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Поэтому я решил, что пора кончать это дело, и раз она всё равно не спит, мне надо вылезать.

И всё подо мной загремело, особенно корыто, ведь я в темноте не вижу. Грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

– Грабаул! Караулят!

А я выскочил и по стене шарю, где тут выключатель, и нашёл вместо выключателя ключ, и обрадовался, что это дверь. Я повернул ключ, но оказалось, что я открыл дверь от шкафа, и я тут же перевалился через порог этой двери, и стою, и тычусь в разные стороны, и только слышу, мне на голову разное барахло падает.

Ефросинья Петровна пищит, а я совсем онемел от страха, а тут кто-то барабанит в настоящую дверь!

– Эй, Дениска! Выходи сейчас же! Ефросинья Петровна! Отдайте Дениску, за ним его папа пришёл!

И папин голос:

– Скажите, пожалуйста, у вас нет моего сына?

Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания ввалилась в комнату. Они стали бегать по комнате, меня искать, а когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья. Папа сказал:

– Что с тобой было? Где ты пропадал?

Костик и Мишка сказали тоже:

– Где ты был, что с тобой приключилось? Рассказывай!

Но я молчал. У меня было такое чувство, что я и в самом деле просидел под кроватью ровно двадцать лет.

Что любит Мишка

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

– О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну, так

что скажете?

Я спросил:

– Это вы что играли, Борис Сергеевич? Он ответил:

– Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

– Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

– Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо большим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

– Каким же? Словом-то?

Он серьёзно и ясно ответил:

– Му-зы-ка. Шопен – великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

– Ну, а ты чего любишь? Больше всего на свете? Я ответил:

– Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слонёнка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звёзды, и про лошадиные лица, всё, всё…

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

– Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь ещё маленький, ты не обижайся, а смотри-ка – любишь как много! Целый мир.

Тут в разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

– А я ещё больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!!

Борис Сергеевич рассмеялся:

– Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету! Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поёрзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

– Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурованные. Сушки люблю тоже, и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом. Я горячо люблю пельмени, и особенно ватрушки, если они свежие, но чёрствые тоже ничего. Можно овсяное печенье и ванильные сухари.

А ещё я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частик в собственном соку, икру баклажанную, кабачки ломтиками и жареную картошку.

Варёную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, – на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копчёную, и полукопчёную, и сырокопчёную! Эту вообще я люблю больше всех. Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой – всё равно.

Люблю вареники с творогом, творог солёный, сладкий, кислый; люблю яблоки, тёртые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску – кожуру!

Люблю печёнку, котлеты, селёдку, фасолевый суп, зелёный горошек, варёное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, могу и сырые. Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшённой кашей. Так… Ну, про халву говорить не буду – какой дурак не любит халвы? А ещё я люблю утятину, гусятину и индятину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое. За семь, за девять. За тринадцать, за пятнадцать, за девятнадцать. За двадцать две и за двадцать восемь.

Мишка обвёл глазами потолок и перевёл дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше.

Он бормотал:

– Крыжовник, морковку, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, колбасу, хотя колбасу тоже говорил…

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждёт, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол, Мишка ещё скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первый не выдержал Борис Сергеевич:

– Что ж, Миша, – сказал он, – ты многое любишь, спору нет, но всё, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только… А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел:

– Ой, – сказал он смущённо, – чуть не забыл! Ещё – котят! И бабушку!

Борис Степанович Житков (1882–1938)

Борис Житков – русский и советский писатель, прозаик, педагог, путешественник и исследователь. Автор популярных приключенческих рассказов и повестей, произведений о животных.

Родился в семье преподавателя математики и пианистки. Он был младшим из четверых детей. Детство будущего писателя прошло в Одессе, там же он получил начальное домашнее образование, а затем окончил гимназию. Причём гимназистом Житком был весьма необычным: его увлечения не знали границ. Он дотошно подходил ко всему, чем занимался, – будь то фотография, игра на скрипке или спорт. Во время учёбы он подружился с Корнеем Чуковским. После гимназии Житков поступил на естественное отделение Новороссийского университета. Окончив университет в 1906 году, он сделал карьеру моряка и освоил несколько других профессий. Житков руководил ихтиологической экспедицией по Енисею, работал на заводах Николаева и Копенгагена, ходил на парусниках в Болгарию и Турцию, а на грузовом пароходе штурманом – из Одессы во Владивосток. Во время революции 1905 года изготавливал взрывчатку для бомб и помогал печатать листовки, в школе преподавал математику и черчение.

В течение пяти лет Житков учился на кораблестроительном отделении Петербургского политехнического института и окончил его в 1916 году. С 1917 года он работает в Одесском порту, а в 1923 году переезжает в Петроград.

В 1924 году Житков начинает печататься и вскоре становится профессиональным писателем. В своих произведениях писатель ставит непростую задачу – донести до детей полезные сведения и воспитать в них лучшие человеческие качества. Огромный жизненный опыт и познания во многих отраслях деятельности отразились в произведениях писателя – морских повестях, пьесах, сказочных повестях, научно-художественных книгах. Житков также создал замечательную детскую энциклопедию «Что я видел» – первоначально он назвал её «Почемучкой» – в ней он постарался доступно и интересно ответить на все многочисленные вопросы, которые задают взрослым маленькие «почемучки». К несчастью, эта книга стала последней для писателя, она была опубликована посмертно в 1939 году. Борис Житков скончался от рака лёгких годом раньше. В наследство потомкам осталось более двухсот рассказов, повестей и пьес.

Беспризорная кошка

I

Я жил на берегу моря и ловил рыбу. У меня была лодка, сетки и разные удочки. Перед домом стояла будка, и на цепи огромный пес. Мохнатый, весь в чёрных пятнах – Рябка. Он стерёг дом. Кормил я его рыбой. Я работал с мальчиком, и кругом на три версты никого не было. Рябка так привык, что мы с ним разговаривали, и очень простое он понимал. Спросишь его: «Рябка, где Володя?» – Рябка хвостом завиляет и повернёт морду, куда Володька ушёл.

Воздух носом тянет и всегда верно. Бывало, придёшь с моря ни с чем, а Рябка ждёт рыбы. Вытянется на цепи, повизгивает.

Обернёшься к нему и скажешь сердито:

– Плохи наши дела, Рябка! Вот как…

Он вздохнёт, ляжет и положит на лапы голову. Уж и не просит больше, понимает.

Когда я надолго уезжал в море, я всегда Рябку трепал по спине и уговаривал, чтобы хорошо стерёг. И вот хочу отойти от него, а он встанет на задние лапы, натянет цепь и обхватит меня лапами. Да так крепко – не пускает. Не хочет долго один оставаться: и скучно и голодно.

Хорошая была собака!

II

А вот кошки у меня не было, и мыши одолевали. Сетки развесишь, так они в сетки залезут, запутаются и перегрызут нитки, напортят. Я их находил в сетках – запутается другая и попадётся. И дома всё крадут, что ни положи.

Вот я и пошёл в город. Достану, думаю, себе весёлую кошечку, она мне всех мышей переловит, а вечером на коленях будет сидеть и мурлыкать. Пришёл в город. По всем дворам ходил – ни одной кошки. Ну, нигде.

Я стал у людей спрашивать:

– Нет ли у кого кошечки? Я даже деньги заплачу, дайте только.

А на меня сердиться стали:

– До кошек ли теперь? Всюду голод, самим есть нечего, а тут котов корми.

А один сказал:

– Я бы сам кота съел, а не то что его, дармоеда, кормить!

Вот те и на! Куда же это все коты девались! Кот привык жить на готовеньком: накрал, нажрался и вечером на тёплой плите

растянулся. И вдруг такая беда! Печи не топлены, хозяева сами чёрствую корку сосут. И украсть нечего. Да и мышей в голодном доме тоже не сыщешь.

Перевелись коты в городе… А каких, может быть, и голодные люди приели. Так ни одной кошки не достал.

III

Настала зима, и море замёрзло. Ловить рыбу стало нельзя.

А у меня было ружьё. Вот я зарядил ружьё и пошёл по берегу. Кого-нибудь подстрелю: на берегу в норах жили дикие кролики.

Вдруг, смотрю, на месте кроличьей норы большая дырка раскопана, как будто бы ход для большого зверя. Я скорее туда.

Я присел и заглянул в нору. Темно. А когда пригляделся, вижу: там в глубине два глаза светятся.

Что, думаю, за зверь такой завёлся?

Я сорвал хворостинку и в нору. А оттуда как зашипит!

Я назад попятился. Фу ты! Да это кошка!

Так вот куда кошки из города переехали!

Я стал звать:

– Кис-кис! Кисонька! – и просунул руку в нору.

А кисонька как заурчит, да таким зверем, что я и руку отдёрнул.

Ну тебя, какая ты злая!

Я пошёл дальше и увидел, что много кроличьих нор раскопано. Это кошки пришли из города, раскопали пошире кроличьи норы, кроликов выгнали и стали жить по-дикому.

IV

Я стал думать, как бы переманить кошку к себе в дом.

Вот раз я встретил кошку на берегу. Большая, серая, мордастая. Она, как увидела меня, отскочила в сторону и села. Злыми глазами на меня глядит. Вся напружилась, замерла, только хвост вздрагивает. Ждёт, что я буду делать.

А я достал из кармана корку хлеба и бросил ей. Кошка глянула, куда корка упала, а сама ни с места. Опять на меня уставилась. Я обошёл стороной и оглянулся: кошка прыгнула, схватила корку и побежала к себе домой, в нору.

Так мы с ней часто встречались, но кошка никогда меня к себе не подпускала. Раз в сумерках я её принял за кролика и хотел уже стрелять.

V

Весной я начал рыбачить, и около моего дома запахло рыбой.

Вдруг слышу – лает мой Рябчик. И смешно как-то лает: бестолково, на разные голоса, и подвизгивает. Я вышел и вижу: по весенней траве не торопясь шагает к моему дому большая серая кошка. Я сразу её узнал. Она нисколько не боялась Рябчика, даже не глядела на него, а выбирала только, где бы ей посуше ступить. Кошка увидала меня, уселась и стала глядеть и облизываться. Я скорее побежал в дом, достал рыбёшку и бросил.

Она схватила рыбу и прыгнула в траву. Мне с крыльца было видно, как она стала жадно жрать. Ага, думаю, давно рыбы не ела.

И стала с тех пор кошка ходить ко мне в гости.

Я всё её задабривал и уговаривал, чтобы перешла ко мне жить. А кошка всё дичилась и близко к себе не подпускала. Сожрёт рыбу и убежит. Как зверь.

Наконец мне удалось её погладить, и зверь замурлыкал. Рябчик на неё не лаял, а только тянулся на цепи, скулил: ему очень хотелось познакомиться с кошкой.

Теперь кошка целыми днями вертелась около дома, но жить в дом не хотела идти.

Один раз она не пошла ночевать к себе в нору, а осталась на ночь у Рябчика в будке. Рябчик совсем сжался в комок, чтобы дать место.

VI

Рябчик так скучал, что рад был кошке.

Раз шёл дождь. Я смотрю из окна – лежит Рябка в луже около будки, весь мокрый, а в будку не лезет.

Я вышел и крикнул:

– Рябка! В будку!

Он встал, конфузливо помотал хвостом. Вертит мордой, топчется, а в будку не лезет.

Я подошёл и заглянул в будку. Через весь пол важно растянулась кошка. Рябчик не хотел лезть, чтобы не разбудить кошку, и мок под дождём.

Он так любил, когда кошка приходила к нему в гости, что пробовал её облизывать, как щенка. Кошка топорщилась и встряхивалась.

Я видал, как Рябчик лапами удерживал кошку, когда она, выспавшись, уходила по своим делам.

VII

А дела у ней были вот какие.

Раз слышу – будто ребёнок плачет. Я выскочил, гляжу: катит Мурка с обрыва. В зубах у ней что-то болтается. Подбежал, смотрю – в зубах у Мурки крольчонок. Крольчонок дрыгал лапками и кричал, совсем как маленький ребёнок. Я отнял его у кошки. Обменял у ней на рыбу. Кролик выходился и потом жил у меня в доме. Другой раз я застал Мурку, когда она уже доедала большого кролика. Рябка на цепи издали облизывался.

Против дома была яма с пол-аршина глубины. Вижу из окна: сидит Мурка в яме, вся в комок сжалась, глаза дикие, а никого кругом нет. Я стал следить.

Вдруг Мурка подскочила – и я мигнуть не успел, а она уже рвёт ласточку. Дело было к дождю, и ласточки реяли у самой земли. А в яме, в засаде, поджидала кошка. Часами сидела она вся на взводе, как курок: ждала, пока ласточка чиркнет над самой ямой. Хап! – и цапнет лапой на лету.

Другой раз я застал её на море. Бурей выбросило на берег ракушки. Мурка осторожно ходила по мокрым камням и выгребала лапой ракушки на сухое место. Она их разгрызала, как орехи, морщилась и выедала слизняка.

VIII

Но вот пришла беда. На берегу появились беспризорные собаки. Они целой стаей носились по берегу, голодные, озверелые. С лаем, с визгом они пронеслись мимо нашего дома. Рябчик весь ощетинился, напрягся. Он глухо ворчал и зло смотрел. Володька схватил палку, а я бросился в дом за ружьём. Но собаки пронеслись мимо, и скоро их не стало слышно.

Рябчик долго не мог успокоиться: всё ворчал и глядел, куда убежали собаки. А Мурка хоть бы что: она сидела на солнышке и важно мыла мордочку. Я сказал Володе:

– Смотри, Мурка-то ничего не боится. Прибегут собаки – она прыг на столб и по столбу на крышу.

Володя говорит:

– А Рябчик в будку залезет и через дырку отгрызётся от всякой собаки. А я в дом запрусь. Нечего бояться.

Я ушёл в город.

IX

А когда вернулся, то Володька рассказал мне:

– Как ты ушёл, часу не прошло, вернулись дикие собаки. Штук восемь. Бросились на Мурку. А Мурка не стала убегать. У ней под стеной в углу, ты знаешь, кладовая. Она туда зарывает объедки. У ней уж много там накоплено. Мурка бросилась в угол, зашипела, привстала на задние ноги и приготовила когти. Собаки сунулись, трое сразу. Мурка так заработала лапами – шерсть только от собак полетела. А они визжат, воют и уж одна через другую лезут, сверху карабкаются все к Мурке, к Мурке!

– А ты чего смотрел?

– Да я не смотрел. Я скорее в дом, схватил ружьё и стал молотить изо всей силы по собакам прикладом, прикладом. Всё в кашу замешалось. Я думал, от Мурки клочья одни останутся. Я уж тут бил по чём попало. Вот смотри, весь приклад поколотил. Ругать не будешь?

– Ну, а Мурка-то, Мурка?

– А она сейчас у Рябки. Рябка её зализывает. Они в будке.

Так и оказалось. Рябка свернулся кольцом, а в середине лежала Мурка. Рябка её лизал и сердито поглядел на меня. Видно, боялся, что я помешаю – унесу Мурку.

X

Через неделю Мурка совсем оправилась и принялась за охоту.

Вдруг ночью мы проснулись от страшного лая и визга.

Володька выскочил, кричит:

– Собаки, собаки!

Я схватил ружьё и, как был, выскочил на крыльцо.

Целая куча собак возилась в углу. Они так ревели, что не слыхали, как я вышел.

Я выстрелил в воздух. Вся стая рванулась и без памяти кинулась прочь. Я выстрелил ещё раз вдогонку. Рябка рвался на цепи, дёргался с разбегу, бесился, но не мог порвать цепи: ему хотелось броситься вслед собакам.

Я стал звать Мурку. Она урчала и приводила в порядок кладовую: закапывала лапкой разрытую ямку.

В комнате при свете я осмотрел кошку. Её сильно покусали собаки, но раны были не опасные.

XI

Я заметил, что Мурка потолстела, – у ней скоро должны были

родиться котята.

Я попробовал оставить её на ночь в хате, но она мяукала и царапалась, так что пришлось её выпустить.

Беспризорная кошка привыкла жить на воле и ни за что не хотела идти в дом.

Оставлять так кошку было нельзя. Видно, дикие собаки повадились к нам бегать. Прибегут, когда мы с Володей будем в море, и загрызут Мурку совсем. И вот мы решили увезти Мурку подальше и оставить жить у знакомых рыбаков. Мы посадили с собой в лодку кошку и поехали в море.

Далеко, за пятьдесят вёрст от нас, увезли мы Мурку. Туда собаки не забегут. Там жило много рыбаков. У них был невод. Они каждое утро и каждый вечер завозили невод в море и вытягивали его на берег. Рыбы у них всегда было много. Они очень обрадовались, когда мы им привезли Мурку. Сейчас же накормили её рыбой до отвала. Я сказал, что кошка в дом жить не пойдёт и что надо для неё сделать нору, – это не простая кошка, она из беспризорных и любит волю. Ей сделали из камыша домик, и Мурка осталась стеречь невод от мышей.

А мы вернулись домой. Рябка долго выл и плаксиво лаял; лаял и на нас: куда мы дели кошку?

Мы долго не были на неводе и только осенью собрались к Мурке.

XII

Мы приехали утром, когда вытягивали невод. Море было совсем спокойное, как вода в блюдце. Невод уж подходил к концу, и на берег вытащили вместе с рыбой целую ватагу морских раков – крабов.

Они – как крупные пауки, ловкие, быстро бегают и злые. Они становятся на дыбы и щёлкают над головой клешнями: пугают. А если ухватят за палец, так держись: до крови. Вдруг я смотрю: среди всей этой кутерьмы спокойно идёт наша Мурка. Она ловко откидывала крабов с дороги. Подцепит его лапой сзади, где он достать её не может, и швырк прочь. Краб встаёт на дыбы, пыжится, лязгает клешнями, как собака зубами, а Мурка и внимания не обращает, отшвырнёт, как камешек.

Четыре взрослых котёнка следили за ней издали, но сами боялись и близко подойти к неводу. А Мурка залезла в воду, вошла по шею, только голова одна из воды торчит. Идёт по дну ногами, а от головы вода расступается.

Кошка лапами нащупывала на дне мелкую рыбёшку, что

уходила из невода. Эти рыбки прячутся на дне, закапываются в песок – вот тут-то их и ловила Мурка. Нащупает лапкой, подцепит когтями и бросает на берег своим детям. А они уж совсем большие коты были, а боялись и ступить на мокрое. Мурка им приносила на сухой песок живую рыбу, и тогда они жрали и зло урчали. Подумаешь, какие охотники!

XIII

Рыбаки не могли нахвалиться Муркой:

– Ай да кошка! Боевая кошка! Ну, а дети не в мать пошли. Балбесы и лодыри. Рассядутся, как господа, и всё им в рот подай. Вон, гляди, расселись как! Чисто свиньи. Ишь развалились. Брысь, поганцы!

Рыбак замахнулся, а коты и не шевельнулись.

– Вот только из-за мамаши и терпим. Выгнать бы их надо.

Коты так обленились, что им лень было играть с мышью.

Я раз видел, как Мурка притащила им в зубах мышь. Она хотела их учить, как ловить мышей. Но коты лениво перебирали лапами и упускали мышь. Мурка бросалась вдогонку и снова приносила им. Но они и смотреть не хотели: валялись на солнышке по мягкому песку и ждали обеда, чтоб без хлопот наесться рыбьих головок.

– Ишь мамашины сынки! – сказал Володька и бросил в них песком. – Смотреть противно. Вот вам!

Коты тряхнули ушами и перевалились на другой бок.

Лодыри!

Лев Абрамович Кассиль (1905–1970)

Лев Кассиль родился в 1905 году в Покровской слободе (сейчас город Энгельс Саратовской области) в семье врача и учительницы музыки. Учился в гимназии, которую после революции преобразовали в Единую трудовую школу. В Покровской детской библиотеке-читальне издавался рукописный журнал, редактором и художником которого был Кассиль. По окончании школы за активную общественную работу он получил направление в вуз.

С 1923 года жил в Москве и учился на физико-математическом факультете МГУ, всё свободное время отдавал чтению. Работал сначала в газете «Известия», позже ответственным редактором журнала «Мурзилка».

В годы Великой Отечественной войны Л. А. Кассиль выступал

по радио, в школах, воинских частях, на предприятиях Москвы и Урала. После войны работал председателем комиссии по детской литературе СП СССР, был руководителем семинара детской литературы в Литературном институте имени А. М. Горького. Кассиль – автор идеи проведения Книжкиных именин, которые со временем превратились в Неделю детской книги. Многие годы преподавал в Литературном институте им. М. Горького.

Лев Абрамович Кассиль умер в Москве 21 июня 1970 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

В городе Энгельсе существует Дом-музей Льва Кассиля, улица его имени. На площади Свободы ему установлен памятник.

У классной доски

1

Про учительницу Ксению Андреевну Карташову говорили, что у неё руки поют. Движения у неё были мягкие, неторопливые, округлые, и, когда она объясняла урок в классе, ребята следили за каждым мановением руки учительницы, и рука пела, рука объясняла всё, что оставалось непонятным в словах. Ксении Андреевне не приходилось повышать голос на учеников, ей не надо было прикрикивать. Зашумят в классе, она подымет свою лёгкую руку, поведёт ею – и весь класс словно прислушивается, сразу становится тихо.

– Ух, она у нас и строгая же! – хвастались ребята. – Сразу всё замечает…

Тридцать два года учительствовала в селе Ксения Андреевна. Сельские милиционеры отдавали ей честь на улице и, козыряя, говорили:

– Ксения Андреевна, ну как мой Ванька у вас по науке двигает? Вы его там покрепче.

– Ничего, ничего, двигается понемножку, – отвечала учительница, – хороший мальчуган. Ленится вот только иногда. Ну, это и с отцом бывало. Верно ведь?

Милиционер смущённо оправлял пояс: когда-то он сам сидел за партой и отвечал у доски Ксении Андреевне и тоже слышал про себя, что малый он неплохой, да только ленится иногда… И председатель колхоза был когда-то учеником Ксении Андреевны, и директор машинно-тракторной станции учился у неё. Много людей прошло за тридцать два года через класс Ксении Андреевны. Строгим, но справедливым человеком прослыла она.

Волосы у Ксении Андреевны давно побелели, но глаза не

выцвели и были такие же синие и ясные, как в молодости. И всякий, кто встречал этот ровный и светлый взгляд, невольно веселел и начинал думать, что, честное слово, не такой уж он плохой человек и на свете жить безусловно стоит. Вот какие глаза были у Ксении Андреевны!

И походка у неё была тоже лёгкая и певучая. Девочки из старших классов старались перенять её. Никто никогда не видел, чтобы учительница заторопилась, поспешила. А в то же время всякая работа быстро спорилась и тоже словно пела в её умелых руках. Когда писала она на классной доске условия задачи или примеры из грамматики, мел не стучал, не скрипел, не крошился и ребятам казалось, что из мелка, как из тюбика, легко и вкусно выдавливается белая струйка, выписывая на чёрной глади доски буквы и цифры. «Не спеши! Не скачи, подумай сперва как следует!» – мягко говорила Ксения Андреевна, когда ученик начинал плутать в задаче или в предложении и, усердно надписывая и стирая написанное тряпкой, плавал в облачках мелового дыма.

Не заспешила Ксения Андреевна и в этот раз. Как только послышалась трескотня моторов, учительница строго оглядела небо и привычным голосом сказала ребятам, чтобы все шли к траншее, вырытой в школьном дворе. Школа стояла немножко в стороне от села, на пригорке. Окна классов выходили к обрыву над рекой. Ксения Андреевна жила при школе. Занятий не было. Фронт проходил совсем недалеко от села. Где-то рядом громыхали бои. Части Красной Армии отошли за реку и укрепились там. А колхозники собрали партизанский отряд и ушли в ближний лес за селом. Школьники носили им туда еду, рассказывали, где и когда были замечены немцы. Костя Рожков – лучший пловец школы – не раз доставлял на тот берег красноармейцам донесения от командира лесных партизан. Шура Капустина однажды сама перевязала раны двум пострадавшим в бою партизанам – этому искусству научила её Ксения Андреевна. Даже Сеня Пичугин, известный тихоня, высмотрел как-то за селом немецкий патруль и, разведав, куда он идёт, успел предупредить отряд.

Под вечер ребята собирались у школы и обо всём рассказывали учительнице. Так было и в этот раз, когда совсем близко заурчали моторы. Фашистские самолёты не раз уже налетали на село, бросали бомбы, рыскали над лесом в поисках партизан. Косте Рожкову однажды пришлось даже целый час лежать в болоте, спрятав голову под широкие листы кувшинок. А совсем рядом, подсечённый пулемётными очередями самолёта, валился в воду камыш… И ребята уже привыкли к налётам.

Но теперь они ошиблись. Урчали не самолёты. Ребята ещё не успели спрятаться в щель, как на школьный двор, перепрыгнув через невысокий палисад, забежали три запылённых немца. Автомобильные очки со створчатыми стёклами блестели на их шлемах. Это были разведчики-мотоциклисты. Они оставили свои машины в кустах. С трёх разных сторон, но все разом они бросились к школьникам и нацелили на них свои автоматы.

– Стой! – закричал худой длиннорукий немец с короткими рыжими усиками, должно быть начальник. – Пионирен? – спросил он.

Ребята молчали, невольно отодвигаясь от дула пистолета, который немец по очереди совал им в лицо.

Но жёсткие, холодные стволы двух других автоматов больно нажимали сзади в спины и шеи школьников.

– Шнеллер, шнеллер, бистро! – закричал фашист. Ксения Андреевна шагнула вперёд прямо на немца и прикрыла собой ребят.

– Что вы хотите? – спросила учительница и строго посмотрела в глаза немцу. Её синий и спокойный взгляд смутил невольно отступившего фашиста.

– Кто такое ви? Отвечать сию минуту… Я кой-чем говорить по-русски.

– Я понимаю и по-немецки, – тихо отвечала учительница, – но говорить мне с вами не о чем. Это мои ученики, я учительница местной школы. Вы можете опустить ваш пистолет. Что вам угодно? Зачем вы пугаете детей?

– Не учить меня! – зашипел разведчик.

Двое других немцев тревожно оглядывались по сторонам. Один из них сказал что-то начальнику. Тот забеспокоился, посмотрел в сторону села и стал толкать дулом пистолета учительницу и ребят по направлению к школе.

– Ну, ну, поторапливайся, – приговаривал он, – мы спешим… – Он пригрозил пистолетом. – Два маленьких вопроса – и всё будет в порядке.

Ребят вместе с Ксенией Андреевной втолкнули в класс. Один из фашистов остался сторожить на школьном крыльце. Другой немец и начальник загнали ребят за парты.

– Сейчас я вам буду давать небольшой экзамен, – сказал начальник. – Сидеть на место!

Но ребята стояли, сгрудившись в проходе, и смотрели, бледные, на учительницу.

– Садитесь, ребята, – своим негромким и обычным голосом сказала Ксения Андреевна, как будто начинался очередной урок.

Ребята осторожно расселись. Они сидели молча, не спуская

глаз с учительницы. Они сели, по привычке, на свои места, как сидели обычно в классе: Сеня Пичугин и Шура Капустина впереди, а Костя Рожков сзади всех, на последней парте. И, очутившись на своих знакомых местах, ребята понемножку успокоились.

За окнами класса, на стёклах которых были наклеены защитные полоски, спокойно голубело небо, на подоконнике в банках и ящиках стояли цветы, выращенные ребятами. На стеклянном шкафу, как всегда, парил ястреб, набитый опилками. И стену класса украшали аккуратно наклеенные гербарии. Старший немец задел плечом один из наклеенных листов, и на пол посыпались с лёгким хрустом засушенные ромашки, хрупкие стебельки и веточки.

Это больно резнуло ребят по сердцу. Всё было дико, всё казалось противным привычно установившемуся в этих стенах порядку. И таким дорогим показался ребятам знакомый класс, парты, на крышках которых засохшие чернильные подтёки отливали, как крыло жука-бронзовика.

А когда один из фашистов подошёл к столу, за которым обычно сидела Ксения Андреевна, и пнул его ногой, ребята почувствовали себя глубоко оскорблёнными.

Начальник потребовал, чтобы ему дали стул. Никто из ребят не пошевелился.

– Ну! – прикрикнул фашист.

– Здесь слушаются только меня, – сказала Ксения Андреевна. – Пичугин, принеси, пожалуйста, стул из коридора.

Тихонький Сеня Пичугин неслышно соскользнул с парты и пошёл за стулом. Он долго не возвращался.

– Пичугин, поскорее! – позвала Сеню учительница.

Тот явился через минуту, волоча тяжёлый стул с сиденьем, обитым чёрной клеёнкой. Не дожидаясь, пока он подойдёт поближе, немец вырвал у него стул, поставил перед собой и сел. Шура Капустина подняла руку:

– Ксения Андреевна… можно выйти из класса?

– Сиди, Капустина, сиди. – И, понимающе взглянув на девочку, Ксения Андреевна еле слышно добавила: – Там же всё равно часовой.

– Теперь каждый меня будет слушать! – сказал начальник.

И, коверкая слова, фашист стал говорить ребятам о том, что в лесу скрываются красные партизаны, и он это прекрасно знает, и ребята тоже это прекрасно знают. Немецкие разведчики не раз видели, как школьники бегали туда-сюда в лес. И теперь ребята должны сказать начальнику, где спрятались партизаны. Если ребята скажут, где сейчас партизаны, – натурально, всё будет

хорошо. Если ребята не скажут, – натурально, всё будет очень плохо.

– Теперь я буду слушать каждый! – закончил свою речь немец.

Тут ребята поняли, чего от них хотят. Они сидели не шелохнувшись, только переглянуться успели и снова застыли на своих партах.

По лицу Шуры Капустиной медленно ползла слеза. Костя Рожков сидел, наклонившись вперёд, положив крепкие локти на откинутую крышку парты. Короткие пальцы его рук были сплетены. Костя слегка покачивался, уставившись в парту. Со стороны казалось, что он пытается расцепить руки, а какая-то сила мешает ему сделать это.

Ребята сидели молча.

Начальник подозвал своего помощника и взял у него карту.

– Прикажите им, – сказал он по-немецки Ксении Андреевне, – чтобы они показали мне на карте или на плане это место. Ну, живо! Только смотрите у меня… – Он заговорил опять по-русски: – Я вам предупреждаю, что я понятен русскому языку и что вы будете сказать детей…

Он подошёл к доске, взял мелок и быстро набросал план местности – реку, село, школу, лес… Чтобы было понятней, он даже трубу нарисовал на школьной крыше и нацарапал завитушки дыма.

– Может быть, вы всё-таки подумаете и сами скажете мне всё, что надо? – тихо спросил начальник по-немецки у учительницы, вплотную подойдя к ней. – Дети не поймут, говорите по-немецки.

– Я уже сказала вам, что никогда не была там и не знаю, где это.

Фашист, схватив своими длинными руками Ксению Андреевну за плечи, грубо потряс ее:

– Смотри, я буду пока очень добрый, но дальше…

2

Ксения Андреевна высвободилась, сделала шаг вперёд, подошла к партам, оперлась обеими руками на переднюю и сказала:

– Ребята! Этот человек хочет, чтобы мы сказали ему, где находятся наши партизаны. Я не знаю, где они находятся. Я там никогда не была. И вы тоже не знаете. Правда?

– Не знаем, не знаем!.. – зашумели ребята. – Кто их знает, где они! Ушли в лес – и всё.

– Вы совсем скверные учащиеся, – попробовал пошутить

немец, – не может отвечать на такой простой вопрос. Ай, ай…

Он с деланной весёлостью оглядел класс, но не встретил ни одной улыбки. Ребята сидели строгие и настороженные. Тихо было в классе, только угрюмо сопел на первой парте Сеня Пичугин.

Немец подошёл к нему:

– Ну, ты, как звать?.. Ты тоже не знаешь?

– Не знаю, – тихо ответил Сеня.

– А это что такое, знаешь? – И немец ткнул дулом пистолета в опущенный подбородок Сени.

– Это знаю, – сказал Сеня. – Пистолет-автомат системы «вальтер»…

– А ты знаешь, сколько он может убивать таких скверных учащихся?

– Не знаю. Сами считайте… – буркнул Сеня.

– Кто такое! – закричал немец. – Ты сказал: сами считать! Очень прекрасно! Я буду сам считать до трёх. И если никто мне не сказать, что я просил, я буду стрелять сперва вашу упрямую учительницу. А потом – всякий, кто не скажет. Я начинал считать! Раз!..

Он схватил Ксению Андреевну за руку и рванул её к стене класса. Ни звука не произнесла Ксения Андреевна, но ребятам показалось, что её мягкие певучие руки сами застонали. И класс загудел. Другой фашист тотчас направил на ребят свой пистолет.

– Дети, не надо, – тихо произнесла Ксения Андреевна и хотела по привычке поднять руку, но фашист ударил стволом пистолета по её кисти, и рука бессильно упала.

– Алзо, итак, никто не знай из вас, где партизаны, – сказал немец. – Прекрасно, будем считать. «Раз» я уже говорил, теперь будет «два».

Фашист стал подымать пистолет, целя в голову учительнице. На передней парте забилась в рыданиях Шура Капустина.

– Молчи, Шура, молчи, – прошептала Ксения Андреевна, и губы её почти не двигались. – Пусть все молчат, – медленно проговорила она, оглядывая класс, – кому страшно, пусть отвернётся. Не надо смотреть, ребята. Прощайте! Учитесь хорошенько. И этот наш урок запомните…

– Я сейчас буду говорить «три»! – перебил её фашист.

И вдруг на задней парте поднялся Костя Рожков и поднял руку:

– Она правда не знает!

– А кто знай?

– Я знаю… – громко и отчётливо сказал Костя. – Я сам туда ходил и знаю. А она не была и не знает.

– Ну, показывай, – сказал начальник.

– Рожков, зачем ты говоришь неправду? – проговорила Ксения Андреевна.

– Я правду говорю, – упрямо и жёстко сказал Костя и посмотрел в глаза учительнице.

– Костя… – начала Ксения Андреевна. Но Рожков перебил ее:

– Ксения Андреевна, я сам знаю…

Учительница стояла, отвернувшись от него, уронив свою белую голову на грудь. Костя вышел к доске, у которой он столько раз отвечал урок. Он взял мел. В нерешительности стоял он, перебирая пальцами белые крошащиеся кусочки. Фашист приблизился к доске и ждал. Костя поднял руку с мелком.

– Вот, глядите сюда, – зашептал он, – я покажу.

Немец подошёл к нему и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что показывает мальчик. И вдруг Костя обеими руками изо всех сил ударил чёрную гладь доски. Так делают, когда, исписав одну сторону, доску собираются перевернуть на другую. Доска резко повернулась в своей раме, взвизгнула и с размаху ударила фашиста по лицу. Он отлетел в сторону, а Костя, прыгнув через раму, мигом скрылся за доской, как за щитом. Фашист, схватившись за разбитое в кровь лицо, без толку палил в доску, всаживая в неё пулю за пулей.

Напрасно… За классной доской было окно, выходившее к обрыву над рекой. Костя, не задумываясь, прыгнул в открытое окно, бросился с обрыва в реку и поплыл к другому берегу.

Второй фашист, оттолкнув Ксению Андреевну, подбежал к окну и стал стрелять по мальчику из пистолета. Начальник отпихнул его в сторону, вырвал у него пистолет и сам прицелился через окно. Ребята вскочили на парты. Они уже не думали про опасность, которая им самим угрожала. Их тревожил теперь только Костя. Им хотелось сейчас лишь одного – чтобы Костя добрался до того берега, чтобы немцы промахнулись.

В это время, заслышав пальбу на селе, из леса выскочили выслеживавшие мотоциклистов партизаны. Увидев их, немец, стороживший на крыльце, выпалил в воздух, прокричал что-то своим товарищам и кинулся в кусты, где были спрятаны мотоциклы. Но по кустам, прошивая листья, срезая ветви, хлестнула пулемётная очередь красноармейского дозора, что был на другом берегу…

Прошло не более пятнадцати минут, и в класс, куда снова ввалились взволнованные ребята, партизаны привели троих обезоруженных немцев. Командир партизанского отряда взял тяжёлый стул, придвинул его к столу и хотел сесть, но Сеня Пичугин вдруг кинулся вперёд и выхватил у него стул.

– Не надо, не надо! Я вам сейчас другой принесу.

И мигом притащил из коридора другой стул, а этот задвинул за доску. Командир партизанского отряда сел и вызвал к столу для допроса начальника фашистов. А двое других, помятые и притихшие, сели рядышком на парте Сени Пичугина и Шуры Капустиной, старательно и робко размещая там свои ноги.

– Он чуть Ксению Андреевну не убил, – зашептала Шура Капустина командиру, показывая на фашистского разведчика.

– Не совсем точно так, – забормотал немец, – это правильно совсем не я…

– Он, он! – закричал тихонький Сеня Пичугин. – У него метка осталась… я… когда стул тащил, на клеёнку чернила опрокинул нечаянно.

Командир перегнулся через стол, взглянул и усмехнулся: на серых штанах фашиста сзади темнело чернильное пятно…

В класс вошла Ксения Андреевна. Она ходила на берег узнать, благополучно ли доплыл Костя Рожков. Немцы, сидевшие за передней партой, с удивлением посмотрели на вскочившего командира.

– Встать! – закричал на них командир. – У нас в классе полагается вставать, когда учительница входит. Не тому вас, видно, учили!

И два фашиста послушно поднялись.

– Разрешите продолжать наше занятие, Ксения Андреевна? – спросил командир.

– Сидите, сидите, Широков.

– Нет уж, Ксения Андреевна, занимайте своё законное место, – возразил Широков, придвигая стул, – в этом помещении вы у нас хозяйка. И я тут, вон за той партой, уму-разуму набрался, и дочка моя тут у вас… Извините, Ксения Андреевна, что пришлось этих охальников в класс ваш допустить. Ну, раз уж так вышло, вот вы их сами и порасспрошайте толком. Подсобите нам: вы по-ихнему знаете…

И Ксения Андреевна заняла своё место за столом, у которого она выучила за тридцать два года много хороших людей. А сейчас перед столом Ксении Андреевны, рядом с классной доской, пробитой пулями, мялся длиннорукий рыжеусый верзила, нервно оправлял куртку, мычал что-то и прятал глаза от синего строгого взгляда старой учительницы.

– Стойте как следует, – сказала Ксения Андреевна, – что вы ёрзаете? У меня ребята этак не держатся. Вот так… А теперь потрудитесь отвечать на мои вопросы.

И долговязый фашист, оробев, вытянулся перед учительницей.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912)

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (настоящая фамилия – Мамин) родился в 1852 году в семье заводского священника. Получил домашнее образование, потом учился в Висимской школе для детей рабочих, после которой был принят в Екатеринбургское духовное училище. В 1868 году продолжил образование в Пермской духовной семинарии. В 1872 году Мамин-Сибиряк поступает в Петербургскую медико-хирургическую академию. Тогда же в петербургских журналах появляются первые рассказы и очерки молодого писателя. Но завершить обучение не получится. Проучившись всего год, Мамин был вынужден оставить учёбу из-за материальных трудностей и резкого ухудшения здоровья.

В 1877 году писатель возвращается на Урал; в следующем году умирает отец, и на плечи Мамина-Сибиряка ложится забота о семье. Здесь он прожил 14 лет: помог матери вырастить младших сестёр и братьев, женился.

Для дочки Алёнушки написаны его детские рассказы.

Медведко

– Барин, хотите вы взять медвежонка? – предлагал мне мой кучер Андрей.

– А где он?

– Да у соседей. Им знакомые охотники подарили. Славный такой медвежонок, всего недель трёх. Забавный зверь, одним словом.

– Зачем же соседи отдают, если он славный?

– Кто их знает. Я видел медвежонка: не больше рукавицы. И так смешно переваливает.

Я жил на Урале, в уездном городе. Квартира была большая. Отчего же и не взять медвежонка? В самом деле, зверь забавный. Пусть поживёт, а там увидим, что с ним делать.

Сказано – сделано. Андрей отправился к соседям и через полчаса принёс крошечного медвежонка, который действительно был не больше его рукавицы, с той разницей, что эта живая рукавица так забавно ходила на своих четырёх ногах и ещё забавнее таращила такие милые синие глазёнки.

За медвежонком пришла целая толпа уличных ребятишек, так что пришлось затворить ворота. Попав в комнаты, медвежонок нимало не смутился, а напротив, почувствовал себя очень свободно, точно пришёл домой. Он спокойно всё осмотрел, обошёл вокруг стен, всё обнюхал, кое-что попробовал своей

чёрной лапкой и, кажется, нашёл, что всё в порядке.

Мои гимназисты натащили ему молока, булок, сухарей. Медвежонок принимал всё как должное и, усевшись в уголке на задние лапы, приготовился закусить. Он делал всё с необыкновенной комичной важностью.

– Медведко, хочешь молочка?

– Медведко, вот сухарики.

– Медведко!..

Пока происходила вся эта суета, в комнату незаметно вошла моя охотничья собака, старый рыжий сеттер. Собака сразу почуяла присутствие какого-то неизвестного зверя, вытянулась, ощетинилась, и не успели мы оглянуться, как она уже сделала стойку над маленьким гостем. Нужно было видеть картину: медвежонок забился в уголок, присел на задние лапки и смотрел на медленно подходившую собаку такими злыми глазёнками.

Собака была старая, опытная, и поэтому она не бросилась сразу, а долго смотрела с удивлением своими большими глазами на непрошеного гостя, – эти комнаты она считала своими, а тут вдруг забрался неизвестный зверь, засел в угол и смотрит на неё как ни в чем не бывало.

Я видел, как сеттер начал дрожать от волнения, и приготовился схватить его. Если бы он бросился на малютку медвежонка! Но вышло совсем другое, чего никто не ожидал. Собака посмотрела на меня, точно спрашивая согласия, и подвигалась вперёд медленными, рассчитанными шагами. До медвежонка оставалось всего каких-нибудь пол-аршина, но собака не решалась сделать последнего шага, а только ещё сильнее вытянулась и сильно потянула в себя воздух: она желала, по собачьей привычке, сначала обнюхать неизвестного врага.

Но именно в этот критический момент маленький гость размахнулся и мгновенно ударил собаку правой лапой прямо по морде. Вероятно, удар был очень силён, потому что собака отскочила и завизжала.

– Вот так молодец Медведко! – одобрили гимназисты. – Такой маленький и ничего не боится…

Собака была сконфужена и незаметно скрылась в кухню.

Медвежонок преспокойно съел молоко и булку, а потом забрался ко мне на колени, свернулся клубочком и замурлыкал, как котёнок.

– Ах, какой он милый! – повторили гимназисты в один голос. – Мы его оставим у нас жить… Он такой маленький и ничего не может сделать.

– Что ж, пусть его поживёт, – согласился я, любуясь притихшим зверьком.

Да и как было не любоваться! Он так мило мурлыкал, так доверчиво лизал своим чёрным языком мои руки и кончил тем, что заснул у меня на руках, как маленький ребёнок.

* * *

Медвежонок поселился у меня и в течение целого дня забавлял публику, как больших, так и маленьких. Он так забавно кувыркался, всё желал видеть и везде лез. Особенно его занимали двери. Подковыляет, запустит лапу и начинает отворять. Если дверь не отворялась, он начинал забавно сердиться, ворчал и принимался грызть дерево своими острыми, как белые гвоздики, зубами.

Меня поражала необыкновенная подвижность этого маленького увальня и его сила. В течение этого дня он обошёл решительно весь дом, и, кажется, не оставалось такой вещи, которой он не осмотрел бы, не понюхал и не полизал.

Наступила ночь. Я оставил медвежонка у себя в комнате. Он свернулся клубочком на ковре и сейчас же заснул.

Убедившись, что он успокоился, я загасил лампу и тоже приготовился спать. Не прошло четверти часа, как я стал засыпать, но в самый интересный момент мой сон был нарушен: медвежонок пристроился к двери в столовую и упорно хотел её отворить. Я оттащил его раз и уложил на старое место. Не прошло получаса, как повторилась та же история. Пришлось вставать и укладывать упрямого зверя во второй раз. Через полчаса – то же… Наконец мне это надоело, да и спать хотелось. Я отворил дверь кабинета и пустил медвежонка в столовую. Все наружные двери и окна были заперты, следовательно, беспокоиться было нечего.

Но мне и в этот раз не привелось уснуть. Медвежонок забрался в буфет и загремел тарелками. Пришлось вставать и вытаскивать его из буфета, причём медвежонок ужасно рассердился, заворчал, начал вертеть головой и пытался укусить меня за руку. Я взял его за шиворот и отнёс в гостиную. Эта возня начинала мне надоедать, да и вставать на другой день нужно было рано. Впрочем, я скоро уснул, позабыв о маленьком госте.

Прошёл, может быть, какой-нибудь час, как страшный шум в гостиной заставил меня вскочить. В первую минуту я не мог сообразить, что такое случилось, и только потом всё сделалось ясно: медвежонок разодрался с собакой, которая спала на своём обычном месте в передней.

– Ну и зверина! – удивился кучер Андрей, разнимая

воевавших.

– Куда его мы теперь денем? – думал я вслух. – Он никому не даст спать целую ночь.

– А к емназистам, – посоветовал Андрей. – Они его весьма даже уважают. Ну и пусть спит опять у них.

Медвежонок был помещён в комнате гимназистов, которые были очень рады маленькому квартиранту.

Было уже два часа ночи, когда весь дом успокоился.

Я был очень рад, что избавился от беспокойного гостя и мог заснуть. Но не прошло часа, как все повскакали от страшного шума в комнате гимназистов. Там происходило что-то невероятное… Когда я прибежал в эту комнату и зажёг спичку, все объяснилось.

Посредине комнаты стоял письменный стол, покрытый клеёнкой. Медвежонок по ножке стола добрался до клеёнки, ухватил её зубами, упёрся лапами в ножку и принялся тащить что было мочи. Тащил, тащил, пока не стащил всю клеёнку, вместе с ней – лампу, две чернильницы, графин с водой и вообще всё, что было разложено на столе. В результате – разбитая лампа, разбитый графин, разлитые по полу чернила, а виновник всего скандала забрался в самый дальний угол; оттуда сверкали только одни глаза, как два уголька.

Его пробовали взять, но он отчаянно защищался и даже успел укусить одного гимназиста.

– Что мы будем делать с этим разбойником! – взмолился я. – Это всё ты, Андрей, виноват.

– Что же я, барин, сделал? – оправдывался кучер. – Я только сказал про медвежонка, а взяли-то вы. И емназисты даже весьма его одобряли.

Словом, медвежонок не дал спать всю ночь.

Следующий день принёс новые испытания. Дело было летнее, двери оставались незапертыми, и он незаметно прокрался во двор, где ужасно напугал корову. Кончилось тем, что медвежонок поймал цыплёнка и задавил его. Поднялся целый бунт. Особенно негодовала кухарка, жалевшая цыплёнка. Она накинулась на кучера, и дело чуть не дошло до драки.

На следующую ночь, во избежание недоразумений, беспокойный гость был заперт в чулан, где ничего не было, кроме ларя с мукой. Каково же было негодование кухарки, когда на следующее утро она нашла медвежонка в ларе: он отворил тяжёлую крышку и спал самым мирным образом прямо в муке. Огорчённая кухарка даже расплакалась и стала требовать расчёта.

– Житья нет от поганого зверя, – объясняла она. – Теперь к корове подойти нельзя, цыплят надо запирать… муку бросить…

Нет, пожалуйте, барин, расчёт.

* * *

Признаться сказать, я очень раскаивался, что взял медвежонка, и очень был рад, когда нашёлся знакомый, который его взял.

– Помилуйте, какой милый зверь! – восхищался он. – Дети будут рады. Для них – это настоящий праздник. Право, какой милый.

– Да, милый… – соглашался я.

Мы все вздохнули свободно, когда наконец избавились от этого милого зверя и когда весь дом пришёл в прежний порядок.

Но наше счастье продолжалось недолго, потому что мой знакомый возвратил медвежонка на другой же день. Милый зверь накуролесил на новом месте ещё больше, чем у меня. Забрался в экипаж, заложенный молодой лошадью, зарычал. Лошадь, конечно, бросилась стремглав и сломала экипаж. Мы попробовали вернуть медвежонка на первое место, откуда его принёс мой кучер, но там отказались принять его наотрез.

– Что же мы будем с ним делать? – взмолился я, обращаясь к кучеру. – Я готов даже заплатить, только бы избавиться.

На наше счастье, нашёлся какой-то охотник, который взял его с удовольствием.

О дальнейшей судьбе Медведка знаю только то, что он околел месяца через два.

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968)

Константин Георгиевич Паустовский родился 31 мая 1892 года в Москве. Его отец был служащим в управлении железной дороги, мать – дочь служащего на сахарном заводе. Семья Паустовского несколько раз переезжала с места на место, пока не обосновалась в Киеве. В семье будущего писателя любили искусство: много пели, играли на рояле, часто посещали театр. Учился Константин Паустовский в Киевской классической гимназии, у него были хорошие учителя, знавшие и любившие русскую словесность, историю и психологию. Паустовский много читал, увлёкся сочинением стихов. Обучаясь в последнем классе гимназии, Паустовский печатает свой первый рассказ в киевском литературном журнале. В 1912 году он окончил гимназию, два года проучился в Киевском университете.

К тому времени будущий писатель довольно много поездил

по стране, так как у его отца были бесплатные железнодорожные билеты.

В 1914 году Паустовский перевёлся в Московский университет и переехал жить в Москву. Первая мировая война заставила его прервать учёбу. Паустовский стал вожатым на московском трамвае, работал на санитарном поезде, развозя раненых из Москвы по глубоким тыловым городам.

После гибели двух его братьев Паустовский вернулся в Москву к матери, но через некоторое время уехал оттуда. Он много путешествовал, переехал в Киев, много ездил по югу России, жил два года в Одессе, работая в газете «Моряк». Из Одессы Паустовский уехал на Кавказ. Жил в Сухуми, Батуми, Тбилиси, Ереване, Баку. В 1923 году Паустовский вернулся в Москву. Здесь он активно работал и как журналист, и как писатель.

Во время Великой Отечественной войны Константин Георгиевич был военным корреспондентом на Южном фронте, одновременно продолжая писать. В послевоенные годы к Паустовскому пришла мировая известность, что дало ему возможность много ездить по Европе. Писатель был в Болгарии, Польше, Чехословакии, Турции, Италии, Бельгии, Франции, Голландии, Англии, Швеции. Впечатления от этих поездок легли в основу множества его произведений.

В 1950-е годы Паустовский жил в Москве и в Тарусе, на Оке.

Паустовский умер в 1968 году в Москве и согласно его завещанию похоронен на городском кладбище Тарусы. Место, где находится могила, – высокий холм, окружённый деревьями с просветом на реку Таруску, – было выбрано самим писателем.

Сказки Пушкина

Трудно найти в нашей стране человека, который бы не знал и не любил замечательные произведения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Ещё при жизни его называли «солнцем русской поэзии». Прошло больше ста лет, как погиб поэт, а наша любовь к нему всё так же крепка, стихи его становятся нам всё ближе, дороже и нужнее. И мы можем добавить к словам современников Пушкина ещё одно слово и сказать: «Пушкин – незаходящее солнце русской поэзии».

Пушкин первый из русских поэтов заговорил простым народным языком. Этот язык в его стихах и сказках льётся свободно и звонко, как прозрачный родник. Поэт всегда восторгался богатством, выразительностью, меткостью русского языка, владел им блестяще и всё же не переставал изучать его всю

жизнь.

У Пушкина было много друзей. Но с детства самым близким, самым преданным ему человеком была простая крестьянка, его няня Арина Родионовна Матвеева. «Подруга дней моих суровых» – назвал её поэт. У неё он с малых лет учился чистому народному языку. От неё он впервые услышал замечательные русские сказки.

В селе Михайловском, куда Пушкин был сослан по приказу царя, он вплотную столкнулся с жизнью деревни, узнал, полюбил её песни, басни и сказки. Он часто бывал на ярмарках, ходил в толпе крестьян, заводил беседы с ямщиками, со странниками, записывал все меткие слова и выражения, запоминал песни слепцов – старинные и грозные песни о горькой народной доле.

В длинные зимние вечера в ветхом доме в Михайловском Арина Родионовна, как и в детстве, рассказывала поэту сказки. Валил снег, пел ветер в печных трубах, жужжало веретено – и сказочный народный мир расцветал вокруг Пушкина.

Поэт, брызгая гусиным пером, торопливо записывал нянины сказки. «Что за прелесть эти сказки! – говорил он. – Каждая есть поэма». Под его лёгким пером некоторые из этих сказок превращались в свободные и певучие стихи, чтобы разойтись по всей стране, по всему миру, обрадовать людей и открыть им неистощимые и удивительные богатства русской поэзии.

Пушкин перенёс в свои сказки чудесные и живые образы народной фантазии: золотую рыбку, царевну Лебедь, Черномора и морских богатырей, золотого петушка и затейницу-белку. И вместе с народом в своих сказках Пушкин жестоко высмеял и осудил глуповатых и злых царей, жадных попов, хитрых и невежественных бояр.

Каждый, кто прочтёт сказки впервые, будет счастлив этим, а кто станет перечитывать их, будет счастлив вдвойне. Пушкин оставил нам не только эти изумительные сказки, но ещё много звучных и сильных стихотворений, поэм, рассказов и повестей.

Имя Пушкина никогда не забудется: он всегда с нами, наш живой, любимый, наш великий Пушкин!

Заячьи лапы

К ветеринару в наше село пришёл с Урженского озера Ваня Малявин и принёс завёрнутого в рваную ватную куртку маленького тёплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слёз глазами.

– Ты что, одурел? – крикнул ветеринар. – Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

– А вы не лайтесь, это заяц особенный, – хриплым шёпотом

сказал Ваня. – Его дед прислал, велел лечить.

– От чего лечить-то?

– Лапы у него пожжённые.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и крикнул вслед:

– Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком – деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слёзы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

– Ты чего, малый? – спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. – Чего вы, сердешные, вдвоём слёзы льёте? Ай случилось что?

– Пожжённый он, дедушкин заяц, – сказал тихо Ваня. – На лесном пожаре лапы себе пожёг, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрёть.

– Не умрёть, малый, – прошамкала Анисья. – Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пущай несёт его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слёзы и пошёл лесами домой, на Урженское озеро. Он не шёл, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошёл стороной на север около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашёл на дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

– Ты чего, серый? – тихо спросил Ваня. – Ты бы поел.

Заяц молчал.

– Ты бы поел, – повторил Ваня, и голос его задрожал. – Может, пить хочешь?

Заяц повёл рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес – надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи[35] и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрёл в город. Ваня нёс зайца сзади. Заяц совсем

притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Суховей вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летал куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно: извозчичьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

– Не то лошадь, не то невеста – шут их разберёт! – сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

– Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш – специалист по детским болезням – уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

– Это мне нравится! – сказал аптекарь. – Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится! – Он нервно снял пенсне, протёр, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал, топтался. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

– Почтовая улица, три! – вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрёпанную толстую книгу. – Три!

Дед с Ваней добрели до Почтовой улицы как раз вовремя – из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бесшумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга; далеко за полянами уже горел стог сена, зажжённый ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрёпанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился.

– Я не ветеринар, – сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. – Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

– Что ребёнок, что заяц – всё одно, – упрямо пробормотал дед. – Всё одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал. Этот заяц, можно сказать,

спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь – бросить!

Ещё через минуту Карл Петрович – старик с седыми взъерошенными бровями, – волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда. Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушёл на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький городок, а на третий день к Карлу Петровичу пришёл длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпьё и понёс домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле. При сём остаюсь Ларион Малявин».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно крякали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар – от него окна в избе сразу запотели и звёзды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, ляскал зубами и отскакивал – воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далёкого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне наконец историю о зайце.

В августе дед пошёл охотиться на северный берег озера.

Леса стояли сухие, как порох.

Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошёл дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идёт прямо на него. Ветер перешёл в ураган. Огонь гнало по земле с

неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня.

Дед был прав: во время урагана огонь шёл со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть настигала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери гораздо лучше человека чуют, откуда идёт огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед, – оба упали от усталости.

Дед подобрал зайца и понёс домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

– Да, – сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, – да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

– Чем же ты провинился?

– А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарём и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял всё.

Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954)

Михаил Пришвин родился в купеческой семье (отец умер, когда мальчику было семь лет). Окончив сельскую школу, будущий писатель поступил в Елецкую классическую гимназию, однако не окончил её, так как был исключён в 1888 году за дерзость учителю. После этого Пришвин переезжает к дяде в Тюмень и здесь оканчивает шесть классов Тюменского реального училища. В 1983 году Пришвин поступает на химико-агрономическое отделение Рижского политехникума.

В 1896 году Пришвин принимал участие в работе марксистских кружков, за что в 1897 году был арестован и выслан на родину, в город Елец. Позже, в 1900 году, писатель уезжает в Германию, где оканчивает агрономическое отделение

философского факультета Лейпцигского университета. Вернувшись в Россию, Пришвин до 1905 года работает агрономом сначала в Тульской, а затем в Московской губерниях, составляет сельскохозяйственные книги. После, вплоть до Октябрьской революции, он работает корреспондентом в нескольких газетах.

Во время Первой мировой войны Пришвин идёт на фронт в качестве санитара и военного корреспондента. После Октябрьской революции совмещает краеведческую работу с работой агронома и учителя. Он преподаёт в бывшей Елецкой гимназии, из которой был исключён в детстве, и в школе второй ступени в селе Алексино Дорогобужского района, кроме того, служит инструктором народного образования. Организовывает музей усадебного быта в бывшем имении Барышникова, принимает участие в организации музея в городе Дорого-буже.

Первый рассказ Пришвина был напечатан в 1906 году. В следующем году появилась и первая книга писателя, принёсшая ему известность, – «В краю непуганых птиц». Это путевые очерки, составленные из наблюдений над природой, бытом и речью северных народов Карелии. В 1920—30-е годы Пришвин выпускает книги «Родники Берендея», «Башмаки» и другие, в которых объединяются замечательные описания природы со сказкой, мифом. Необычайная зоркость к мельчайшим деталям и чуткое поэтическое восприятие становятся основой многих детских рассказов Пришвина – «Лисичкин хлеб», «Кладовая солнца» и др. Необыкновенны рассказы о животных, в том числе и охотничьи, – они естественны, в них нет надуманной лжи, благодаря мастерству писателя бессловесный мир обретает язык и становится нам ближе и понятнее.

Ужасная встреча

Это известно всем охотникам, как трудно выучить собаку не гоняться за зверями, кошками и зайцами, а разыскивать только птицу.

Однажды во время моего урока Ромке мы вышли на полянку. На ту же полянку вышел тигровый кот. Ромка был с левой руки от меня, а кот – с правой, и так произошла эта ужасная встреча. В одно мгновенье кот обернулся, пустился наутёк, а за ним ринулся Ромка. Я не успел ни свистнуть, ни крикнуть «тубо»[36].

Вокруг на большом пространстве не было ни одного дерева, на которое кот мог бы взобраться и спастись от собаки, – кусты и полянки без конца. Я иду медленно, как черепаха, разбирая следы Ромкиных лап на влажной земле, на грязи, по краям луж и на песке ручьев. Много перешёл я полянок, мокрых и сухих,

перебрёл два ручейка, два болотца, и, наконец, вдруг всё открылось: Ромка стоит на поляне неподвижный, с налитыми кровью глазами; против него, очень близко, тигровый кот – спина горбатым деревенским пирогом, хвост медленно поднимается и опускается. Нетрудно мне было догадаться, о чём они думали.

Тигровый кот говорит:

– Ты, конечно, можешь на меня броситься, но помни, собака, за меня тигры стоят! Попробуй-ка сунься, пёс, и я дам тебе тигра в глаза.

Ромку же я понимал так:

– Знаю, мышатница, что ты дашь мне тигра в глаза, а всё-таки я тебя разорву пополам! Вот только позволь мне ещё немного подумать, как лучше бы взять тебя.

Думал и я: «Ежели мне к ним подойти, кот пустится наутёк, за ним пустится и Ромка. Если попробовать Ромку позвать…»

Долго раздумывать, однако, было мне некогда. Я решил начать усмирение зверей с разговора по-хорошему. Самым нежным голосом, как дома комнате во время нашей игры, я назвал Ромку по имени и отчеству:

– Роман Васильевич!

Он покосился. Кот завыл. Тогда я крикнул твёрже:

– Роман, не дури!

Ромка оробел и сильнее покосился. Кот сильнее провыл.

Я воспользовался моментом, когда Ромка покосился, успел поднять руку над своей головой и так сделать, будто рублю головы и ему и коту. Увидев это, Ромка подался назад, а кот, полагая, будто Ромка струсил, и втайне, конечно, радуясь этому, провыл с переливом обыкновенную котовую победную песню.

Это задело самолюбие Ромки. Он, пятясь задом, вдруг остановился и посмотрел на меня, спрашивая:

– Не дать ли ему?

Тогда я ещё раз рукой в воздухе отрубил ему голову и во всё горло выкрикнул бесповоротное своё решение:

– Тубо!

Он подался ещё к кустам, обходом явился ко мне. Так я сломил дикую волю собаки. А кот убежал.

Как я научил своих собак горох есть

Лада, старый пойнтер десяти лет, – белая с жёлтыми пятнами. Травка – рыжая, лохматая, ирландский сеттер, и ей всего только десять месяцев. Лада – спокойная и умная. Травка – бешеная и не сразу меня понимает. Если я, выйдя из дома, крикну: «Травка!», она на одно мгновенье обалдеет. И в это время

Лада успевает повернуть к ней голову и только не скажет словами: «Глупенькая, разве ты не слышишь? Хозяин зовёт!»

Сегодня я вышел из дому и крикнул:

– Лада, Травка, горох поспел, идёмте скорей горох есть!

Лада уже лет восемь знает это и теперь даже любит горох; горох ли, малина, клубника, черника, даже редиска, даже репа и огурец, только не лук. Я, бывает, ем, а она, умница, вдумывается – глядишь, и себе начинает рвать стручок за стручком. Полный рот, бывало, наберёт гороху и жуёт, а горох с обеих сторон изо рта сыплется, как из веялки. Потом выплюнет шелуху, а самый горох с земли языком соберёт весь до зёрнышка.

Вот и теперь я беру толстый зелёный стручок и предлагаю его Травке. Ладе, старухе, уж конечно, это не очень нравится, что я предпочитаю ей молодую Травку. Лохмушка берёт в рот стручок и выплёвывает. Второй даю – и второй выплёвывает. Третий стручок даю Ладе. Берёт. После Лады опять Травке даю. Берёт. И так пошло скоро: один стручок Ладе, другой – Травке. Дал по десять стручков.

– Жуйте, работайте!

И пошли жернова молоть горох, как на мельнице. Так и хлещет горох в разные стороны у той и другой. Наконец Лада выплюнула шелуху, и вслед за ней Травка тоже выплюнула. Лада стала языком зёрна собирать. Травка попробовала и вдруг поняла и стала есть горох с таким же удовольствием, как и Лада. Она стала есть потом и малину, и клубнику, и огурцы. И всему этому я научил Травку из-за большой любви ко мне Лады: Лада ревнует ко мне Травку и ест. Травка Ладу ревнует и ест. Мне кажется, если я устрою между ними соревнование, то они, пожалуй, скоро у меня и лук будут есть.

Глоток молока

Лада заболела. Чашка с молоком стояла возле её носа, она отвёртывалась. Позвали меня.

– Лада, – сказал я, – надо поесть.

Она подняла голову и забила прутом. Я погладил её. От ласки жизнь заиграла в её глазах.

– Кушай, Ладка, – повторил я и подвинул блюдце поближе.

Она протянула нос к молоку и залакала.

Значит, через мою ласку ей силы прибавилось. Может быть, именно эти несколько глотков молока спасли её жизнь.

Корней Иванович Чуковский (1882–1969)

Корней Иванович Чуковский (настоящее имя – Николай Васильевич Корнейчуков) родился в 1882 году в Санкт-Петербурге. Детство и юность прошли в Одессе. Некоторое время он проучился в гимназии, затем занимался самообразованием, изучил английский язык. С 1901 года Чуковский начинает писать статьи в «Одесских новостях». Затем в 1903 году он был отправлен корреспондентом в Лондон, где основательно ознакомился с английской литературой. В 1906 году Корней Иванович приезжает в финское местечко Куоккала, где знакомится с художником Репиным и писателем Короленко. Здесь он прожил около десяти лет.

Возглавив по приглашению М. Горького детский отдел издательства «Парус», Чуковский и сам начал писать стихи (затем и прозу) для детей. Примерно с этого времени у Корнея Ивановича начинается увлечение детской словесностью. В 1916 году Чуковский составил сборник «Ёлка» и написал свою первую сказку «Крокодил». Работая с детской литературой, Чуковский начинает изучать психику детей и то, как они овладевают речью. Он записал свои наблюдения за детьми, за их словесным творчеством в книге «От двух до пяти».

Приключения белой мышки

1. Кот

Жила-была белая мышка. Её звали Белянка. Все её братья и сёстры были серые, она одна белая. Белая, как мел, как бумага, как снег.

Вздумали как-то серые мыши пойти погулять. Белянка побежала за ними. Но серые мыши сказали:

– Не ходи, сестра, останься дома. На крыше сидит Чёрный Кот, он увидит тебя и съест.

– Почему же вам можно гулять, а мне нельзя? – спросила Белянка. – Если Чёрный Кот увидит меня, он увидит и вас.

– Нет, – сказали серые мыши, – нас он не увидит, мы серые, а ты белая, ты всякому видна.

И они побежали по пыльной дороге. И в самом деле, Кот не заметил их, потому что и они были серые, и пыль на дороге была серая.

А Белянку он сразу заметил, потому что она была белая. Он налетел на неё и вонзил в неё острые когти. Бедная Белянка! Сейчас он съест её! Тут она поняла, что братья и сёстры сказали ей правду, и горько заплакала.

– Отпусти меня, пожалуйста, на волю! – взмолилась она.

Но Чёрный Кот только фыркнул в ответ и оскалил свои страшные зубы.

2. Клетка

Вдруг кто-то крикнул:

– Зачем ты мучаешь бедную мышку? Отпусти её сию же минуту!

Это крикнул сын рыбака, мальчик Пента. Он увидел, что Чёрный Кот держит Белянку в когтях, подбежал к нему и отнял её.

– Белая мышка! – сказал он. – Как я рад, что у меня будет такая красивая белая мышка!

Белянка тоже была рада, что спаслась от Кота. Пента дал ей поесть и посадил её в деревянную клетку. Он был добрый мальчик, ей было у него хорошо.

Но кому охота жить в клетке! Клетка – та же тюрьма. И скоро Белянке наскучило сидеть за решёткой. Ночью, когда Пента спал, она перегрызла прутья своей деревянной тюрьмы и тихонько убежала на улицу.

3. Старая крыса

Какое счастье! Вся улица белая! На улице снег!

А если улица белая, значит, белая мышка может спокойно гулять перед самым носом у кошки и кошка не увидит её. Потому что белая мышка на белом снегу не видна. На белом снегу она и сама словно снег.

Весело было Белянке гулять по улицам белоснежного города и глядеть на кошек и собак. Никто не видел её, но она видела всех. Вдруг она услышала стон. Кто это стонет так жалобно? Она всмотрелась в темноту и увидела серую крысу. Серая крыса сидела на пороге большого сарая, и слёзы текли у неё по щекам.

– Что с тобой? – спросила Белянка. – Отчего ты плачешь? Кто тебя обидел? Ты больна?

– Ах, – ответила серая крыса, – я не больна, но я очень несчастна. Я хочу есть. Я умираю от голода. Третий день во рту у меня не было ни крошки. Я умираю от голода.

– Почему же ты сидишь в этом сарае? – вскричала Белянка. – Выходи на улицу, и я покажу тебе мусорный ящик, где ты можешь отлично поужинать.

– Нет, нет! – сказала крыса. – Мне нельзя показаться на улицу. Разве ты не видишь, что я серая? Когда не было снега, я каждую ночь могла уходить со двора. Но теперь на белом снегу сразу заметят меня и дети, и собаки, и кошки. О, как я хотела бы быть белой, как снег!

Белянке стало жалко несчастную серую крысу.

– Хочешь, я останусь тут и буду жить у тебя? – предложила она. – Каждый вечер буду приносить тебе еду.

Очень обрадовалась старая крыса. Она была беззубая и тощая, Белянка побежала на помойку соседнего дома и принесла оттуда корку хлеба, ломтик сыра и огарок свечи.

Серая крыса жадно набросилась на все эти лакомства.

– Ну, спасибо, – сказала она. – Если бы не ты, я умерла бы от голода.

4. Выдумка старой крысы

Так прожили они целую зиму. Но вот однажды Белянка вышла на улицу и чуть не заплакала. Снег в одну ночь растаял, наступила весна, всюду были лужи, улица была чёрная. Все сразу заметят Белянку и бросятся за нею в погоню.

– Ну, – сказала Белянке старая крыса, – теперь моя очередь добывать тебе пищу. Ты кормила меня зимой, я буду кормить тебя летом.

И она ушла, а через час принесла Белянке целую гору сухариков, крендельков и конфет.

Как-то раз, когда старая крыса ушла за продуктами, Белянка сидела на пороге. Мимо сарая прошли её братья и сёстры.

– Куда вы идёте? – спросила Белянка.

– Мы идём в лес танцевать! – закричали они.

– Возьмите и меня! Я тоже хочу танцевать!

– Нет, нет! – закричали её братья и сёстры. – Уходи от нас подальше. Ты погубишь и нас и себя. В лесу на дереве сидит большая сова, она сразу заметит твою белую шкурку, а вместе с тобою погибнем и мы.

И они убежали, а Белянка осталась одна. Скоро вернулась крыса. Она принесла много вкусного, но Белянка даже не притронулась к лакомствам. Она забилась в тёмный угол и плакала.

– О чём ты плачешь? – спросила её старая крыса.

– Как же мне не плакать? – ответила Белянка. – Мои серые братья и серые сёстры бегают на воле по лесам и полям, танцуют, резвятся, а я должна всё лето сидеть в этом гадком сарае.

Старая крыса задумалась.

– Хочешь, Белянка, я помогу тебе? – сказала она ласковым голосом.

– Нет, – грустно ответила Белянка, – никто мне не может помочь.

– А вот увидишь, я помогу тебе. Знаешь ли ты, что под нашим сараем в подвале – мастерская красильщика? А в мастерской много красок. Синих, зелёных, оранжевых, розовых. Красильщик красит этими красками игрушки, фонарики и флаги, бумажные цепи для ёлки. Скорее бежим туда. Красильщик ушёл, а его краски остались.

– Что же мы будем там делать? – спросила Белянка.

– Вот увидишь! – ответила старая крыса.

Белянка ничего не понимала. Она нехотя пошла за старой крысой в мастерскую красильщика. Там стояли вёдра с разноцветными красками.

Крыса сказала Белянке:

– Вот в этом ведре синяя краска, в этом – зелёная, в том – чёрная, а в этом – пунцовая. А в этом корыте, которое поближе к дверям, отличная серая краска. Полезай туда, окунись с головой, и ты будешь такая же серая, как твои братья и сёстры.

Белянка обрадовалась, подбежала к корыту, но вдруг остановилась, потому что ей сделалось очень страшно.

– Я боюсь утонуть, – сказала она.

– Какая ты трусиха! Чего тут бояться! Закрой глаза и ныряй поскорее! – сказала ей серая крыса.

Белянка закрыла глаза и нырнула в серую краску.

– Ну вот и хорошо! – вскричала крыса. – Поздравляю тебя! Ты уже не белая, а серая. Но теперь тебе нужно согреться. Скорее ложись в постель. То-то ты будешь счастлива, когда проснёшься завтра поутру.

5. Опасная краска

Наступило утро. Белянка проснулась и сейчас же побежала посмотреть на себя в осколок разбитого зеркала, валявшийся в мусорной куче. О ужас! Она стала не серой, а жёлтой, жёлтой, как ромашка, как желток, как цыплёнок!

Очень рассердилась она на серую крысу.

– Ах ты, негодная! – закричала она. – Смотри, что ты наделала! Ты выкрасила меня в жёлтую краску, и теперь мне страшно показаться на улице.

– В самом деле! – воскликнула крыса. – Я в темноте

перепутала краски. Теперь я вижу, что в корыте была не серая краска, а жёлтая.

– Ты глупая слепая старуха! Ты погубила меня! – продолжала хныкать несчастная мышка. – Я ухожу от тебя и больше не желаю тебя знать!

И она убежала. Но куда ей пойти? Где спрятаться? И на серой дороге, и на зелёной траве, и на белом снегу – всюду заметна ее ярко-жёлтая шкурка.

Чуть только она выбежала из сарая, за ней погнался Чёрный Кот. Она убежала от него в переулок, но там её сразу увидели школьники.

– Жёлтая мышка! – закричали они. – Жёлтая, жёлтая, жёлтая мышка!

И они погнались за нею и стали кидать в неё камнями. На углу к ним присоединились собаки.

Жёлтых мышей никто никогда не видал, и потому всякому хотелось поймать эту необыкновенную мышь.

– Держи! Держи! – кричали у неё за спиной.

Усталая, измученная, она еле спаслась от погони. Но вот её родной дом. Здесь живёт её мать. Здесь ей будет хорошо, в родной норе.

– Здравствуй, мама! – сказала она.

Мать посмотрела на неё и закричала сердито:

– Кто ты такая? Чего тебе нужно? Уходи, уходи отсюда.

– Мама! Мама! Не гони меня. Я твоя дочь. Я Белянка.

– Какая же ты Белянка, если ты – жёлтая! Моя Белянка была белее снега, а ты жёлтая, как ромашка, как желток, как цыплёнок. Такой дочери у меня никогда не бывало! Ты не моя дочь. Ступай отсюда!

– Мамочка, поверь, это я. Выслушай меня, и я расскажу тебе всё.

Но тут прибежали её братья и сёстры и стали выталкивать её из норы. Они не догадывались, что она их родная сестра, и царапали, и били, и ку-сали её.

– Ступай, откуда пришла! Мы тебя не знаем, ты чужая! Ты совсем не Белянка, ты – жёлтая!

Что было делать? Со слезами ушла от них бедная мышка, крадучись вдоль заборов, на каждом шагу обжигаясь крапивой. Вскоре она очутилась на морском берегу:

– Скорее отмыть эту ужасную краску!

6. Жёлтая мышка и доктор

Ни минуты не медля, она бросилась в воду, и ныряла, и плавала, и скребла свою шкурку когтями, и тёрла песком, но напрасно: проклятая краска не хотела сходить. Шкурка оставалась такая же жёлтая.

Дрожа от холода, выползла несчастная на берег, села и заплакала. Что ей делать? Куда идти?

Скоро взойдёт солнце. Все увидят её и опять побегут за нею, и опять будут кидать в неё камнями и палками, и опять будут кричать у неё за спиной:

– Ловите, держите её!

Нет, я этого больше не вынесу. Не лучше ли вернуться в неволю, в ту самую клетку, из которой я когда-то убежала? Что же делать, если на воле мне жить невозможно, если даже родная мать обижает и гонит меня?

И, печально понурив голову, поплелась она к тому дому, где жил мальчик Пента.

По дороге она встретила странную мышь. Мышь была больная и чахлая, еле-еле передвигала ногами. На хвосте у неё был красиво завязанный бант.

Белянка спросила её:

– Скажите, пожалуйста, что это у вас за бант на хвосте?

– Это не бант, – ответила незнакомая мышь. – Это такая повязка. Я иду от доктора Айболита, и он перевязал рану. Я, видите ли, попала вчера в мышеловку, и мышеловка больно прищемила мне хвост. Я вырвалась из мышеловки – и сразу же к доктору. Он смазал мне хвост какой-то замечательной мазью, и я выздоровела. Спасибо ему. Ах, какой это хороший, добрый доктор! И знаете, он умеет говорить по-мышиному: отлично понимает мышиный язык.

– Где он живёт? – спросила у нее жёлтая мышка.

– Здесь за углом, на горке. Неужели вы не знаете, где живёт Айболит? Все звери знают его: к нему то и дело приходят больные собаки, больные лошади, больные зайцы, всех он умеет лечить.

Жёлтая мышка не дослушала и пустилась бежать. Она прибежала к доктору. Позвонила у дверей. Ей сейчас же отворила Авва.

У доктора было много больных: какая-то хромая коза, две черепахи, тюлень, петух с перевязанным горлом и ворона с перешибленным крылом.

Когда мышка рассказала доктору, что она хотела бы сделаться опять белой, доктор засмеялся и сказал:

– Не стану тебя лечить! Оставайся жёлтой навсегда! Мне нравится твоя жёлтая шерсть. Она такая золотистая, красивая.

– Но ведь эта шерсть меня погубит! – со слезами вскричала

мышка. – Стоит мне выйти на улицу, и меня разорвут собаки или растерзает Чёрный Кот.

– Пустяки! – сказал доктор. – Живи у меня, и тебя никто здесь не тронет. Незачем тебе гулять по улицам. Вот тебе и домик в буфете: здесь живут два зайца и старая беззубая белка. У меня тебе будет хорошо, и мы будем звать тебя Фиджа. Это значит: золотая мышка.

– Ладно, – сказала она, – я согласна.

И она осталась жить у доктора, а все звери полюбили её – и собака Авва, и утка Кика, и попугай Карудо, и обезьяна Чичи. И вскоре она научилась распевать вместе с ними их весёлую песню!

Шита рита, тита дрита!
Шивандада, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда!

Поэзия

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942)

Константин Дмитриевич Бальмонт родился 3 (15) июня 1867 года в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии. Отец выслужился до председателя уездной земской управы. Мать была образованной женщиной, она и ввела сына в мир музыки, словесности, истории.

В 1876–1883 годах Бальмонт учился в Шуйской гимназии, откуда был исключён. В 1876 году Бальмонт поступил в подготовительный класс Шуйской гимназии. Сначала мальчик делал успехи, но вскоре ученье ему наскучило, и успеваемость снизилась, зато проснулась любовь к чтению, французские и немецкие произведения он читал в подлиннике. Под впечатлением от прочитанного он в возрасте десяти лет сам начал писать стихи. Продолжил своё образование во Владимирской гимназии, затем в Москве, в университете, и Демидовском лицее в Ярославле. В 1887 году за участие в студенческих волнениях был исключён из Московского университета и сослан в Шую. Высшего образования так и не получил, но благодаря своему трудолюбию и любознательности стал одним из самых эрудированных и культурных людей своего времени. Бальмонт ежегодно прочитывал огромное количество книг, изучил, по разным сведениям, от 14 до 16 языков, кроме литературы и искусства увлекался историей, этнографией, химией.

Первая книга стихов «Сборник стихотворений» издана в Ярославле на средства автора в 1890 году. Молодой поэт после выхода книжки сжёг почти весь небольшой тираж.

Широкая известность к Бальмонту пришла достаточно поздно, а в конце 1890-х он был скорее известен как талантливый переводчик с норвежского, испанского, английского и других языков.

После революции Бальмонт получил разрешение на временный выезд за границу. Временный отъезд обернулся для поэта долгими годами эмиграции.

Умер 23 декабря 1942 года от воспаления лёгких. Похоронен в местечке Нуази-ле-Гран под Парижем, где жил последние годы.

Золотая рыбка

В замке был весёлый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Лёгкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка.
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под луной,
Точно вырезные,
Опьянённые весной,
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко,
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели её
Музыканты бала,
Но от рыбки, от неё,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнёт, и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздаётся.
И в сердцах любовь журчит,
И весна смеётся.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко,
Оттого что там в пруду —
Золотая рыбка.

У чудищ

Я был в избушке на курьих ножках.

Там всё как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.
Но я был в шапке, был в невидимке.
Стянул у Старой две нитки бус.
Разгневал Ведьму и скрылся в дымке.
И вот со смехом кручу свой ус.
Пойду, пожалуй, теперь к Кощею.
Найду для песен там жемчугов.
До самой пасти приближусь к Змею.
Узнаю тайны – и был таков.

Росинка

Росинка дрожала
На тонком листке.
Речонка дышала,
Шурша в тростнике.
В росинку гляжу я,
И вижу, что в ней
Играет, ликуя,
Так много огней.
…Их еле заметишь,
Так малы они.
Но где же ты встретишь
Такие огни?

К зиме

Лес совсем уж стал сквозистый,
Редки в нём листы.
Скоро будет снег пушистый
Падать с высоты.

Опушит нам окна наши,
В детской и везде.
Загорятся звёзды краше.
Лёд прильнёт к воде.

На коньках начнём кататься
Мы на звонком льду.

Будет смех наш раздаваться
В парке на пруду.

Осень

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море,
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеётся,
Нет в цветах благовонья.
Скоро осень проснётся
И заплачет спросонья.

От птицы к птице

Ласточка день начинает весенний,
Летнюю ночь завершит соловей.
Пенься, мгновенье, будь многопенней,
Свежих мгновений нам, ветер, навей.
Ранняя ласточка – год нам счастливый,
Слёзы зимы до последней доплачь.
Тешиться будем разливчатой нивой,
Ночью – затянет скрипящий дергач.
Жаворонок вызвенит песни хрустально,
Скажет кукушка – жить многоль нам дней.
Мы приобщимся к земле изначально,
В осень же спросим про всё – журавлей.

Александр Александрович Блок (1880–1921)

Александр Блок родился в Петербурге, детство провёл в семье деда – известного ботаника, ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова. Мальчик был воспитан на стихах

А.С. Пушкина, В. А. Жуковского, Я. П. Полонского, А.А. Фета. Сочинять сам он начал очень рано, «чуть ли не с пяти лет», издавал детские рукописные журналы, в юношеские годы участвовал в любительских спектаклях.

В 1898 году закончилось обучение в гимназии, и Блок поступил на юридический факультет Петербургского университета. Однако через три года, убедившись, что юридическая наука ему совершенно чужда, он перевёлся на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, которое окончил в 1906 году.

Театральные интересы ушли в прошлое. К этому времени Блок написал уже много стихов. Блок познакомился с З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским – они помогают опубликовать Блоку свои произведения.

В январе 1904 года он совершил поездку в Москву, где познакомился с Андреем Белым. Эта же поездка явилась и началом тесной дружбы с Брюсовым и Бальмонтом.

В 1909 году поэт совершил интересное путешествие по Италии и Германии, результатом которого явился цикл «Итальянские стихи» – лучшее, что есть в русской поэзии об Италии.

После революции Блок сотрудничает с издательством «Всемирная литература», входит в дирекцию Большого драматического театра. В это время поэт почти не создаёт новых стихов.

Оказавшись в тяжёлом материальном положении, Блок тяжело болеет. В августе 1921 года он умер в Петрограде.

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи…

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,—
Как слёзы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу…
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,—
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты…

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней
А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей…

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснёт в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

Рождество

Звонким колокол ударом
Будит зимний воздух.
Мы работаем недаром —
Будет светел отдых.
Серебрится лёгкий иней
Около подъезда,
Серебристые на синей
Ясной тверди звезды.
Как прозрачен, белоснежен
Блеск узорных окон!
Как пушист и мягко нежен
Золотой твой локон!
Как тонка ты в красной шубке,
С бантиком в косице!
Засмеёшься – вздрогнут губки,
Задрожат ресницы.
Веселишь ты всех прохожих —
Молодых и старых,
Некрасивых и пригожих,
Толстых и поджарых.
Подивятся, улыбнутся,
Поплетутся дале,
Будто вовсе, как смеются

Дети, не видали.
И пойдёшь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звёзды и хлопушки…
Сёстры будут куклам рады,
Братья просят пушек,
А тебе совсем не надо
Никаких игрушек.
Ты сама нарядишь ёлку
В звёзды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие.
Ты на ёлку бусы кинешь,
Золотые нити.
Ветки крепкие раздвинешь,
Крикнешь: «Посмотрите!»
Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками…
А уж там смеётся дедка
С белыми усами!

Сергей Александрович Есенин (1895–1925)

Сергей Александрович Есенин родился в селе Константиново Рязанской губернии в зажиточной крестьянской семье. Его отец перебрался в Москву и стал приказчиком купца. Мать также уходила в город на заработки. Воспитывал мальчика дед Фёдор Андреевич Титов.

В 1904 году Есенина отдали в Константиновское земское училище, которое он окончил с похвальным листом, а затем отправили в закрытую церковно-учительскую школу. Именно в школе появились первые поэтические опыты Есенина. После окончания школы в 1912 году Есенин приехал в Москву. Работал в книжном магазине, затем поступил в типографию – это давало ему возможность читать различную лите-ратуру.

В Москве Есенин посещал Суриковский литературно-музыкальный кружок. С 1913 года учился на историко-философском отделении Московского городского народного университета им. А. Шанявского.

Весной 1915 года Есенин перебирается в Петроград – он считал, что здесь больше возможностей добиться признания. В Петрограде молодой поэт знакомится с известными и

признанными поэтами: А. Блоком, З. Гиппиус и Д. Мережковским, в Царском Селе – с Ахматовой и Гумилёвым. Для Есенина стали открыты литературные салоны, его стихи регулярно печатались. В декабре 1918 года поэт становится членом московского профессионального Союза писателей.

С добрым утром

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

Лебёдушка (отрывок)

Из-за леса, леса тёмного,
Подымалась красна зорюшка,
Рассыпала ясной радугой
Огоньки-лучи багровые.

Загорались ярким пламенем
Сосны старые, могучие,
Наряжали сетки хвойные
В покрывала златотканые.

А кругом роса жемчужная
Отливала блёстки алые,
И над озером серебряным
Камыши, склонясь, шептались.

В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли тёмных зарослей

Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебёдушка.

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958)

Николай Алексеевич Заболоцкий родился в 1903 году под Казанью в семье агронома. Окончив училище, едет в Москву продолжать образование. Поступает в Московский университет сразу на два факультета – филологический и медицинский. Но его привлекает и литературная, и театральная жизнь Москвы – писать стихи мальчик начал ещё в школе. В 1921 году переехал в Ленинград и поступил в Педагогический институт им. Герцена.

После службы в армии Заболоцкий получил место в отделе детской книги Госиздата. Руководил отделом С. Маршак, в отделе работали Е. Шварц, Л. Чуковская. Отдел выпускал не только книги, но и два детских журнала – «Чиж» и «Ёж». В работе участвовали Д. Хармс и А. Введенский. В это же время выходят первые детские книжки Заболоцкого в стихах и прозе.

В 1938 году поэт был отправлен в ссылку, работал строителем на Дальнем Востоке, в Алтайском крае и Караганде. В 1946 году вернулся в Москву. Много работал над переводами грузинских поэтов – классиков и современников, посещал Грузию.

В 1950-е годы имя Заболоцкого стало известно широкому читателю. Последние два года жизни поэт провёл в Тарусе, на Оке. Тяжело болел, перенёс инфаркт. 14 октября 1958 года Заболоцкий скончался от второго инфаркта.

Лебедь в зоопарке

Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица, дева, дикарка —
Высокая лебедь плывёт.

Плывёт белоснежное диво,
Животное, полное грёз,
Колебля на лоне залива
Лиловые тени берёз.

Головка её шелковиста,
И мантия снега белей,
И дивные два аметиста
Мерцают в глазницах у ней.

И светлое льётся сиянье;
Над белым изгибом спины,
И вся она как изваянье
Приподнятой к небу волны.

Скрежещут над парком трамваи,
Скрипит под машинами мост,
Истошно кричат попугаи,
Поджав перламутровый хвост.

И звери сидят в отдаленье,
Приделаны к выступам нор,
И смотрят фигуры оленьи
На воду сквозь тонкий забор.

И вся мировая столица,
Весь город сверкающий наш,
Над маленьким парком теснится,
Этаж громоздя на этаж.

И слышит, как в сказочном мире
У самого края стены
Крылатое диво на лире
Поёт нам о счастье весны.

Детство

Огромные глаза, как у нарядной куклы,
Раскрыты широко. Под стрелами ресниц,
Доверчиво-ясны и правильно округлы,
Мерцают ободки младенческих зениц.
На что она глядит? И чем необычаен
И сельский этот дом, и сад, и огород,
Где, наклонясь к кустам, хлопочет их хозяин,
И что-то вяжет там, и режет, и поёт?
Два тощих петуха дерутся на заборе,
Шершавый хмель ползёт по столбику крыльца.
А девочка глядит. И в этом чистом взоре
Отображён весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал её, как чудо из чудес,
И в глубь души её, как спутники живые,

Вошли и этот дом, и этот сад, и лес.
И много минет дней. И боль сердечной смуты,
И счастье к ней придёт. Но и жена и мать,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос всё будет вспоминать.

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930)

Владимир Маяковский родился в селе Багдади в Грузии в семье лесничего и кубанской казачки. После того как его отец умер от заражения крови (укололся иголкой, сшивая бумаги), Маяковский терпеть не мог булавок и заколок, эта фобия осталась у него на всю жизнь. После похорон отца Маяковский вместе с матерью и сёстрами переехал в Москву, где поступил в четвёртый класс 5-й классической гимназии, где учился в одном классе с братом Бориса Пастернака Шурой. Во время учёбы Маяковский общался со студентами-большевиками. Трижды подвергался арестам, в 1909 году был заключён в одиночную камеру Бутырской тюрьмы. Именно в тюрьме Маяковский начал писать стихи. Выйдя на свободу, он решает «делать социалистическое искусство».

Тучкины штучки

Плыли по небу тучки.
Тучек – четыре штучки:
от первой до третьей – люди;
четвёртая была верблюдик.
К ним, любопытством объятая,
по дороге пристала пятая,
от неё в небосинем лоне
разбежались за слоником слоник.
И, не знаю, спугнула шестая ли,
тучки взяли все – и растаяли.
И следом за ними, гонясь и сжирав,
солнце погналось – жёлтый жираф.

Хорошее отношение к лошадям

Били копыта.
Пели будто:

– Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб. —
Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
– Лошадь упала! —
– Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошёл
и вижу
глаза лошадиные…
Улица опрокинулась,
течёт по-своему…

Подошёл и вижу —
за каплищей каплища
по морде катится,
прячется в ше́рсти…
И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть
– старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть,
и мысль ей моя казалась пошла,

только
лошадь
рванулась,
встала на́ ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребёнок.

Пришла весёлая,
стала в стойло.
И всё ей казалось —
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

Игорь Северянин (1887–1941)

Игорь Северянин (настоящее имя и фамилия Лотарёв Игорь Васильевич) родился в Петербурге в семье офицера, по материнской линии был потомком Карамзина и дальним родственником Фета. Окончил реальное училище в городе Череповце, стихи сочинял с детства.

Юношеские опыты не привлекали внимания читателей и критики, и поэту пришлось издать более тридцати разных книжечек-брошюр за свой счёт, рассылая их на отзыв в редакции журналов и именитым людям.

Лев Толстой пришёл в негодование от сборника «Интуитивные краски» и раскритиковал Северянина. Однако этим и привлёк к нему внимание издателей и читателей. «С лёгкой руки Толстого меня стали бранить все, кому не было лень. Журналы стали охотно печатать мои стихи, устроители благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них участие».

Слава приходит к поэту в 1913 году, после выхода сборника «Громокипящий кубок», а в феврале 1918 года в зале Политехнического музея Северянина избирают «королём поэтов» (к досаде его соперников – В. Маяковского, К. Бальмонта). В этом же году он уезжает в Эстонию. Вернуться на родину он уже не сможет.

В июле

В полях созрел ячмень.
Он радует меня!
Брожу я целый день
По волнам ячменя.

Смеётся мне июль,
Кивают мне поля.
И облако – как тюль,
И солнце жжёт, паля.

Блуждаю целый день
В сухих волнах земли,
Пока ночная тень
Не омрачит стебли.

Спущусь к реке, взгляну
На илистый атлас;
Взгрустнётся ли, – а ну,
А ну печаль от глаз.

Теперь ли тосковать,
Когда поспел ячмень?
Я всех расцеловать
Хотел бы в этот день!

Запевка

О России петь —
что стремиться в храм
По лесным горам,
полевым коврам…
О России петь —
что весну встречать,
Что невесту ждать,
что утешить мать…
О России петь —
что тоску забыть,
Что Любовь любить,
что бессмертным быть.

Что шепчет парк

О каждом новом свежем пне,
О ветви, сломанной бесцельно,
Тоскую я душой смертельно,
И так трагично-больно мне.
Редеет парк, редеет глушь.
Редеют еловые кущи…
Он был когда-то леса гуще,
И в зеркалах осенних луж
Он отражался исполином…
Но вот пришли на двух ногах
Животные – и по долинам
Топор разнёс свой гулкий взмах.
Я слышу, как, внимая гуду
Убийственного топора,
Парк шепчет: «Вскоре я не буду…
Но я ведь жил – была пора…»

Саша Чёрный (1880–1932)

Саша Чёрный родился в многодетной еврейской семье в Одессе. Настоящее имя – Александр Гликберг. В семье было двое детей с именем Саша. Блондина называли – Саша Белый, брюнета – Саша Чёрный. Чтобы дать ребёнку возможность поступить в гимназию, родители крестили его. В гимназии Александр проучился недолго, за плохие отметки мальчика жестоко наказывали. Мальчик сбежал из дома, стал нищим-попрошайкой. О его горестной судьбе написали в газете, и житомирский чиновник К. К. Роше, растроганный этой историей, взял мальчика к себе.

В 1905 году Александр переезжает в Петербург, где активно публикует в журналах сатирические стихи и прозу. Корней Чуковский писал, что «…получив свежий номер журнала, читатель, прежде всего, искал в нём стихи Саши Чёрного».

Два года жил в Германии, учился в Гейдельбергском университете. Вернулся в Петербург в 1908 году. Стал известен как детский писатель: книги «Тук-Тук», «Живая азбука» и другие.

В годы Первой мировой войны Саша Чёрный служил в армии рядовым

В 1929 году построил свой дом на юге Франции, куда приезжали и подолгу гостили русские писатели, художники, музыканты.

Саша Чёрный скончался от сердечного приступа 5 августа 1932 года. Рискуя жизнью, он помогал в тушении пожара на

соседней ферме, придя домой, слёг и больше не поднялся. Могила поэта была утеряна после боевых действий Второй мировой войны.

Зелёные стихи

Зеленеют все опушки,
Зеленеет пруд.
А зелёные лягушки
Песенку поют.

Ёлка – сноп зелёных свечек,
Мох – зелёный пол.
И зелёненький кузнечик
Песенку завёл…

Над зелёной крышей дома
Спит зелёный дуб.
Два зелёненькие гнома
Сели между труб.

И, сорвав зелёный листик,
Шепчет младший гном:
«Видишь? рыжий гимназистик
Ходит под окном.

Отчего он не зелёный?
Май теперь ведь… май!»
Старший гном зевает сонно:
«Цыц! не приставай».

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)

Марина Ивановна Цветаева родилась в 1892 году в Москве в культурной и образованной семье. Отец, Иван Владимирович, профессор Московского университета, известный филолог и искусствовед, стал в дальнейшем директором Румянцевского музея и основателем Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Мать происходила из обрусевшей польско-немецкой семьи, была талантливой пианисткой. Умерла очень рано, девочек воспитывал отец.

Сначала Марина Цветаева училась в Москве, продолжила

обучение в Швейцарии и Германии. В шестнадцать лет уехала в Париж, чтобы прослушать в Сорбонне краткий курс истории старофранцузской литературы.

Стихи начала писать с шести лет (не только по-русски, но и по-французски и по-немецки), печататься – с шестнадцати, а два года спустя тайком от семьи выпустила свой первый сборник, о котором одобрительно отзывались уже известные Брюсов, Гумилёв и Волошин. С первой встречи с Волошиным началась их дружба, несмотря на значительную разницу в возрасте.

В 1912 году Цветаева вышла замуж за Сергея Эфрона, который стал не только её мужем, но и самым близким другом.

После революции в мае 1922 года ей с дочерью Ариадной разрешили уехать за границу – к мужу. Сначала Цветаева с дочерью недолго жили в Берлине, затем в предместьях Праги, а позже перебрались в Париж. Жизнь была трудная, нищая.

В 1939 году Марина Цветаева вслед за мужем и дочерью возвратилась на родину. Но жизнь и здесь не сложилась: муж и дочь были арестованы, сестра Анастасия была в лагере. Цветаева жила в Москве по-прежнему в одиночестве, кое-как перебиваясь переводами. Начавшаяся война, эвакуация забросили её с сыном в Елабугу. Измученная, безработная и одинокая, поэтесса скончалась 31 августа 1941 года.

«Бежит тропинка с бугорка…»

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай
И полдень рай и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы…

Наши царства

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе – феи, добрые соседки,
Владенья наши делит тёмный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишьвидят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:
Как и на всё – на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока ещё в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошёл, и снова феи – дети,
Которых ждут и шаг которых тих…
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Ещё невзрослый передаст ли стих?

За книгами

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?»
Я большая, – мне семь лет,
Я упряма, – это лучше.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

«Поиграй, возьмись за дело,

Домик строй». – «А где картон?»
«Что за тон?» – «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело… жить… на свете,
Все большие – палачи,
Давид Копперфильд»… – «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»

Прямо в рот летят снежинки…
Огонёчки фонарей…
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус солёного прилавка.

«Красною кистью…»

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.
Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

«Август – астры…»

Август – астры,
Август – звёзды,
Август – грозди
Винограда и рябины
Ржавой – август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью гладишь сердце
именем своим имперским:
Август – Сердце!
Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звёздных —
Август! – Месяц
Ливней звёздных!

Зарубежная литература

Мифы Древней Греции

Дедал и Икар

Величайшим художником, скульптором и зодчим Афин был Дедал, потомок Эрехтея. Рассказывали, что он высекал из белоснежного мрамора такие дивные статуи, что они казались живыми; казалось, что статуи Дедала смотрят и двигаются. Много инструментов изобрёл Дедал для своей работы, им были изобретены топор и бурав. Далеко шла слава о Дедале.

У этого художника был племянник Тал, сын его сестры Пердики. Тал был учеником своего дяди. Уже в ранней юности поражал он всех своим талантом и изобретательностью. Можно было предвидеть, что Тал далеко превзойдёт своего учителя. Дедал завидовал племяннику и решил убить его. Однажды Дедал стоял с племянником на высоком афинском акрополе у самого края скалы. Никого не было кругом. Увидев, что они одни, Дедал столкнул племянника со скалы. Был уверен художник, что его преступление останется безнаказанным. Упав со скалы, Тал разбился насмерть. Дедал поспешно спустился с акрополя, поднял тело Тала и хотел уже тайно зарыть его в землю, но застали Дедала афиняне, когда он рыл могилу. Злодеяние Дедала открылось. Ареопаг присудил его к смерти.

Спасаясь от смерти, Дедал бежал на Крит к могущественному царю Миносу, сыну Зевса и Европы. Минос охотно принял его под свою защиту. Много дивных произведений искусства изготовил Дедал для царя Крита. Он выстроил для него и знаменитый дворец Лабиринт с такими запутанными ходами, что, раз войдя в него, невозможно было найти выхода. В этом дворце Минос заключил сына своей жены Пасифаи, ужасного Минотавра, чудовище с телом человека и головой быка.

Много лет жил Дедал у Миноса. Не хотел отпускать его царь с Крита, только один хотел он пользоваться искусством великого художника. Словно пленника держал Минос Дедала на Крите. Дедал долго думал, как бежать ему, и наконец нашёл способ освободиться от критской неволи.

– Если не могу я, – воскликнул Дедал, – спастись от власти Миноса ни сухим путём, ни морским, то ведь открыто же для бегства небо! Вот мой путь! Всем владеет Минос, лишь воздухом не владеет он!

Принялся за работу Дедал. Он набрал перьев, скрепил их льняными нитками и воском и стал изготовлять из них четыре

больших крыла. Пока Дедал работал, сын его Икар играл около отца: то ловил он пух, который взлетал от дуновения ветерка, то мял в руках воск. Наконец Дедал кончил свою работу: готовы были крылья. Дедал привязал крылья за спину, продел руки в петли, укреплённые на крыльях, взмахнул ими и плавно поднялся в воздух. С изумлением смотрел Икар на отца, который парил в воздухе, подобно громадной птице. Дедал спустился на землю и сказал сыну:

– Слушай, Икар, сейчас мы улетим с Крита. Будь осторожен во время полёта. Не спускайся слишком низко к морю, чтобы солёные брызги волн не смочили твоих крыльев. Не поднимайся и близко к солнцу: жара может растопить воск, и разлетятся перья. За мной лети, не отставай от меня.

Отец с сыном надели крылья на руки и легко поднялись в воздух. Те, кто видел их полёт высоко над землёй, думали, что это два бога несутся по небесной лазури. Часто оборачивался Дедал, чтобы посмотреть, как летит его сын. Они миновали уже острова Делос, Парос и летят всё дальше и дальше.

Быстрый полёт забавляет Икара, всё смелее взмахивает он крыльями. Икар забыл наставления отца, он не летит уже следом за ним. Сильно взмахнув крыльями, взлетел Икар высоко в небо, ближе к лучезарному солнцу. Палящие лучи растопили воск, скреплявший перья, выпали они и разлетелись далеко по воздуху, гонимые ветром. Взмахнул Икар руками, но нет больше на них крыльев. Стремглав упал он со страшной высоты в море и погиб в его волнах.

Дедал обернулся, смотрит по сторонам. Нет Икара. Громко стал звать он сына:

– Икар! Икар! Где ты? Откликнись!

Нет ответа. Увидел Дедал на морских волнах перья из крыльев Икара и понял, что случилось. Как возненавидел Дедал своё искусство, как возненавидел тот день, когда задумал спастись с Крита воздушным путём!

А тело Икара долго носилось по волнам моря, которое стало называться по имени погибшего Икарийским. Наконец прибили волны тело Икара к берегу острова, там нашёл его Геракл и похоронил. Дедал же продолжал свой полёт и прилетел наконец в Сицилию. Там он поселился у царя Кокала. Минос узнал, где скрылся художник, отправился с большим войском в Сицилию и потребовал, чтобы Кокал выдал ему Дедала.

Дочери Кокала не хотели лишиться такого художника, как Дедал. Они уговорили отца согласиться на требования Миноса и принять его как гостя во дворце. Когда Минос принимал ванну, дочери Кокала вылили ему на голову котёл кипящей воды; умер

Минос в страшных мучениях. Долго жил Дедал в Сицилии. Последние же годы жизни провёл он на родине, в Афинах; там стал он родоначальником дедалидов, славного рода афинских художников.

Библейские сказания

Жизнь первых людей в раю

Бог устроил дивный сад – рай и поселил в нём Адама и Еву, чтобы они возделывали и хранили его.

В раю протекали реки и росли деревья, на которых зрели красивые и приятные для пищи плоды.

Среди рая росли два особенных дерева. Одно из них было дерево жизни, другое – дерево познания добра и зла.

Вкушая плоды дерева жизни, люди могли жить, не зная ни болезней, ни смерти; о втором же Бог сказал первому человеку, чтобы он не ел плодов с этого дерева, потому что если он вкусит их, то умрёт.

Первые люди блаженствовали в раю. Все животные ласкались к ним, не боялись они смерти, не знали болезней, горя, страданий, не знали лжи и обмана и всей душой любили Бога, Который постоянно заботился о них и часто являлся им и беседовал с ними.

Первый грех. Обещание спасителя. Изгнание из рая

Прежде творения мира и всего, что находится в нём, Бог сотворил ангелов, невидимых, как и Он Сам.

Сперва все ангелы были добрые, но потом один из них не захотел повиноваться Богу и научил других тому же.

Он стал называться дьяволом, то есть клеветником, соблазнителем. Господь лишил блаженства его и тех, кто его послушался. И вот дьявол позавидовал счастью Адама и Евы и захотел погубить их. Он вошёл в змея и, когда Ева проходила мимо дерева познания добра и зла, спросил:

– Правда ли, что Бог запретил вам есть плоды райских деревьев?

Ева ответила:

– Господь позволил нам есть плоды со всех деревьев сада; только с дерева познания добра и зла Он не позволил вкушать плодов и сказал, что если мы сделаем это, то умрём.

– Нет, вы не умрёте, – сказал дьявол. – Бог знает, что как только вы вкусите их, то сделаетесь сами, как боги, – будете знать добро и зло.

Ева посмотрела на дерево, запрещённые плоды особенно понравились ей теперь; она подошла, взяла плодов и ела, потом

дала мужу, и он ел.

Как только они сделали это, им сразу стало страшно и стыдно. До тех пор невинные, как младенцы, они не замечали, что наги, и не стыдились этого, но, согрешив, прикрылись листьями и укрылись среди деревьев.

И услышали они голос Бога; Господь ходил в раю.

– Где ты, Адам? – воззвал Он.

Адам ответил:

– Я услышал голос Твой, Господи, и скрылся; мне стало стыдно, потому что я – наг.

Господь сказал:

– Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?

Адам, вместо того чтобы сознаться в своей вине и просить прощения у Бога, ответил:

– Жена, которую Ты сотворил мне, дала мне плодов этого дерева, и я ел.

Жена сказала:

– Господи, змей соблазнил меня.

Тогда Бог проклял змея, а Адаму и Еве сказал, что в наказание за ослушание они будут жить в горе, страданиях, тяжёлых трудах и потом умрут. Но, по милосердию Своему, в утешение людям Господь обещал, что впоследствии явится Спаситель мира, Который примирит людей с Богом и победит дьявола.

Сказав это, Господь Бог изгнал Адама и Еву из рая и поставил ангела с огненным мечом, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Эзоп (IV век до н. э.)

Эзоп (или Эсоп), полуисторический, полумифический автор нравоучительных басен о животных. До сих пор точно не известно, существовал ли такой человек в действительности или же это вымышленное лицо. По преданиям, Эзоп родился около середины VI века до н. э. во Фригии (Малая Азия) и был рабом некоего Иадмона, жителя Самоса, который дал ему свободу. Некоторое время жил при дворе лидийского царя Креза в Сардах. Позднее, находясь в Дельфах, был обвинён жреческой аристократией в святотатстве и сброшен со скалы.

Его смерть в Дельфах была украшена легендой. Согласно этой легенде Эзоп, находясь в Дельфах, своим острословием настроил против себя нескольких граждан, и они решили наказать его. Для этого они, похитив золотую чашу из храмовой утвари, тайно вложили её в котомку Эзопа и затем забили тревогу; приказано было обыскать богомольцев, чаша была найдена у Эзопа, и он, как святотатец, был побит камнями. Через много лет обнаружилась невиновность Эзопа; потомки его убийц были вынуждены уплатить виру (компенсацию), за получением которой явился внук того Иадмона, который был господином Эзопа.

Басни Эзопа были переведены (часто переработаны) на многие языки мира, в том числе знаменитыми басенниками Жаном Лафонтеном и Иваном Крыловым.

Ворона и кувшин

Ворона, которой хотелось пить, подлетела к кувшину и попробовала его наклонить. Но он стоял крепко, и повалить его она не могла. Однако хитростью она добилась, чего хотела: она стала бросать в кувшин камешки, и, когда их набралось много, вода поднялась и перелилась через края: тогда и утолила ворона свою жажду.

Так разум оказывается важнее силы.

Мальчик-вор и его мать

Мальчик в школе украл у товарища дощечку и принёс матери. А та не только его не наказала, но даже похвалила. Тогда в другой раз он украл плащ и принёс ей, а она приняла это ещё охотнее. Время шло, мальчик стал юношей и взялся за кражи

покрупнее. Наконец поймали его однажды с поличным и, скрутив локти, повели на казнь; а мать шла следом и колотила себя в грудь. И вот он сказал, что хочет что-то шепнуть ей на ухо; подошла она, а он разом ухватил зубами и откусил ей кусок уха. Стала мать корить его, нечестивца: мало ему всех его преступлений, так он и родную мать ещё увечит! Перебил её сын: «Кабы наказала ты меня, когда я в первый раз принёс тебе краденую дощечку, – не докатился бы я до такой судьбы и не вели бы меня сейчас на смерть».

Басня показывает: если не наказать вину в самом начале, она становится всё больше и больше.

Ганс Христиан Андерсен (1805–1875)

Ганс Христиан Андерсен родился 2 апреля 1805 года в Оденсе на острове Фюн. Отец Андерсена был бедным башмачником, мать была прачкой из бедной семьи, она была похоронена на кладбище для бедных. С детства мальчик рос мечтателем и сочинителем, часто устраивал домашние спектакли. Отец Андерсена очень рано умер, и мальчику пришлось работать, чтобы помогать матери кормить семью. Он был подмастерьем у ткача, затем у портного, потом Андерсен работал на сигаретной фабрике. В раннем детстве Ганс Христиан был замкнутым ребёнком, любимой игрой которого был кукольный театр.

В возрасте 14 лет Андерсен поехал в Копенгаген. Мать надеялась, что он побудет там немного и вернётся. Сначала Андерсен выступает на вторых ролях в театре. Когда Андерсен написал свою первую книгу и она была напечатана, её не покупали, она пошла на обёртку. Однако он не терял надежды. Добрые люди помогли Андерсену учиться, видя его желание. Король Дании Фредерик VI разрешил ему учиться в школе в городке Слагельсе, а затем в другой школе в Эльсиноре за счёт казны. Это означало, что больше не нужно будет думать о пропитании, о том, как прожить дальше. Ученики в школе были на шесть лет младше Андерсена. Но одолеть грамоту он так и не смог – всю жизнь он делал на письме множество ошибок.

В 1833 году Андерсен получил от короля денежное пособие, позволившее ему выехать в первое в жизни заграничное путешествие. Андерсен много пишет, в 1835 году печатаются его «Сказки». Андерсен не любил свои сказки, не считал их серьёзными произведениями, хотя именно они принесли автору всемирную известность. В 1872 году Андерсен упал с кровати, сильно расшибся и больше уже не оправился от травм, хотя прожил ещё три года. Он скончался 4 августа 1875 и похоронен в Копенгагене.

Оле-Лукойе

Никто на свете не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер рассказывать!

Вечером, когда дети спокойно сидят за столом или на скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках он неслышно поднимается по лестнице, потом осторожно приотворяет дверь и брызжет детям в глаза сладким молоком, – в руках у него

маленькая спринцовка[37], которая выбрасывает молоко тоненькой струйкой. Тогда веки у всех начинают слипаться, и дети уж не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылок. Подует – и детские головки поникнут. Но это не больно, – Оле-Лукойе ведь ничего плохого не замышляет, он хочет только, чтобы дети угомонились, а утихомирятся они не раньше, чем их уложишь в постель. И как только они затихнут, он начинает рассказывать им сказки.

Но вот дети заснули, и Оле-Лукойе присаживается на край кроватки. Одет он прелестно – в шёлковый кафтан; только нельзя сказать, какого цвета этот кафтан: он отливает то синим, то зелёным, то красным, смотря куда повернётся Оле. Под мышкой он держит два зонтика. Один зонтик – тот, что с картинками, – Оле раскрывает над хорошими детьми; и им тогда всю ночь снятся увлекательные сказки. Другой зонтик – совсем простой, гладкий, и Оле раскрывает его над озорными детьми; ну, они и спят, как чурбаны, всю ночь, а утром оказывается, что они ровно ничего не видели во сне!

Вот и послушаем, как Оле-Лукойе целую неделю навещал одного маленького мальчика, Яльмара, и каждый вечер рассказывал ему сказки. Целых семь сказок рассказал, – в неделе ведь семь дней.

Понедельник

– Так! – сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель. – Прежде всего я принаряжу комнату!

И вот все цветы в горшках мгновенно выросли, стали большими деревьями и протянули свои длинные ветви к самому потолку; комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев покрылись цветами; и ни один цветок не уступал розе в красоте и аромате, а на вкус (если бы только вы захотели их попробовать) был слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. А ещё на деревьях росли пышки, которые чуть не лопались, – так щедро они были начинены изюмом. Просто чудо! Но вдруг из ящика стола, где лежали учебники Яльмара, раздались громкие стоны.

– Что там такое? – спросил Оле-Лукойе и, подойдя к столу, выдвинул ящик.

Оказалось, что это трещала и скрипела аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все цифры готовы были разбежаться кто куда; грифель, как собачонка, скакал и прыгал на своей верёвочке: он горячо желал помочь делу, да не мог. Из тетради Яльмара тоже доносились жалобные

стоны, и слышать их было страшно. На каждой странице этой тетради в начале каждой строки стояли рядом большие и маленькие буквы – и те и другие очень красивые. То были прописи. А возле них располагались другие, воображавшие себя столь же красивыми. Их писал сам Яльмар, и они прямо-таки валились на проведённую карандашом линию, вместо того чтобы стоять на ней прямо.

– Вот как надо держаться! – учила пропись. – Вот так, с лёгким наклоном вправо!

– Ах, мы бы и рады, – отвечали буквы Яльмара, – да не умеем! Мы такие убогие!

– Так вас надо немножко подтянуть! – проговорил Оле-Лукойе.

– Ах нет, нет! – закричали буквы и сразу выпрямились, просто загляденье!

– Ну, теперь нам не до сказок! – сказал Оле-Лукойе. – Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он так вышколил буквы Яльмара, что они теперь стояли прямо и стройно, – так умеют стоять только буквы в прописях. Но когда Оле-Лукойе ушёл и Яльмар утром проснулся, буквы снова сделались такими же кривыми, как и прежде.

Вторник

Как только Яльмар улёгся, Оле-Лукойе дотронулся своей волшебной спринцовкой до мебели, и все вещи в комнате сейчас же принялись болтать друг с другом – все, кроме плевательницы; она молчала и про себя возмущалась ветреностью других вещей: ну можно ли говорить и думать только о себе да о себе, не обращая внимания на ту, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золочёной раме. На ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо роскошных дворцов куда-то далеко за лес, в безбрежное море.

Оле-Лукойе прикоснулся волшебной спринцовкой к картине, и вот нарисованные птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака поплыли по небу; видно было даже, как скользили по картине их тени.

Затем Оле приподнял Яльмара до уровня рамы, и мальчик ступил прямо в высокую траву. Освещённый солнышком, сиявшим сквозь листву деревьев, он побежал к воде и уселся в маленькую лодку, которая покачивалась на воде у берега. Лодочка была выкрашена в красный и белый цвет, а паруса её

блестели, как серебряные. Шесть лебедей, в золотых коронах, надетых на шеи, с сияющими синими звёздами на головах, повлекли лодочку мимо зелёных лесов, где деревья шептали о разбойниках и ведьмах, а цветы – о прелестных маленьких эльфах и о том, что рассказали им бабочки.

Удивительные рыбы с серебристой и золотистой чешуёй плыли за лодкой, ныряли и, подпрыгнув, опять с шумом шлёпались в воду; красные и голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами, комары толклись, а майские жуки гудели: «Бум! Бум!» Всем им хотелось проводить Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, это было плаванье!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на красивейшие сады, освещённые солнцем и усеянные цветами. На берегах реки возвышались большие хрустальные и мраморные замки, а на балконах этих дворцов стояли принцессы, – и все они были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл, – они протягивали ему руки, и каждая держала в правой руке хорошенького сахарного поросёнка, – такого редко можно купить у торговки сластями. Яльмар, проплывая мимо, хватал поросёнка, но принцесса не выпускала его из рук; поросёнок переламывался, и оба получали свою часть: Яльмар – побольше, принцесса – поменьше. У всех замков стояли на часах маленькие принцы, они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками, – это явно были настоящие принцы.

Яльмар плыл через леса, какие-то огромные залы и города… Проплыл и через тот город, где жила его няня, которая нянчила его, когда он был ещё малюткой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел её: она кивала ему, махала рукой и пела трогательную песенку, которую сама когда-то сочинила и прислала ему:

Живу я, а мысли мои все с тобой,
Мой Яльмар, мой мальчик любимый!
Ведь я целовала твой лобик крутой,
И щёчки, и ротик, родимый.
Я слышала первый твой лепет, дитя,
Грустила, тебя покидая…
Господь оградит от несчастий тебя:
Ты ангел из светлого рая!

Птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали кронами, поддакивая Оле-Лукойе, словно он и им

рассказывал сказку.

Среда

Ну и дождь лил! Яльмар слышал его шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стоит вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепный корабль.

– Хочешь поехать, Яльмар? – спросил Оле. – Побываешь ночью в чужих краях, а к утру – опять дома!

И вот Яльмар, в воскресном платье, вдруг очутился на великолепном корабле. Погода мгновенно прояснилась, и корабль поплыл по улицам, мимо церкви, – кругом было сплошное озеро. Наконец он уплыл так далеко, что земля скрылась из виду. В поднебесье летела стая аистов; они тоже покинули родину и направились в дальние тёплые края. Летели они длинной вереницей, один за другим. Аисты были в пути уже много-много дней, и один из них так утомился, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться всё ниже и ниже. Вот он взмахнул распущенными крыльями ещё раза два, но… напрасно! Вскоре он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и – бух! – упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник к индейкам, уткам и курам. Бедняга аист стоял и уныло озирался.

– Ишь какой! – закудахтали куры.

Индюк надулся что было силы и спросил у аиста, кто он такой, а утки пятились, толкались и крякали: «Дур-рак! Дур-рак!»

И вот аист рассказывал им о жаркой Африке, о пирамидах и о страусах, которые носятся по пустыне так же быстро, как дикие лошади. Но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать друг друга и крякать:

– Правда, он дурак?

– Конечно, дурак! – подтвердил индюк и от возмущения надулся и залопотал что-то.

Тогда аист умолк и стал думать о своей Африке.

– Какие у вас чудесные тонкие ноги! – сказал индюк. – Почём за аршин?

– Кряк! Кряк! Кряк! – закрякали смешливые утки; но аист как будто и не слыхал ничего.

– Могли бы и вы посмеяться с нами! – сказал аисту индюк. – А ведь хлёстко я сострил! – добавил он. – Или вы шуток не понимаете? Ну и тупоголовый! Что ж, позабавимся без него! – и он снова залопотал что-то.

Курицы закудахтали, а утки закрякали: им было очень

смешно.

Но Яльмар подошёл к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу, – он уже успел отдохнуть. И вот аист склонил перед Яльмаром голову, как бы в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в тёплые края. Куры опять закудахтали, утки закрякали, а индюк так надулся, что гребешок его побагровел.

– Завтра из вас сварят суп! – сказал Яльмар и проснулся в своей кроватке.

Славно они с Оле-Лукойе попутешествовали этой ночью!

Четверг

– Знаешь что? – сказал Оле-Лукойе. – Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! – И правда, в руке у него была прехорошенькая мышка. – Она явилась пригласить тебя на свадьбу: две мышки собираются пожениться нынче ночью. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, как говорят!

– А как же я пролезу сквозь дырочку в полу? – спросил Яльмар.

– Положись на меня! – ответил Оле-Лукойе. – Ты у меня сделаешься совсем маленьким.

И не успел он дотронуться до Яльмара своей волшебной спринцовкой, как тот вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и наконец сделался совсем крошечным – ни дать ни взять мальчик-с-пальчик.

– Мундир можно будет занять у оловянного солдатика, – сказал Оле-Лукойе. – Я думаю, он тебе будет впору. Как приятно быть в гостях в мундире!

– Ладно! – согласился Яльмар и, когда переоделся, стал похожим на образцового оловянного солдатика.

– Не угодно ли вам сесть в напёрсток вашей матушки? – сказала Яльмару мышка. – Я буду иметь честь отвезти вас.

– Надеюсь, это не затруднит вас, фрёкен? – отозвался Яльмар.

И вот они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они сначала попали в длинный коридор, такой узкий, что здесь только в напёрстке и можно было проехать. Коридор был ярко освещён светящимися гнилушками.

– Как хорошо здесь пахнет, правда? – сказала мышка-возница. – Весь коридор вымазан салом! Что может быть лучше!

Наконец добрались и до того зала, где праздновали свадьбу. Направо, перешёптываясь и посмеиваясь, стояли мышки-дамы,

налево, покручивая лапками усы, – мышки-кавалеры; а посередине, на корке выеденного сыра, восседали жених с невестой и ненасытно целовались на глазах у всех. Ну что ж, ведь они уже обручились и сейчас должны были обвенчаться.

А гости всё прибывали и прибывали; и в давке счастливую парочку оттеснили к самому входу, так что никто уже больше не мог ни войти, ни выйти. Зал, как и коридор, тоже был весь вымазан салом; никакого другого угощения не было, а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, – то есть, конечно, только первые буквы каждого имени. Диво, да и только!

Все мыши признали, что свадьба удалась на славу и время прошло очень приятно.

Яльмар поехал домой. Довелось и ему побывать в блестящем обществе; правда, пришлось совсем съёжиться, чтобы влезть в мундир оловянного солдатика.

Пятница

– Просто не верится, какое множество пожилых людей жаждет залучить меня к себе! – сказал Оле-Лукойе. – И особенно хотят этого те, которые сделали что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, – говорят они мне, – мы просто глаз не можем сомкнуть, лежим без сна всю ночь напролёт, и нас окружают наши дурные дела: рассядутся, словно гадкие гномы, по краям кровати и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришёл и прогнал их, Оле, чтобы мы могли покрепче уснуть; а уж мы бы тебя вознаградили! – добавляют они с глубоким вздохом. – Ну, спокойной ночи, Оле! Деньги на окне!» Но я ни к кому не прихожу за деньги, – заключил Оле-Лукойе.

– Что будем делать сегодня ночью? – спросил Яльмар.

– Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком, – её зовут Герман, – хочет повенчаться с куклой Бертой. Кроме того, сегодня день рождения куклы, и ей готовят много подарков.

– Знаю! Знаю! – сказал Яльмар. – Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас же празднует их день рождения или свадьбу. Так она уже раз сто проделывала.

– Да, а сегодня ночью это будет в сто первый и, значит, в последний раз. Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар посмотрел на стол. На нём стоял картонный домик с освещёнными окнами, и все оловянные солдатики держали ружья

на караул. Жених с невестой в задумчивости сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да им и было о чём задуматься! Оле-Лукойе, облачившись в бабушкину чёрную юбку, перевенчал их, и вот вся мебель в комнате запела на мотив марша забавную песенку, которую сочинил карандаш:

Пускай к невесте с женихом
Примчится наша песня в дом.
Горды собой, сидят вдвоём, —
Их сделали, взяв пакли ком
И лайкой обтянув кругом!
«Ура! Ура!» – мы им поём.

Затем молодые получили подарки, но от еды отказались – они были сыты своей любовью.

– Ну, поехать нам теперь на дачу или отправиться за границу? – спросил молодой муж.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз высиживала цыплят. Ласточка рассказала о тёплых краях, где зреют тяжёлые виноградные гроздья, где воздух так лёгок, а горы отливают такими красками, о каких здесь и понятия не имеют.

– Но там не растёт наша кудрявая капуста! – сказала курица. – Одно лето я со своими цыплятами жила в деревне; там была большая куча песку, и мы могли в ней рыться и копаться сколько угодно.

Кроме того, нам разрешили ходить в огород, где росла капуста. Ах, какая она была зелёная! Нет ничего красивее её!

– Да ведь один кочан капусты похож на другой как две капли воды! – сказала ласточка. – К тому же здесь часто бывает ненастье.

– Ну, к этому можно привыкнуть, – проговорила курица.

– Но здесь так холодно, того и гляди замёрзнешь!

– Для капусты это как раз хорошо, – заметила курица. – Да, наконец, и у нас бывает тепло! Вот, например, четыре года назад лето у нас тянулось целых пять недель. А жара-то какая стояла – дышать нечем было! Кстати сказать, у нас нет тех ядовитых тварей, какие водятся в тёплых краях. Нет и разбойников. Только отщепенец не считает нашу страну лучшей в мире. Такой недостоин жить в ней! – Тут курица заплакала. – Я ведь тоже путешествовала, целых двенадцать миль проехала в бочонке, – и ничего приятного в путешествии не нашла.

– Да, курица наша – умница, – сказала кукла Берта. – Мне тоже не нравится шляться по горам; только и знаешь: то вверх, то

вниз, то вверх, то вниз! Нет, лучше мы переедем в деревню, где много песка, и будем гулять по огороду, где растёт капуста.

На том и порешили.

Суббота

– А сегодня будешь рассказывать? – спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

– Сегодня некогда, – ответил Оле-Лукойе и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. – Погляди-ка вот на этих китайцев.

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головами.

– Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! – продолжал Оле. – Завтра праздник, воскресенье. Мне надо влезть на колокольню, чтобы проверить работу церковных домовых, которые должны вычистить колокола, а не то они завтра будут плохо звонить; потом выйду в поле посмотреть, смахнул ли ветер пыль с травы и листьев. А уж потом наступит время и для самой трудной работы: придётся снять с неба и почистить все звёздочки. Я их собираю в свой передник и при этом нумерую каждую звёздочку и дырочку, в которой она сидела, чтобы потом разместить их все по местам, не то они будут плохо держаться и покатятся с неба одна за другой!

– Послушайте-ка, вы, господин Оле-Лукойе! – проговорил вдруг висевший на стене старый портрет. – Я прадедушка Яльмара и очень признателен вам за то, что вы рассказываете мальчику сказки, но вы не должны извращать его представления. Снимать с неба звёзды и чистить их невозможно: звёзды такие же светила, как наша земля, тем-то они и хороши.

– Спасибо тебе, прадедушка! – отозвался Оле-Лукойе. – Спасибо! Ты глава семьи, наш родоначальник, но я всё-таки постарше тебя! Я старший язычник; древние римляне и греки считали меня богом сновидений. Я бывал в знатнейших домах и теперь туда вхож и знаю, как обходиться и с большими и с малыми. Можешь теперь рассказывать сам. – И Оле-Лукойе ушёл, сунув зонтик под мышку.

– Ну уж нельзя и мнения своего высказать! – проворчал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

Воскресенье

– Добрый вечер! – сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор по-вчерашнему.

– А теперь ты расскажи мне вот какие сказки: про пять зелёных горошин, что родились в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, которая возомнила себя швейной иголкой, – сказал Яльмар.

– Ну, хорошенького понемножку! – отозвался Оле-Лукойе. – Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе, но он ни к кому не является больше чем один раз в жизни. А уж если явится, то берёт человека, сажает к себе на коня и рассказывает ему сказки. А знает он их только две: одна из них так прекрасна, что и описать нельзя, но зато другая… нет слов выразить, какая она страшная!

Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднёс его к окну и сказал:

– Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Люди зовут его Смертью. Видишь, он вовсе не такой страшный, каким выглядит на картинках, где его рисуют в виде скелета. Кафтан на нём вышит серебром, как гусарский мундир; за плечами развевается чёрный бархатный плащ… Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчится во весь опор другой Оле-Лукойе, сажая к себе на коня и старых и малых. Одних он сажал перед собою, других позади, но сначала всегда спрашивал:

– Какие у тебя отметки?

– Хорошие! – отвечали все.

– Покажи-ка! – говорил он.

Приходилось показывать; и вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им весёлую сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие, – сажал позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись в ужасе, плакали и старались спрыгнуть с коня, да не могли, потому что сразу же крепко прирастали к седлу.

– Но ведь Смерть – чудеснейший Оле-Лукойе! – сказал Яльмар. – И я ничуть не боюсь его!

– Да и нечего бояться! – сказал Оле. – Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки.

– Вот это поучительно! – пробормотал прадедушкин портрет. – Всё-таки, значит, не мешает иногда высказать своё мнение.

Он был очень доволен.

Вот тебе и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе ещё что-нибудь.

Эрих Рудольф Распе (1737–1794)

Эрих Рудольф Распе родился в 1737 году в Ганновере. Изучал естественные науки и филологию в Гёттингенском и Лейпцигском университетах, затем работал университетским библиотекарем, затем был назначен хранителем ландграфской библиотеки Касселя, смотрителем антикварного и монетного кабинета. В 1769 году был избран членом Королевского литературного общества. Распе активно занимался научной деятельностью, в первую очередь – геологией и минералогией. Будучи небогатым человеком, в 1775 году похитил бриллианты кассельского ландграфа и бежал с ними в Англию, где анонимно опубликовал на английском языке сборник повестей о похождениях барона Мюнхгаузена в России. Сохранилось предание, что Распе обладал удивительным даром рассказчика, который ему очень пригодился: во время ареста он так разжалобил своих конвоиров, что они позволили ему бежать из-под стражи.

Между тем Распе в 1791 году был вынужден покинуть Англию (он оказался замешан в скандале) и перебрался в Ирландию, где и скончался три года спустя.

Приключения Барона Мюнхгаузена

Самый правдивый человек на земле

Маленький старичок с большим носом сидит у камина и рассказывает о своих приключениях. Его слушатели смеются ему прямо в глаза:

– Ай да Мюнхгаузен! Вот так барон!

Но он даже не смотрит на них.

Он спокойно продолжает рассказывать, как он летал на Луну, как жил среди трёхногих людей, как его проглотила огромная рыба, как у него оторвалась голова.

Однажды какой-то проезжий слушал-слушал его и вдруг как закричал:

– Всё это выдумки! Ничего этого не было, о чём ты рассказываешь.

Старичок насупился и важно ответил:

– Те графы, бароны, князья и султаны, которых я имею честь называть лучшими своими друзьями, всегда говорили, что я самый правдивый человек на земле.

Кругом захохотали ещё громче:

– Мюнхгаузен – правдивый человек! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

А Мюнхгаузен как ни в чём не бывало продолжал рассказывать о том, какое на голове у оленя выросло чудесное дерево.

– Дерево?.. На голове у оленя?!

– Да. Вишнёвое. И на дереве вишни. Такие сочные, сладкие…

Все эти рассказы напечатаны здесь, в этой книге. Прочтите их и судите сами, был ли на земле человек правдивее барона Мюнхгаузена.

Конь на крыше

Я выехал в Россию верхом на коне.

Дело было зимою. Шёл снег.

Конь устал и начал спотыкаться. Мне сильно хотелось спать. Я чуть не падал с седла от усталости. Но напрасно искал я ночлега: в пути не попалось мне ни одной деревушки.

Что было делать?

Пришлось ночевать в открытом поле.

Кругом ни куста, ни дерева. Только маленький столбик торчал из-под снега.

К этому столбику я кое-как привязал своего озябшего коня, а сам улёгся тут же на снегу и заснул.

Спал я долго, а когда проснулся, я увидел, что лежу не в поле, а в деревне, или, вернее, в небольшом городке: со всех сторон меня окружают дома.

Что такое? Куда я попал? Как могли эти дома вырасти здесь в одну ночь?

И куда девался мой конь?

Долго я не понимал, что случилось. Вдруг слышу знакомое ржание. Это ржёт мой конь.

Но где же он?

Ржание доносится откуда-то сверху.

Я поднимаю голову – и что же?

Мой конь висит на крыше колокольни! Он привязан к самому кресту!

В одну минуту я понял, в чём дело.

Вчера вечером весь этот городок, со всеми людьми и домами, был занесён глубоким снегом, и наружу торчала только верхушка креста.

Я не знал, что это крест, мне показалось, что это – маленький столбик, и я привязал к нему моего усталого коня! А ночью, пока я спал, началась сильная оттепель, снег растаял; и я незаметно

опустился на землю.

Но бедный мой конь так и остался там, наверху, на крыше. Привязанный к кресту колокольни, он не мог спуститься на землю.

Что делать?

Недолго думая, хватаю пистолет, метко прицеливаюсь и попадаю прямо в уздечку, потому что я всегда был отличным стрелком.

Уздечка – пополам.

Конь быстро спускается ко мне.

Я вскакиваю на него и, как ветер, скачу вперёд.

Сырный остров

Не моя вина, если со мною случаются такие диковины, которых ещё не случалось ни с кем.

Это потому, что я люблю путешествовать и вечно ищу приключений, а вы сидите дома и ничего не видите, кроме четырёх стен своей комнаты.

Однажды, например, я отправился в дальнее плавание на большом голландском корабле. Вдруг в открытом океане на нас налетел ураган, который в одно мгновение сорвал у нас все паруса и поломал все мачты.

Одна мачта упала на компас и разбила его вдребезги.

Всем известно, как трудно управлять кораблём без компаса. Мы сбились с пути и не знали, куда мы плывём.

Три месяца нас бросало по волнам океана из стороны в сторону, а потом унесло неизвестно куда, и вот в одно прекрасное утро мы заметили необыкновенную перемену во всём. Море из зелёного сделалось белым. Ветерок доносил какой-то нежный, ласкающий запах. Нам стало очень приятно и весело.

Вскоре мы увидели пристань и через час вошли в просторную глубокую гавань. Вместо воды в ней было молоко!

Мы поспешили высадиться на берег и стали жадно пить из молочного моря.

Между нами был один матрос, который не выносил запаха сыра. Когда ему показывали сыр, его начинало тошнить. И вот едва мы высадились на берег, как ему сделалось дурно.

– Уберите у меня из-под ног этот сыр! – закричал он. – Я не хочу, я не могу ходить по сыру!

Я нагнулся к земле и всё понял.

Остров, к которому пристал наш корабль, был сделан из отличного голландского сыра!

Да, да, не смейтесь, я рассказываю вам истинную правду:

вместо глины у нас под ногами был сыр.

Мудрено ли, что жители этого острова питались почти исключительно сыром! Но сыру этого не становилось меньше, так как за ночь его вырастало ровно столько, сколько было съедено в тече-ние дня.

Весь остров был покрыт виноградниками, но виноград там особенный: сожмёшь в кулаке – из него вместо сока течёт молоко.

Жители острова – высокие, красивые люди. У каждого из них по три ноги. Благодаря трём ногам они свободно могут держаться на поверхности молочного моря.

Хлеб здесь растёт печёный, прямо в готовом виде, так что жителям этого острова не приходится ни сеять, ни пахать. Я видел много деревьев, увешанных сладкими медовыми пряниками.

Во время наших прогулок по Сырному острову мы открыли семь рек, текущих молоком, и две реки, текущие густым и вкусным пивом.

Признаюсь, эти пивные реки понравились мне больше молочных.

Вообще, гуляя по острову, мы видели много чудес.

Особенно поразили нас птичьи гнёзда. Они были невероятно огромны. Одно орлиное гнездо, например, было выше самого высокого дома. Оно было всё сплетено из исполинских дубовых стволов. В нём мы нашли пять сотен яиц, каждое яйцо величиной с хорошую бочку.

Мы разбили одно яйцо, и из него вылез птенец, раз в двадцать больше взрослого орла.

Птенец запищал. К нему на помощь прилетела орлица. Она схватила нашего капитана, подняла его до ближайшего облака и оттуда швырнула в море.

К счастью, он был отличный пловец и через несколько часов добрался до Сырного острова вплавь.

Вернувшись на корабль, мы тотчас же подняли якорь и отплыли от чудесного острова.

Все деревья, что росли на берегу, словно по какому-то знаку, дважды поклонились нам в пояс и снова выпрямились как ни в чём не бывало. Растроганный их необыкновенной любезностью, я снял шляпу и послал им прощальный привет.

Удивительно вежливые деревья, не правда ли?

Необыкновенный олень

Впрочем, со мной случались чудеса и почище. Иду я как-то по лесу и угощаюсь сладкими, сочными вишнями, которые купил по

дороге.

И вдруг прямо передо мной – олень! Стройный, красивый, с огромными ветвистыми рогами!

А у меня, как назло, ни одной пули! Олень стоит и преспокойно глядит на меня, словно знает, что у меня ружьё не заряжено.

К счастью, у меня осталось ещё несколько вишен, и я зарядил ружьё вместо пули вишнёвой косточкой. Да, да, не смейтесь, обыкновенной вишнёвой косточкой. Раздался выстрел, но олень только головой помотал. Косточка попала ему в лоб и не причинила никакого вреда.

В одно мгновение он скрылся в лесной чаще.

Я очень жалел, что упустил такого прекрасного зверя.

Год спустя я снова охотился в том же лесу. Конечно, к тому времени я совсем позабыл об истории с вишнёвой косточкой.

Каково же было моё изумление, когда из чащи леса прямо на меня выпрыгнул великолепный олень, у которого между рогами росло высокое, развесистое вишнёвое дерево! Ах, поверьте, это было очень красиво: стройный олень и на голове у него – стройное дерево! Я сразу догадался, что это дерево выросло из той маленькой косточки, которая в прошлом году послужила мне пулей. На этот раз у меня не было недостатка в зарядах. Я прицелился, выстрелил, и олень замертво грохнулся на землю.

Таким образом, с одного выстрела я сразу получил и жаркое, и вишнёвый компот, потому что дерево было покрыто крупными, спелыми вишнями.

Должен сознаться, что более вкусных вишен я не пробовал за всю свою жизнь.

Удивительная охота

Впрочем, со мною бывали и более забавные случаи. Как-то раз я пробыл на охоте весь день и к вечеру набрёл в глухом лесу на обширное озеро, которое так и кишело дикими утками. В жизнь свою не видел я такого множества уток!

К сожалению, у меня не осталось ни одной пули. А я как раз этим вечером ждал к себе большую компанию друзей, и мне хотелось угостить их дичью. Я вообще человек гостеприимный и щедрый. Мои обеды и ужины славились на весь Петербург. Как я вернусь домой без уток?

Долго я стоял в нерешительности и вдруг вспомнил, что в моей охотничьей сумке остался кусочек сала.

Ура! Это сало будет отличной приманкой. Достаю его из сумки, быстро привязываю его к длинной и тонкой бечёвке и

бросаю в воду.

Утки, увидев съестное, тотчас же подплывают к салу. Одна из них жадно глотает его. Но сало скользкое и, быстро пройдя сквозь утку, выскакивает у неё позади!

Таким образом, утка оказывается у меня на верёвочке. Тогда к салу подплывает вторая утка, и с ней происходит то же самое.

Утка за уткой проглатывают сало и надеваются на мою бечёвку, как бусы на нитку. Не проходит и десяти минут, как все утки нанизаны на неё.

Можете себе представить, как весело было мне смотреть на такую богатую добычу! Мне оставалось только вытащить пойманных уток и отнести к моему повару на кухню.

То-то будет пир для моих друзей!

Но тащить это множество уток оказалось не так-то легко.

Я сделал несколько шагов и ужасно устал. Вдруг – можете себе представить моё изумле-ние! – утки взлетели на воздух и подняли меня к облакам.

Другой на моём месте растерялся бы, но я человек храбрый и находчивый. Я устроил руль из моего сюртука и, управляя утками, быстро полетел к дому. Но как спуститься вниз?

Очень просто! Моя находчивость помогла мне и здесь.

Я свернул нескольким уткам головы, и мы начали медленно опускаться на землю. Я попал как раз в трубу моей собственной кухни! Если бы вы только видели, как был изумлён мой повар, когда я появился перед ним в очаге!

К счастью, повар ещё не успел развести огонь.

Куропатки на шомполе

О, находчивость – великая вещь! Как-то мне случилось одним выстрелом подстрелить семь куропаток. После этого даже враги мои не могли не признать, что я – первый стрелок на всём свете, что такого стрелка, как Мюнхгаузен, ещё никогда не бывало!

Дело было так.

Я возвращался с охоты, истратив все свои пули. Вдруг у меня из-под ног выпорхнуло семь куропаток. Конечно, я не мог допустить, чтобы от меня ускользнула такая отличная дичь.

Я зарядил моё ружьё – чем бы вы думали? – шомполом!

Да, обыкновеннейшим шомполом, то есть железной круглой палочкой, которой прочищают ружьё!

Затем я подбежал к куропаткам, вспугнул их и выстрелил. Куропатки взлетели одна за другой, и мой шомпол проткнул сразу семерых. Все семь куропаток свалились к моим ногам!

Я поднял их и с изумлением, увидел, что они – жареные! Да,

они были жареные! Впрочем, иначе и быть не могло: ведь мой шомпол сильно нагрелся от выстрела, и куропатки, попав на него, не могли не изжариться. Я сел на траву и тут же пообедал с большим аппетитом.

Лисица на иголке

Да, находчивость – самое главное в жизни, и не было на свете человека находчивее барона Мюнхгаузена.

Однажды в русском дремучем лесу мне попалась чернобурая лисица.

Шкура этой лисицы была так хороша, что мне стало жаль портить её пулей или дробью. Не медля ни минуты, я вынул пулю из ружейного ствола и, зарядив ружьё длинной сапожной иглой, выстрелил в эту лисицу. Так как она стояла под деревом, игла крепко пригвоздила её хвост к самому стволу.

Я не спеша подошёл к лисице и начал хлестать её плёткой. Она так ошалела от боли, что – поверите ли? – выскочила из своей шкуры и убежала от меня нагишом. А шкура досталась мне целая, не испорченная ни пулей, ни дробью.

notes

Примечания

1

Одноколка – (разг.) двухколёсный, лёгкий, с одной осью экипаж.

2

Хорт – борзая собака, ловчая, для травли.

3

Помочь – (устар.) помощь.

Кочеток – (обл.) уменьш. – ласкат. к кочет – петух.

5

Жерновцы – жернова или ручная мельница.

6

Росстани – перекрёсток двух дорог.

7

Кудель – свёрток вычесанной шерсти, готовой для пряжи.

8

Тарантас – дорожная четырёхколесная, обычно крытая повозка.

9

Бить баклуши – бездельничать.

10

Самоеды – старо-рус. название саамов и др. народов Севера России и Сибири.

11

Сенник – навес, под которым хранилось сено.

12

Лубки – дешёвые картинки с изображением героев сказок, былин.

13

Малахай – длиннополая широкая одежда без пояса.

14

Саранча – насекомое, похожее на кузнечика, налетающее тучами и поедающее злаки и травы.

15

Очь – (устар.) глаз.

16

Бабка – игральная кость.

17

Жомы – тиски.

18

Серчать – сердиться.

19

Яхонт – старинное название драгоценных камней – рубина, сапфира.

20

Седмица – (устар.) неделя.

21

Некорыстный наш живот – честно заработанный достаток.

Неможет – хворает, болеет.

23

Шайтан – чёрт, дьявол.

24

Содом – здесь: шум, беспорядок.

25

Постучали ендовой – выпили. Ендова – большой широкий сосуд, служил для разлива питья.

26

Суседко – домовой, покровитель дома, в особенности коней.

27

Каурка – лошадь рыжей (каурой) масти, в народных сказках – вещий конь-помощник.

28

Еруслан Лазаревич – герой сказок, богатырь.

29

Ширинка – широкое полотенце.

Вину – здесь причину.

31

Налой – аналой; во время венчания жениха и невесту обводили вокруг него.

32

Болесть – тяжёлая болезнь: царь бранится.

33

Стихотворение автор посвятил памяти А.С. Пушкина.

Рать – (устар.) войско.

35

Онучи – куски полотна, предназначавшиеся для обёртывания ног.

36

Тубо – значит «нельзя».

37

Спринцовка – разбрызгиватель.